

ДОСТОЕВСКИЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КРУГИ 1870-х ГОДОВ

Статья Леонида Гроссмана

I

Достоевский дважды приобщался к ходу современной политики: в начале и в конце своего литературного пути. Если в 40-е годы он принимает заметное участие в кружках русских фурьеристов и даже оказывается замешанным в революционную пропаганду петрашевцев, его ранняя оппозиционность не успевает проявиться в действии и сравнительно быстро обрывается апрельским арестом 1849 г. Но в последнюю эпоху своей биографии Достоевский входит в среду государственных деятелей царской России и в согласии с общим направлением петербургских правительственных кругов ведет свою публицистику и заостряет идеологически свои художественные произведения. В беседах с представителями династии, в общении с министрами, в очередных выпусках „Дневника писателя“, наконец в своих общественных романах Достоевский становится своеобразной и крупной политической силой: активным деятелем момента он вырабатывает общие философские идеи, во имя которых возможно проведение той или иной практической меры. Под деловые задачи текущей государственности он подводит широкие исторические принципы и обобщающие политические гипотезы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о святости войны, о цивилизаторской миссии России на Ближнем Востоке. Он как бы вмняет себе в задание привести отвлеченную мысль на службу царизму и укрепить его верховное влияние своим авторитетным словом знаменитого писателя. Это та особая „политика идей“, которая часто как бы парит над фактами и делами, не вникая в детали и не занимаясь проблемами осуществлений, но обобщая патриотические предания и маскируя исторической философией программу и практику правящих кругов.

Свойственная биографии Достоевского контрастность эпох и моментов с особенной силой сказалась под конец его жизненного пути. Участник социалистического кружка 40-х годов, где обсуждались вопросы о царевубийстве, об истреблении всей царской фамилии и всего высшего правительства, Достоевский в 70-е годы входит в придворные круги и находится в близких отношениях с виднейшими представителями царствующего дома. Мало известный эпизод его духовного руководства младшими великими князьями, его знакомство с братом царя генерал-адмиралом Константином Николаевичем, его дружба с молодым Константином Романовым и наконец непосредственное общение с наследником престола и „государыней-цесаревной“ завершают целую полосу его идейных и личных сближений с такими деятелями эпохи Александра II, как К. П. Победоносцев, Третий Филиппов и М. Н. Катков. В третьем поколении царизм, приговоривший в 1849 г. Достоевского к расстрелу и каторге, не только снимает с него всякие подозрения в оппозиционном образе мыслей, но возводит его в степень выразителя своих осново-

положных воззрений и предначертаний. Внуки Николая I относятся к Достоевскому с почтительнейшим вниманием, стремясь сберечь для своего политического дела такого крупного и влиятельного союзника, как известнейший из писателей старшей плеяды русских романистов.

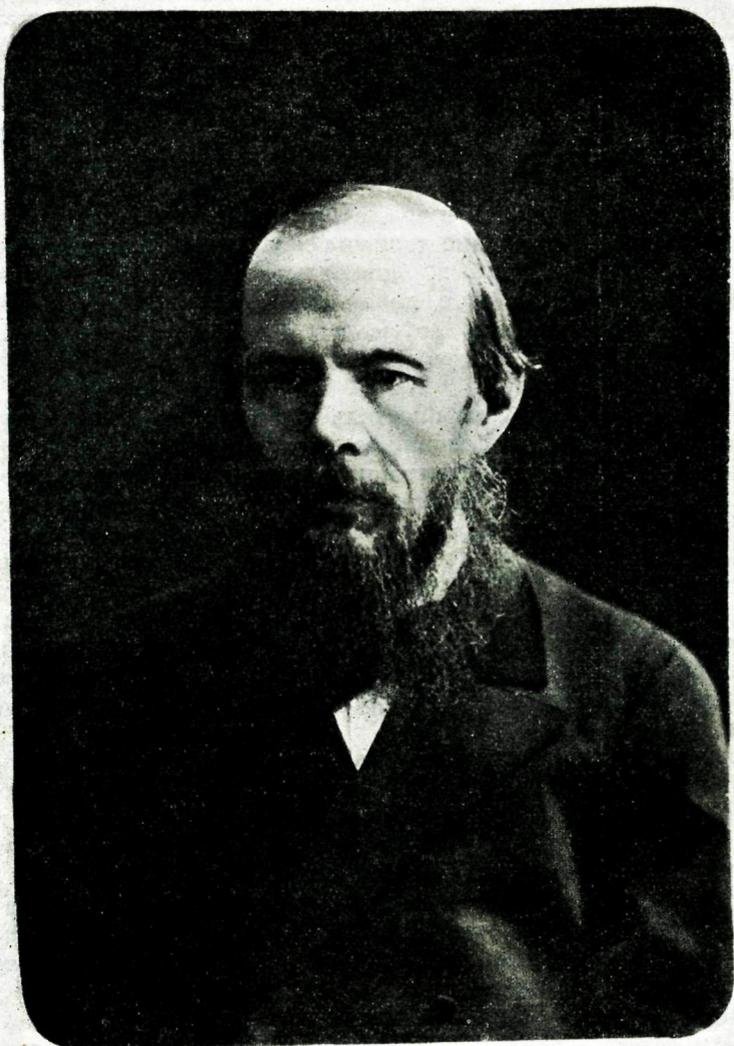
Недаром на другое утро после смерти Достоевского, 29 января 1881 г., наследник пишет К. П. Победоносцеву: „... очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского, это большая потеря и положительно никто его не заменит“. Имеется в виду конечно не литература, которую „цесаревич“ интересовался весьма мало, а высшая государственная политика, к которой вплотную приблизился в своей публицистике только что скончавшийся писатель. И если бы Достоевский не умер за месяц до вступления на престол Александра III, мы вероятно увидели бы его в 80-е годы открытым соратником наступающего самодержавия, тревожно ищущего после потрясения 1 марта новых прочных основ для укрепления своей зашатавшейся мощи.

Близость к верховной власти широко раскрывает перед Достоевским и замкнутые круги столичной аристократии. Никогда не принадлежавший ни по своему происхождению, ни по профессии, ни по сложившемуся быту к высшему дворянству, Достоевский под конец жизни преимущественно обращается в этом кругу, стремясь стать выразителем его социально-политических воззрений. В качестве редактора „Гражданина“ он сближается с рядом крупных правительственных деятелей, сотрудничавших в органе Мещерского и участвующих в политических салонах столицы. Отдел „Гражданина“ — „Еженедельная хроника“, являясь преимущественно обзором великосветской и правительственной жизни в духе известных обзоров французской газеты „Фигаро“, в свою очередь приближал Достоевского к высокопоставленному Петербургу. Здесь постоянно назывались имена представителей этого мира, среди которых мы встречаем ряд фамилий будущих титулованных корреспондентов Достоевского.

Если в начале 70-х годов Достоевский сближается с государственными публицистами, конец десятилетия ознаменован его непосредственным общением с высшими представителями власти и знати. Верный своим сложившимся политическим убеждениям и принятой им в последнюю эпоху общественной программе, Достоевский сближается в свои последние годы с обширными слоями петербургского света, сословные и государственные интересы которого он считает себя призванным защищать. Этим как бы завершается издавна намечавшаяся тенденция: еще в 1860 г. он составлял своему приятелю барону Врангелю для собрания дворян Петербургской губернии блестящую речь о вольностях и правах дворянства. В 1869 г. в письме к Страхову он выражает свое восхищение новой драмой, в которой показана „сановитость боярская безо всякой карикатуры“ и развернута картина русского „джентльменства“ и московского „grand monde'a“ XVII в. „в высшей и правдивейшей степени“. И в полном согласии с этими воззрениями он в планах „Бесов“ намечает образ одного из главных положительных героев как „новую форму боярина“.

Такова одна из господствующих социальных симпатий Достоевского после 40-х годов.

Характерно, что сообщая родным о своем предстоящем браке, он, вопреки фактам, заявляет, что будущий тесть его „внук французского эмигранта в первую революцию, дворянина, приехавшего в Россию“ и что сыновья этого потомка легитимистов служат в гвардии. Когда под конец жизни один из его собеседников заявил ему, что Мещерский смешон со своими дворянскими затеями, Достоевский перебил его: „Разве вы не

Княгиня Елизавета Андреевна
Цертелева
на память
отъ Ф. М. Достоевскаго
въ знакъ глубочайшей уваженія,

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография 1880-х гг. с дарственной надписью кн. Е. Цертелевой
Музей Государственного Академического Большого Театра, Москва

находите необходимым собрать в какую-нибудь организацию лучших людей?" И сам он в это время уже состоит видным членом союза, объединившего славянофильских представителей правительственного и военного мира с правыми кругами журналистики и науки. Это — Славянское благотворительное общество, возникшее из старинного Московского комитета, который стремился противопоставить силы русской государственности и церковности западным организациям латино-иезуитской пропаганды между славянами. К концу 70-х годов Достоевский — вице-президент Общества; он составляет адрес царю к его 25-летию, он делегируется в Москву на открытие памятника Пушкину. Он признан выразителем мысли всего объединения¹.

И как многие случайные и спорные представители господствующего класса, Достоевский чрезвычайно дорожил своей принадлежностью к нему; у нас нет никаких оснований не доверять свидетельству его дочери: „Отец мой высоко ставил свое дворянское звание, и перед смертью просил мою мать внести нас, детей, в ту же книгу, что ею и было исполнено“ (речь идет о книге московского дворянства, в которую был записан Достоевский).

Так отчетливо определял сам писатель свою классовую природу, словно отводя от себя будущую тенденцию исследователей относить его к „мелкому мещанству“. И действительно, сын мелкопоместного дворянина, владевшего именьем в Тульской губернии, Достоевский и сам оставался всю свою жизнь бедным дворянином, тоскующим в капиталистическом городе по усадебному быту, страстно мечтающим о большом поместье, чтоб выйти из материального и сословного упадка и слиться наконец с крупным дворянством. К концу жизни цель эта была им в значительной степени достигнута. Он умирает среди забот о приобретении имения, накануне получения по наследству земельного владения, войдя в придворные круги и лично общаясь с представителями царствующего дома.

Но все это уже не в состоянии изменить его прочно установившейся сословной психологии и социального характера. Несмотря на столь успешное материальное и общественное восхождение, Достоевский по своему внутреннему облику остается до конца „бедным рыцарем“, убогим потомком литовских маршалов, мелким российским дворянином.

Под конец жизни выраженное сословное самосознание писателя заметно сказывается на его личных связях. Сравнительно мало общаясь с литературным Петербургом конца 70-х годов, Достоевский преимущественно возвращается в эту эпоху в кругах петербургской знати, весьма сочувственно принимающей знаменитого романиста в свою неприступную среду. Великосветские верхи столицы, круг придворной или служилой олигархии — вот человеческое окружение его старости. В конце 70-х годов Достоевский постоянно общается с гр. С. А. Толстой (вдовой поэта Алексея Константиновича), с Е. А. Нарышкиной, гр. А. Е. Комаровской, женой начальника Главного управления по делам печати Ю. Ф. Абаза, с княгиней Волконской, женою видного дипломата С. П. Хитрово, с бывшим попечителем Виленского учебного округа И. П. Корниловым, со славянофильствующим генералом Черняевым, будущим министром финансов И. А. Вышнеградским, дочерью дворцового архитектора Е. А. Штакеншнейдер, с председательницей Георгиевской общины графиней Е. А. Гейден, председательницей Общества ночлежных приютов Ю. Д. Засецкой и пр. Некоторые либеральные знакомства допускаются лишь в том же кругу, как например с А. П. Философовой или А. Ф. Кони.

общественное умонастроение. В монархической России, где государственная деятельность была доступна лишь тесному кругу царской семьи и ее личных друзей, автору „Дневника писателя“ удалось создать себе настоящую политическую трибуну.

С подлинным чутьем общественного деятеля Достоевский в своих выступлениях ищет единомышленников и влечется к союзникам. Пятницы Петрашевского и редакции полуправительственных изданий 70-х годов — вот идейные очаги двух эпох его политической биографии. Но если на заре его литературной деятельности идейным соратником, а отчасти и политическим руководителем для него явился „первый русский коммунист“ Спешнев, на закате аналогичную миссию выполнял знаменитый законовед и придворный педагог Константин Петрович Победоносцев.

В качестве государственного деятеля, еще далеко не достигшего в то время высших постов, будущий прокурор Синода весьма считался с публицистом и редактором „Гражданина“ Достоевским. В эпоху возникновения их дружбы знаменитый впоследствии руководитель верховной политики, состоявший до 1872 г. в звании сенатора, только что был назначен членом Государственного совета. Как преподаватель законоведения великим князьям он уже пользовался признанием при дворе, хотя Александр II и не любил его „за ханжество“. Как известно, подлинного влияния и власти Победоносцев достиг только в следующее царствование, но к этой цели он стремился издавна, скрыто и упорно.

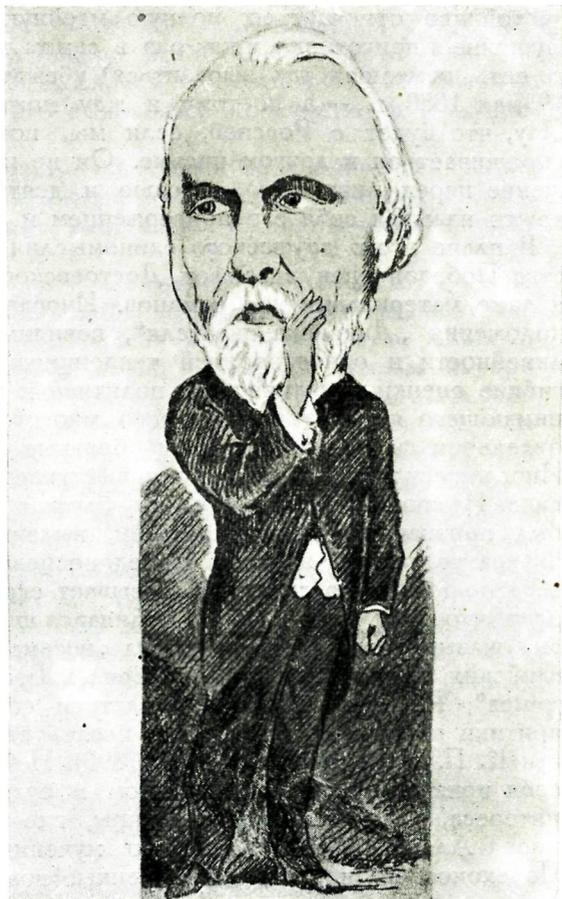
Союз с крупным писателем, примкнувшим к правительственному курсу, мог во многом привлечь тончайшего политического комбинатора, втайне претендовавшего на министерские посты. Уже летом 1873 г. Победоносцев активно помогает Достоевскому составлять выпуски „Гражданина“, „работает с ним вместе“, стремится облегчить ему трудность редакторского дела. Это сотрудничество представляет тем больший интерес, что на почве редакционно-журнальных взаимоотношений возникает близость, переходящая вскоре в настоящую дружбу на основе идейного единомыслия и в целях совместного политического влияния.

Основная идея Победоносцева о создании сильной монархической России путем восстановления допетровской церковности в русской жизни была родственна славянофильским или „почвенническим“ взглядам Достоевского. На этой основе они легко заключили союз: „Культуры нет у нас, дорогой Константин Петрович, а нет через нигилиста Петра Великого“, пишет Победоносцеву Достоевский в 1879 г., выражая одно из своих давнишних воззрений, мелькающее в его записных книжках середины 60-х годов. Из их переписки видно, что Победоносцев чрезвычайно зорко следил за публицистической деятельностью Достоевского, сообщал ему материалы для „Дневника писателя“ (например о самоубийстве дочери Герцена), давал обстоятельную оценку почти каждому выпуску его издания, был негласным консультантом писателя по важнейшим вопросам текущей государственной политики, о чем Достоевский с признательностью писал ему: „С будущего же года, уже решил теперь непременно, возобновлю „Дневник писателя“. Тогда опять прибегну к Вам (как прибегал и в оны дни) за указаниями, в коих, верю горячо, мне не откажете“ (19 мая 1880 г.). И Победоносцев, нисколько не отказывая в напутствиях и советах, всячески содействовал успеху „Дневника“ Достоевского. Есть основание предполагать, что большое количество представителей духовенства среди подписчиков „Дневника писателя“, в том числе и высоких иерархов, как наместник Киево-печерской лавры или епископ астраханский и енотаевский, объясняется рекомендацией издания Достоевского святейшим Синодом.

М. Н. КАТКОВ

Карикатура из «Будильника» 1880 г.,

№ 15

Таким же советником писателя Победоносцев выступал и по вопросам творческого порядка. „Своего „Зосиму“ он задумал по моим указаниям, — сообщал обер-прокурор Ив. Аксакову. — Много было между нами душевных речей“. В письме от 10 марта 1904 г. Победоносцев, выражая свою благодарность А. Г. Достоевской за присылку „Братьев Карамазовых“ в новом издании, пишет: „Помню, когда Федор Михайлович писал эту книгу, в ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа“. Еще подробнее об этом Победоносцев пишет А. Г. Достоевской 24 ноября 1906 г., т. е. за несколько месяцев до смерти. „Немного уже осталось старых друзей его — и я еще доживаю, и думаю, что счастливы многие, не дожившие до нашего времени. Мое знакомство с ним не с ранних годов. — Оно началось с вечеров у Мещерского, а потом сошлись мы ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею Гражданин. А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам вечером на беседу — и как теперь помню, как бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы Карамазовых, которых писал тогда“.

Сохранившиеся письма свидетельствуют о том, что Победоносцев не переставал направлять Достоевского даже в процессе его работы над „Братьями Карамазовыми“. И знаменитый романист принимает это руководство, просит отзывов, разъясняет свои позиции, ищет поддержки, делится своими планами и замыслами. Он не скрывает, что приезжает к Победоносцеву „дух лечить“, ловить „слова напутствия“ и

настойчиво отмечает их полную идейную солидарность: „Мою речь о Пушкине я приготовил, и как-раз в самом крайнем духе моих (наших) то-есть, осмелюсь так выразиться) убеждений, — пишет он в письме от 19 мая 1880 г., — а поэтому и жду может быть некоего поношения“. „Ну, что будет с Россией, если мы, последние могикане, умрем?“ — спрашивает он в другом письме. Он не перестает выражать свое восхищение перед личностью, мыслью и деятельностью Победоносцева, открыто называя себя его приверженцем и почитателем.

В плане этого дружеского единомыслия и политического руководства Победоносцев снабжает Достоевского соответствующими статьями и даже материалами для романов. Иногда он оспаривает те или иные положения „Дневника писателя“, повидимому противопоставляя прямолинейности и односторонней тенденциозности публициста свои более гибкие оценки практического политика и искусного дипломата, воспринимающего явление во всей его многогранности и усматривающего в отдельном факте все его разнообразные возможности и последствия². Иногда государственный деятель выступает и в роли художественного критика. Нужно помнить, что своим ближайшим окружением Победоносцев был признан крупным писателем, выдающимся стилистом и знатоком литератур. Лично знавший Победоносцева французский дипломат и литератор Мельхиор де Вогюз называет его „русским де Местром“ и уверяет, что этот „Торквемада“ отличался широкой начитанностью в поэзии: он, оказывается, особенно любил „весьма далеких от православья“ английских поэтов Шелли, Суинберна и Броунинга (E. M. de Vogüé. „Les routes“, P., 1910, 136). Впоследствии современные правительственные критики посвящали даже целые исследования „литературной деятельности К. П. Победоносцева“ (П., 1896). Неудивительно, что сам он считал себя призванным быть советчиком и судьей Достоевского. Не лишено интереса, что знаменитые страницы, где Иван Карамзов развертывает перед Алешей картину детского мученичества, встретили со стороны Победоносцева чисто художественные возражения. Некоторое нагнетание ужасов и напряжение драматических эффектов в монологе Ивана Карамзова вызывает с точки зрения законов художественного самоограничения критическое замечание Победоносцева. В другом месте он правильно отметил безукоризненную художественность „Преступления и наказания“, где самые кровавые и жестокие сцены подчинены строгой организованности. Невольно вспоминается тонкий стилист Тихон, отмечающий в „Исповеди Ставрогина“ недостаточную эстетичность преступления и погрешности в самом слоге рассказа³. В беседах Победоносцева с Достоевским было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди его последних романов.

III

Вскоре после их знакомства Победоносцев начинает направлять Достоевского и по трудному пути придворной карьеры. Еще не занимая высших государственных должностей, он уже умело действует за кулисами верховной политики и пользуется несомненным влиянием при дворе наследника. Вскоре это начинает сказываться и на биографии автора „Бесов“.

Нужно думать, что Победоносцев, дававший царям ряд советов в области их культурных интересов и отношений, подал мысль Александру II пригласить Достоевского для бесед со своими младшими сыновьями. С начала 1878 г. начались собеседования писателя с вел. князьями Сергеем и Павлом, продолжавшиеся и в последующие годы. Достоевский уже после первой встречи нашел; что „они обладают добрым сердцем

Анна Григорьевна сообщает, что в доме графини Менгден 22 декабря 1880 г. Достоевский „был приглашен во внутренние комнаты, по желанию императрицы⁴ Марии Федоровны, которая благодарила Федора Михайловича за его участие в чтении и долго с ним беседовала“.

Сохранились свидетельства, что в декабре 1880 г. „их высочества“ оказали писателю „милостивый прием“: характерно, что „Достоевский, бывший в эту эпоху глубоким монархистом, не пожелал следовать придворному этикету и держал себя во дворце так же, как он имел обыкновение вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, встал, когда нашел, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с царевной и ее супругом, оставил дворцовый зал, как гостиную своих друзей“... Александр III якобы не был этим шокирован и впоследствии отзывался о Достоевском с достаточным уважением.

После этого представления Достоевскому оставалось переступить еще одну только последнюю ступень, чтоб восхождение его по лестнице придворных сближений было завершено: ему оставалось еще знакомство с самим царем. Но через месяц после приема у наследника не стало Достоевского, через два месяца — Александра II. Автор „Дневника писателя“ ушел в самую горячую минуту, среди террористических актов, беспомощных попыток к реформам и великой растерянности верховной власти, словно предчувствующей неизбежность подступавшего 1 марта.

Вообще близость Достоевского к правительственным кругам заметно сказалась в момент его смерти. С утра 29 января, т. е. уже через 12—15 часов после смерти Достоевского, правительством принимается ряд мер, имеющих целью отметить его участие в событии. Наследник сообщает К. П. Победоносцеву на его запрос: „Гр. Лорис-Меликов уже докладывал сегодня утром Государю об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского“. Утром 29 января от министра внутренних дел передают вдове писателя сумму на похороны и объявляют ей, что дети Достоевского будут воспитываться на казенный счет. На следующий день министр финансов извещает А. Г. Достоевскую, что ей назначена государем вдовья пенсия в две тысячи рублей. „Русский царь, — умиленно отмечало „Новое Время“, — становится во главе того почета, который оказывается памяти русского писателя“. На панихидах присутствовали гофмейстер Н. С. Абаза, адъютант граф Н. Ф. Гейден, в. кн. Дмитрий Константинович. Принцесса Ольденбургская прислала на гроб Достоевского венок, великая княгиня Александра Иосифовна — сочувственное письмо вдове.

Из-за границы приходят соболезнующие телеграммы от Сергея, Павла и Константина. Министр народного просвещения вместе с обер-прокурором Синода идут за гробом писателя.

Таким образом момент смерти Достоевского как бы вызывает демонстрацию благоволения к нему царствующей династии, признавшей нужным откликнуться на кончину писателя в лице самого царя, его министров, его детей и племянников.

Опекунство над малолетними Достоевскими принимает на себя „наставник царей“ — сам К. П. Победоносцев⁵.

Правительственная печать отразила полностью эти отношения „сфер“ к событию. Правые органы уделали исключительное внимание смерти Достоевского, превратив некрологи и поминальные статьи в сплошной дифирамб ушедшему „патриоту“. Правдивые ноты глубокого признания великого художника вместе с критическим отношением к его политическому исповеданию раздались лишь в немногих оценках умершего. Приведем одну из них как голос ясного суждения среди обычного хора условных и внешних похвал.

А. С. СУВОРИН

Шарж из «Искры» 1909 г.

„Страстная ненависть к лучшим идеям нашего времени, которая так часто проявлялась в произведениях Достоевского, не вызывает в нас обидного чувства. Достоевский по своей глубокой натуре и не мог иначе чувствовать. Чему он верил, он верил со страстью, он весь отдавался своим мыслям; чего он не признавал, то он часто ненавидел. Он был последователен и, раз вышедши на известный путь, мог воротиться с него только после тяжелой, упорной борьбы и нравственной ломки“...⁶ Но такого внутреннего кризиса Достоевский в 70-е годы не переживал. Открыто выйдя в начале десятилетия на путь борьбы с „европеизирующими“ течениями русской мысли, он уже до конца не слагал оружия, не сдавал позиций и не знал возврата к политическим идеям и социальным верованиям своей „фурьеристской“ молодости⁷.

IV

Таково в основном было человеческое окружение стареющего Достоевского.

Мир „властителей и судей“, к которым он обращал в молодости

гневные инвективы державинского псалма, стал его миром. Он вошел в этот круг и превратился в одну из сильнейших его опор.

Нужно признать, что российский монархизм на закате царствования Александра II сделал величайшее идеологическое приобретение, завоевав для своего дела перо Достоевского. Он это сделал с максимальной искусностью, не превратив Достоевского в редактора правительственного официоза и сохранив за ним видимость литературной независимости, обеспечивающей столь нужную верхам популярность писателя в широких кругах молодого поколения⁸. В отличие от правительственных публицистов типа Каткова и Мещерского, Достоевский сохранял до конца более свободную позицию правого славянофила, философски идеализирующего царизм и православие. Его реакционная публицистика 70-х годов в целом не перешла еще границ самостоятельного изложения его государственной философии и, к счастью для его памяти, не превратилась в официальное оружие российской императорской системы. В этом направлении на него только возлагались надежды, его исподволь готовили к предстоящей миссии и лишь отчасти испытывали к ней, осторожно направляя его перо публициста и постоянно напоминая ему о благосклонном внимании к его деятельности высочайших особ и их ближайших сподвижников. И если Достоевский к концу жизни и не стал придворным писателем, иные страницы его общественных записей готовились в официальных кругах и инспирировались их вождями.

Вот почему политическая позиция Достоевского в 70-е годы представляет значительный интерес, проливая свет на высшую правительственную механику конца царствования Александра II и одновременно освещая пути мысли и истоки тем воинствующего автора „Дневника писателя“.

Не превращая свой единоличный ежемесячник в официозный орган, Достоевский в эту эпоху выступает все же активным реакционным публицистом.

Следует отказаться для последнего периода биографии Достоевского от обычного представления о том, якобы рядом с реакционером в нем уживался революционер, а публицистика его одновременно отливает и черным и красным. Взгляд этот, как известно, был высказан Д. С. Мережковским в его статье „Пророк русской революции“, где впрочем имелась в виду только революция 1905 г.: „Достоевский — пророк русской революции, — писал Мережковский, — но, как это часто бывает с пророками, от него был скрыт истинный смысл его же собственных пророчеств... Он был революцией, которая притворилась реакцией...“ Статья Мережковского представляла собою модный в те годы вид субъективного этюда, построенного на положениях, отражающих личное воззрение автора, не подкрепленное объективной системой доказательств. Но мысль Мережковского, эмоционально и импрессионистски выраженная, разрабатывалась и позднейшими исследователями, которые впрочем не подвели под этот парадоксальный тезис достаточной документальной аргументации⁹.

Между тем установление политической позиции Достоевского в 70-е годы представляет первостепенный интерес для его биографии, для истории его творчества, для изучения русской литературной, общественной и журнальной мысли 70-х годов. Это — большая и ответственная тема, требующая от исследователя прежде всего фактических доказательств и документального подкрепления своих выводов. Обращение же к источникам здесь неизбежно опрокидывает все заманчивые и обманчивые теории о скрытой революционности стареющего романиста. Достоевского-

1877
 11

 Милостивому
 Государю С. Уварову
 я буду очень рада и
 благодарна Вам, если
 вы на подарите мне
 книгу у меня. Вперед
 желаю. В. С. Уварова
 Мария 20 го. М.
 Вперед желаю. М.
 Мария 20 го. М.
 Мария 20 го. М.

ПИСЬМО КОНСТАНТИНА РОМАНОВА К ДОСТОВЕСКОМУ
 (ШЕРВАЯ СТРАНИЦА)
 Публичная библиотека им. Ленина, Москва

Мария 20 го. М.
 Мария 20 го. М.
 Мария 20 го. М.
 Мария 20 го. М.
 Мария 20 го. М.

ПИСЬМО КОНСТАНТИНА РОМАНОВА К ДОСТОВЕСКОМУ
 (ВТОРАЯ СТРАНИЦА)
 Публичная библиотека им. Ленина, Москва

жертву и Достоевского - заговорщика следует решительно оставить при изображении последнего десятилетия его жизни. Данных к этому нет, а в прикрасах он не нуждается. Постараемся же из уважения к его творческому облику с возможной точностью установить последнюю стадию его политической эволюции.

Исходя из особого „христианского социализма“ 40-х годов, Достоевский в дальнейшем стремился строго дифференцировать эти два начала своего раннего исповедания и первым победить второе. „Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда даже некоторыми из коноводов его с христианством, — пишет он в „Дневнике писателя“, — и принимался лишь за поправку и улучшение последнего соответственно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 1848 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей“.

Достоевский и был в молодости приверженцем того „зарождавшегося социализма“, который через тридцать лет представлялся ему „розовым и райским нравственным“. Но только теперь, на склоне своей жизни, он признает, что эта благодушная идиллия представляла собой по существу „мечтательный вред“ и готовила человечеству „мрак и ужас в виде обновления и воскресения его“. Теперь „христианский социализм“, пленивший его в конце 40-х годов, представляется ему величайшей опасностью и гибельнейшим соблазном именно потому, что, баюкая мысль привычными гуманистическими идеалами, он приводит к безбожии и крови.

Один из героев „Братьев Карамазовых“ замечает, что среди революционеров есть несколько особенных людей: „это в бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты... Это страшный народ. Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника“.

Едва ли этими словами Достоевский не произносит осуждения своему собственному политическому исповеданию 40-х годов.

Защитники теории о революционных течениях в творчестве стареющего Достоевского указывают обычно на „Сон смешного человека“ как на доказательство социализма писателя и в последнюю эпоху его жизни.

Между тем „Сон смешного человека“ — одна из последних попыток Достоевского развенчать „утопистов“, „теоретиков всеобщего счастья“, „строителей человечества“. Рассказ этот во многом перекликается с „Записками из подполья“. „Сон смешного человека“ есть отрицание социализма как вредной утопии, как гибельной мечты с провозглашением необходимости для человечества объединиться единственно на основе евангельской этики. В духе своего последнего учения Достоевский зовет здесь к объединению не в науке и равенстве, а только в церкви и христианстве. Центральная глава рассказа — это новая сатира Достоевского на утопический социализм. Безгрешных и счастливых людей „золотого века“ возвращает „современный русский прогрессист и гнусный петербуржец“. Именно он, этот современный прогрессист, приобретает совершенных и блаженных людей к разлагающему знанию, лжи, сладострастью, кровопролитию.

„Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтобы сохранить ее, а для обеспечения кодексов поставили гильотину. Утратив счастье, они стали поклоняться идее всеобщего счастья и думать: как бы всем вновь

КОНСТАНТИН РОМАНОВ

Фотография 1880-х гг. с дарственной надписью сыну писателя Ф. Ф. Достоевскому

Институт Русской Литературы,
Ленинград

так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе, как бы и в согласном обществе. Целые войны поднялись из-за этой идеи. Все воюющие твердо верили в то же время, что наука, премудрость и чувство самосохранения заставят наконец человека соединиться в согласное и разумное общество, а потому пока, для ускорения дела „премудрые“ старались поскорее истребить всех „непремудрых“ и не понимающих их идею, чтобы они не мешали торжеству ее. Но чувство самосохранения стало быстро ослабевать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего“.

Так преломляются в сновидении смешного человека реминисценции ранних увлечений Достоевского фурьеризмом и родственными ему учениями.

В земной рай социализма Достоевский не верит и открыто говорит об этом устами своего героя („...не бывать раю ведь уж это я понимаю“), а выход из тупика истории он намечает теперь только в христианстве, очищенном от всякого социализма: „главное — люби других, как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться“. Таким поучением завершается рассказ о счастье человека, утратившем свое счастье. Вскоре в „Братьях Карамазовых“ этот принцип христианской этики отойдет в отчетливую формулу теократии: „Церковь должна заключать сама в себе все государство“. Так в последней стадии мировоззрения Достоевского христианство, некогда незаконно приобщенное к учению теоретиков-утопистов, окончательно очищено от всякой примеси социализма. Последний роман Достоевского возвещает об этой полной победе теократического идеала над ранней формацией его утопического мирозерцания.

V

Ни по своей композиции, ни по своим тенденциям „Братья Карамазовы“ не могут считаться лучшим созданием Достоевского, хотя в ряде страниц мастерство романиста и проявляет себя здесь в полной силе. Но великий мастер романа Достоевский вообще не может быть признан непогрешимым. Напротив, своеобразнейшая черта его дарования — это право на ошибку, обеспечивающее ему свободу, непосредственность и горячность его художественной речи. Последний его роман, несмотря на исключительные творческие подъемы, не свободен от перебоев как в идейном, так и в художественном плане. Изучение писателя не может обходить и замалчивать этих сторон его творчества, нередко раскрывающих самые основы его проповеди. Анализ шедевра не исчерпывается панегириками в его честь, но требует пристального рассмотрения всего произведения, не исключая из поля зрения и его патологических тканей. Не ловить ошибки великого художника собираемся мы, а только осветить подлинную природу его последнего создания для правильного понимания творческой и мировоззренческой драмы умирающего Достоевского.

Обширный, многопланый и многоликий роман о карамазовщине далеко не равноценен в своих частях и компонентах. Необычайная острота характеристик, напряженный трагизм изображенных страстей и пороков, отточенная диалектика бесед и споров, гениальная богословская критика в поэме о Великом инквизиторе — все это заслоняет от нас политическую природу романа. Между тем по основной тенденции своей последнее произведение Достоевского мало чем отличается от „Бесов“, а кое-чем даже превосходит их по мрачности и безотрадности своего жесткого обличения. Вопросы государства и церкви, суда и печати, школы и национальностей, словом, почти все основные проблемы внутренней жизни самодержавной России здесь разрешаются в строгом духе официальной программы и нередко воплощаются в традиционные маски романистов-обличителей из „Русского Вестника“. Для правильного понимания „Братьев Карамазовых“ необходимо всмотреться в эту политическую основу всего произведения и ощутить за волнующим уголовным сюжетом, за образами исключительной силы и жизненности, за исповедями горячего сердца и бунтами возмущенной совести идеи и тенденции того правительственного круга, с которым постоянно общался Достоевский в эпоху написания своей последней эпопеи.

В сопроводительных письмах при посылке рукописей романа в „Русский Вестник“ Достоевский раскрывает до конца эти публицистические стремления своего эпоса: он называет бунт Ивана Карамазова „синтезом современного русского анархизма“ (т. е. революции): „Современный отрицатель, из самых ярых, прямо объявляет себя за то, что советует дьявол, и утверждает, что это вернее для счастья людей, чем Христос. Нашему русскому, дурацкому, но страшному социализму (потому что в нем молодежь) — указание, и кажется энергическое: хлеба, Вавилонская башня (т. е. будущее царство социализма) и полное порабощение свободы совести — вот к чему приходит отчаянный отрицатель и атеист.

Разница в том, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилистка, — вы знаете это) — сознательные иезуиты и лгуны не признающиеся, что идеал их есть идеал насилия над человеческой совестью и низведение человечества до стадного скота, а мой социалист (Иван Карамазов) — человек искренний, который прямо признается, что согласен с взглядом „Великого Инквизитора“ на человечество, и что Христова вера (будто бы) вознесла человека гораздо выше, чем стоит

он на самом деле. Вопрос ставится у стены: „Презираете вы человечество или уважаете, вы, будущие его спасители?“

В одном из этих писем Достоевский прямо заявляет, что считает задачу свою в „Братьях Карамазовых“ (разбитие анархизма) „гражданским подвигом“.

Попытаемся проследить основные этапы публицистической работы Достоевского в его последней хронике.

В эпоху Александра II одной из больных проблем внутренней политики являлся новый суд, вызывавший непрестанную тревогу правительства слишком свободными формами судебного разбирательства и английским принципом общественных судей. В знаменитом совещании высших государственных чинов 8 марта 1881 г., предопределившем направление всей внутренней политики Александра III, Победоносцев в программной речи, подводя свои неутешительные итоги только что закончившемуся царствованию, между прочим заклеил своим осуждением и новые судебные учреждения, эти „говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, несомненные убийства и другие тяжкие злодеяния остаются безнаказанными“. Это характерная точка зрения для реакционера 70-х годов, требующего пересмотра реформ начала царствования и в частности яростно нападающего на суд присяжных как на некоторую форму народного представительства в отправлении государственных обязанностей.

Эту точку зрения усваивает себе понемногу и Достоевский. Сторонник судебной реформы в начале 60-х годов, он в 70-е годы выступает решительным противником присяжной адвокатуры и общественных судей. Уже в № 2 „Гражданина“ 1873 г. он возражает против института присяжных (якобы испытывающих „ощущение самовластия“ и одержимых „манией оправдания“) и дискредитирует деятельность адвокатов („лжет против своей совести“ и пр.). К этой теме он возвращается в „Дневнике писателя“ 1876 г., критикуя выступление Спасовича („юная школа изворотливости ума и засухения сердца“) и пр.

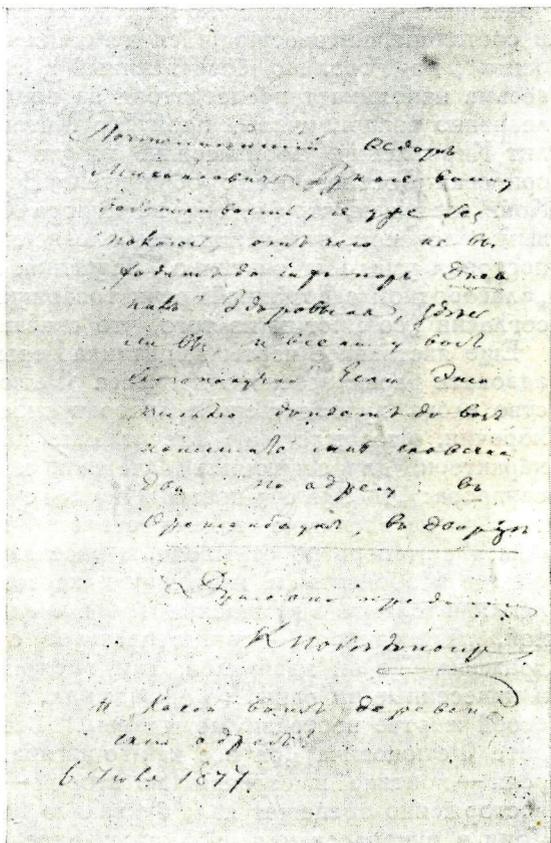
К концу жизни Достоевский успел и художественно оформить эту критику русского суда. В заключительной книге романа, в изображении дела Митеньки Карамазова, Достоевский развертывает в тончайших деталях ироническую картину состязательного процесса по судебным уставам 1864 г. При этом он не идет легким путем изображения кричащих отрицательных явлений, поражающих своим уродством или отсталостью. Все дано в образцовых формах. Раскрывается механизм как бы некоторого совершенного трибунала. Выдающийся адвокат, поражающий умом, эрудицией, красноречием; достойный соперник его в лице талантливого прокурора; образованный и гуманный председатель суда, человек „самых современных идей“; чуткая и внимательная медицинская экспертиза, настроенная всецело в пользу подсудимого, тончайшая система судебного следствия, блестящая остроумием и находчивостью приемов, наконец возбуждение к процессу общественного внимания всей России, всячески повышающее качество, этого турнира талантов. И в результате не только преступление остается нераскрытым, но вся эта сложнейшая машина усовершенствованного судопроизводства приводит к нелепой и трагической ошибке: невинного человека признают виновным в отцеубийстве, лишают его „малейшего снисхождения“ и приговаривают к двадцати годам каторжных работ.

Как же это происходит? На чьей стороне вина?

Ответ Достоевского совершенно точен: виною всему — суд присяжных. Эффектная казустика адвоката, этого „прелюбодея мысли“, для которого всякое явление — палка о двух концах. Но главное — самый

институт присяжных судей, выбранных от населения, вмешательство малосведущих представителей общества в принадлежащую государству и церкви функцию суда и кары над виновными. Кто судил Митю Карамазова? — четыре мелких чиновника, два купца и шесть городских крестьян и мещан. „Неужели такое тонкое, сложное и психологическое дело будет отдано на роковое решение таким судьям?“ — вполне разделяет это тревожное недоумение публики на карамазовском процессе сам Достоевский. Случайные члены населения, неподготовленные к общественным делам, выполняют верховные и самые ответственные функции государственной власти. Они только и могут, что „прикончить нашего Митеньку“ вместо вынесения ему ожидаемого всеми „неминуемого“ оправдательного приговора. Невольно вспоминаются слова Победоносцева о том, что суд „родит толпу адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, чтобы действовать на массу“; в лице присяжных „в нем действует пестрое смешанное стадо, собираемое или случайно или искусственным подбором из массы, коей недоступно ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки“.

Нужно помнить, что в эпоху написания романа вопрос об общественном суде стоял особенно остро: только что была оправдана присяжными Вера Засулич и политические дела изъяты из ведения суда присяжных. Случай карамазовского процесса — но в обратном смысле — имел место на знаменитом политическом процессе 1878 г.: несмотря на

ПИСЬМО К. П. ПОВЕДНОСОЦЕВА

К ДОСТОЕВСКОМУ

Публичная библиотека им. Ленина,

Москва

„неминуемый“ обвинительный приговор, тщательно подготовленный правительством, присяжные оправдали террористку. Правая печать признала приговор, освободивший Веру Засулич, „чудовищным делом“, и органы Каткова и Мещерского открыли яростную кампанию против суда присяжных. В процессе Митеньки Карамазова Достоевский отражает этот поход правительственной прессы против общественного суда.

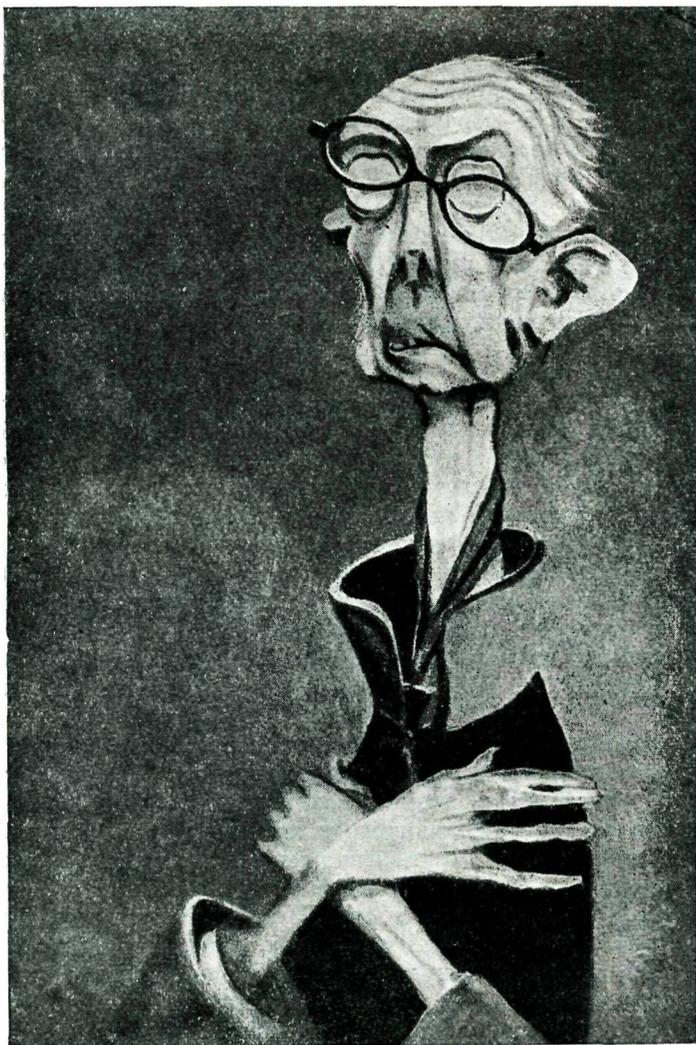
Нетрудно заметить, что в изображении пореформенного трибунала Достоевский, присутствовавший среди представителей печати на разборе дела Веры Засулич 31 марта 1878 г., использовал ряд бытовых деталей знаменитого процесса. Дело Дмитрия Карамазова тоже „получило всероссийскую огласку“, „потрясло всех и каждого“: в суде присутствовало „несколько знатных лиц“, „сановные старички со звездами на фраках“ (на процессе Засулич — канцлер Горчаков, государственный секретарь Сольский, А. Г. Строганов, А. А. Абаза, сенатор Арцимович, петербургский губернатор и несколько членов Государственного совета). Здесь впрочем близость к действительности могла бы вызвать некоторые возражения: вполне понятно присутствие сановников в столичном суде на разборе политического дела о покушении на петербургского градоначальника; но откуда им взяться в глухом захолустном Ското-пригоньевске на разборе частного-уголовного случая?

Близки к обстоятельствам процесса 1878 г. и другие черты описания Достоевского. „Особенно много оказалось дам“ (в воспоминаниях А. Ф. Кони сохранился длинный перечень представительниц сановного Петербурга, получивших билеты на процесс); большое количество юристов. Председатель суда на карамазовском деле — „человек образованный, гуманный, практически знающий дело и самых современных идей“, имеющий связи и состояние, интересующийся делом как „продуктом наших социальных основ“, но довольно безразличный к личной трагедии его участников, весьма напоминает председателя на процессе Засулич А. Ф. Кони. Болезненно восприимчивый прокурор Митеньки „самолубивый наш Ипполит Кириллович, произнесший умную и дельную речь“, вероятно был срисован Достоевским с обвинителя Веры Засулич. Из воспоминаний Кони мы знаем, что товарищ прокурора Кессель был угрюмым и строптивым человеком, отличавшимся болезненным самолюбием. Речь свою он построил умело и тактично. Защитник Александров начал с похвалы „благородной сдержанной речи товарища прокурора“ и заявил о своем согласии „со многим из того, что сказано им“.

Еще явственнее черты защитника Веры Засулич Александра в лице адвоката карамазовского процесса Фетюковича¹⁰. Выдающееся мастерство слова, художественная литературность речи, вышний подъем красноречия, ошеломляющее впечатление на слушателей — все это так же характерно для защитника Митеньки, как отдельные места речи Александрова: „то был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл“; „теперь по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам нетрудно вообразить и настоящую картину экзекуции“. Речь произвела исключительное впечатление и была единодушно признана блистательной. „Александров, — свидетельствует один из очевидцев, — был неподражаем. То он извивался, как змея и вливал свой смертоносный яд в нанесенные им раны, то он вздымался, как орел, и сверху вниз наносил своей жертве неотразимые удары...“ Все эти приемы уловлены в портрете Фетюковича; „он все как-то изгибался спиной“; в первой половине речи — критика и сарказм, во второй — высокая патетика, от которой восторженно трепещет зал; буквально воспроизводится и вмешательство Кони в рукоплескания публики по адресу Александрова, нарисовавшего

яркими красками картину экзекуции (в романе: „председатель, слышав аплодисмент, громко пригрозил очистить залу суда“...).

Осуждение европейски-либерального суда присяжных в последних главах „Карамазовых“ производится во имя положения, высказанного в начале романа: „суд церкви есть суд, единственно вмещающий в себе истину“. Характерно, что философ романа Иван Карамазов выступает

К. П. ПОВЕДОНОСЦЕВ

Гарикатура из альбома «Портретная галлерей градоначальников, в разное время в город Глугов от высшего начальства поставленных» (1731—1826 по Щедрина и 1826—1907 не по Щедрина), 1907 г.

в печати со статьей о церковно-общественном суде. Достоевский затрагивает по этому поводу одну из главных тем реакционного исповедания эпохи.

Краеугольным камнем своей программы Победоносцев считал вопрос о церкви и государстве. Борьбу этих начал он признавал знаменательнейшим явлением своего времени, утверждая, что „церковь как общество верующих не отделяет и не может отделять себя от государства как

общества, соединенного в гражданский союз". Иван Карамазов развивает аналогичное положение, в котором Достоевский сходится с Победоносцевым и Тertiем Филипповым: „церковь должна заключать сама в себе все государство, а не занимать в нем лишь некоторый угол“. Монахи в романе утверждают, что не Рим и не Лютер, а православие обратит государство в церковь. В плане этих обсуждений в роман вводится эпизод, вызвавший целую главу в „Дневнике писателя“, весьма одобренную Победоносцевым: о русском солдате Фоме Данилове, умерщвленном азиатами за отказ перейти в магометанство; на эту тему, как известно, развивает свою скептическую „контроверзу“ Смердяков.

Во всяком случае заканчивая роман, Достоевский в письме к Победоносцеву просит его обратить особое внимание на сентябрьскую книжку „Русского Вестника“, где кончается 4-я и последняя часть „Карамазовых“: „в этой Сентябрьской книге будет суд, наши прокуроры и адвокаты — все это выставлено будет в некотором особенном свете“. Но и без этого свидетельства мы знаем, что сатира на современный суд в карамазовской „Судебной ошибке“ вполне соответствует церковно-юридическим воззрениям знаменитого цивилиста, возглавлявшего с весны 1880 г. святейший Синод.

VI

Наряду с новым судом бдительное внимание власти привлекала и русская либеральная печать. К этому весьма робкому способу создать в России подобие общего мнения Победоносцев относился с величайшей подозрительностью и предвзятым осуждением: „Пресса есть одно из самых лживых учреждений нашего времени“. Любой уличный прохожий „может, имея деньги, основать газету и с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность“. Победоносцев особенно нападает на „корреспонденции из разных углов“, равносильные анонимным пасквилям, и яростно клеймит „гнусный промысел шантажа“, свивающий себе гнездо в недрах современной газеты.

В полном согласии с этими воззрениями правительственной реакции на печать охранительный роман-памфлет создает бродячий тип газетного деятеля, отмеченного всеми указанными свойствами. Образ прогрессивного журналиста, являющего в жизни черты моральной нечистоплотности, бытует в консервативных романах Лескова. Таков уездный учитель Зарницын в „Некуда“, посылающий обличительные заметки в катковские „Московские Ведомости“, Тишка Кишенский в „На ножах“, мелкий газетчик и полицейский сотрудник, открывающий кассу ссуд и участвующий в трех разных газетах противоположного направления, Варнава Препотенский в „Соборьянах“, посылающий в Петербург „резкие статейки“ о жизни своего захолустья и наконец попадающий в столицу, где он становится редактором большого органа. Таков же в „Панурговом стаде“ Крестовского литератор-провинциал Ардадьон Полояров, пишущий статьи „о немецко-татарском деспотизме петербургского царизма“ и продающий богатым откупщикам за крупные суммы пасквили, написанные на них. Черты маски однородны: продажность, карьеризм, крайняя неразборчивость в средствах, доходящая до уголовщины, при демонстративном исповедании „прогрессивных идей“. Достоевский очертил мимоходом этот тип в „Идиоте“, изобразив здесь боксера Келлера, который помещает в „еженедельной газете из юмористических“ (очевидно в „Искре“) статью пасквильного и шантажного характера под заглавием „Пролетарии и отпрыски, эпизод из дневных и

вседневных грабежей. Прогресс! Реформа! Справедливость!" Достоевский полностью воспроизводит в романе эту статью, давая в ней сгущенную и резкую пародию на обличительную корреспонденцию 60-х годов.

В „Братьях Карамазовых“ этот тип представлен „семинаристом-карьеристом“ Ракитиным. Это попович, ставший сотрудником столичных изданий. Он посылает в журнал корреспонденцию о процессе Дмитрия Карамазова, охотно играя на прогрессивной теме „застарелых нравов крепостного права и погруженной в беспорядок России, страдающей без соответственных учреждений“. Он, по замыслу и выполнению Достоевского, оказывается хищником, сводником, торгашом своими мнениями. Сотрудник радикальной прессы, он пишет брошюры, издаваемые епархиальным начальством „с превосходным и благочестивым посвящением преосвященному“¹¹. Сам он излагает Алеше меткую характеристику, данную ему Иваном: „примкну к толстому журналу“, „буду его издавать и непременно в либеральном и атеистическом направлении, с социалистическим оттенком“, „но держа ухо востро, то-есть, в сущности, дружа нашим и вашим“, „пока не выстрою капитальный дом в Петербурге“... Алеша подтверждает, что „это, пожалуй, как есть все и сбудется“.

В программе реакционеров особое внимание уделялось вопросам народного просвещения в целях ограждения подрастающего поколения от „революционной заразы“. Имена соответственных министров — „классика“ Толстого и врага „кухаркиных детей“ Делянова — надолго сохранились в памяти русской интеллигенции. Победоносцев в статьях о народном просвещении пытался оберечь русскую школу от „лукавой диалектики современных просветителей“. Охранительный роман, отвечая на эту задачу царского правительства, вводил в круг своих персонажей учащуюся молодежь (стриженные курсистки, студенты-естественники и пр.). Особую „маску“ представляет здесь гимназист-обличитель, рано приобщившийся к революционной доктрине. В „Панурговом стаде“ гимназист Шишкин бредит „дарованием новых прав и диктатурой над русской землею“... Аналогичная фигура выведена и в „Марева“ Ключникова — гимназист, „известный в свете под именем нигилиста Коли“, „дерзко заявляющий почтенным гражданам: „Я вас в ведомостях обличил да еще в воровстве“.

Этому типу соответствует в „Братьях Карамазовых“ мальчик Коля Красоткин, видимо революционер в зародыше, подросток-гимназист, заявляющий о себе „я социалист“, считающий себя знатоком народа, цитирующий Белинского и Вольтера, заявляющий Алеше, что „христианская вера послужила лишь богатым и знатым, чтобы держать в рабстве низший класс“... Достоевский изображает его без обычной злобной иронии, но не без тенденции указать на „больное явление“ русской действительности и раннюю зараженность подрастающего поколения губительными революционными теориями.

Наконец в романе „катковской“ школы обычно выводятся положительные образы русского духовенства, как бы в противовес всем представителям бесовских ратей и „панурговых стад“. Здесь сосредоточивается моральный пафос обличительной сатиры. Евангел („На ножах“), Иосаф („Панургово стадо“), игуменья мать Агния („Некуда“) — вот те опорные пункты, откуда раздаются голоса поучения и проповеди.

В романах Достоевского образы Тихона и Зосимы выполняют ту же композиционную функцию в общей системе изображения новых людей, и недаром часть романа, озаглавленную „Русский инок“, Достоевский считал краеугольным камнем всей эпопеи.

Есть в „Братьях Карамазовых“ один образ, словно вобравший в себя в максимальном напряжении весь запас гневной ненависти автора к разрушителю алтаря и престола. Для окончательного поругания и посрамления идейного врага — материализма, атеизма, космополитизма и теории борьбы и разрушения — все эти мятежные течения, идущие войной на вехий мир старорусского деспотизма, косности и невежества, воплощены в отвратительной фигуре Смердякова.

Лакей распутного вольнодумца Федора Павловича Карамазова, сын его от идиотки Лизаветы Смердящей, эпилептик, отцеубийца, моральное чудовище и духовный труп, разлагающийся на глазах читателя, — вот в какой синтетической фигуре олицетворяет Достоевский всех новейших представителей „левого доктринерства“ и „европеизующей интеллигенции“. Смердяков представлен в романе крайним западником, ненавидящим царскую Россию и желающим ей погибели. Это — по-своему тончайший аналитик и диалектик, рассекающий своей элементарной, но не лишенной гибкости мыслью все церковно-национальные и государственно-патриотические предания, которые стремится сохранить и сбечь в своем предсмертном романе Достоевский.

VII

Обличение нигилизма шло в „Братьях Карамазовых“ и по национальному признаку — Достоевский был одним из сторонников реакционной легенды, что все социально-революционное зло исходит от еврейства. Несмотря на его осведомленность в социалистической литературе 40-х годов в лице французских по национальности авторов — Фурье, Консидерана, Прудона, Луи Блана, несмотря на его личное участие в кружке Петрашевского, где не было ни одного еврея, вопреки наконец его пристальному вниманию к таким фигурам русской революции, как Герцен, Бакунин, Огарев, Нечаев, Каракозов, Чернышевский, — автор „Бесов“ поддерживал утверждения Мещерских и Сувориных о юдаистической природе социализма в теории и действии. В этом отношении характерно письмо Достоевского к редактору „Гражданина“ В. Ф. Пудыковичу от 29 августа 1878 г. „о Лассалях, Карлах Марксах“ и пр.

В письме мимоходом названы поляки — главная тема воинствующего шовинизма Каткова. Польский вопрос был одной из наиболее больших и острых тем тогдашнего правительства. После восстания 1863 г. в Западном крае проводится жестокая руссификаторская политика, вызывающая естественное возмущение коренного населения. Русская правофланговая беллетристика вводит в круг своих привычных персонажей шаблонную фигуру героя-поляка, подрывающего основы русской государственности. Лесков выводит в „Некуда“ студента Костана Слободзиньского и старого офицера бывших польских войск Владислава Ярошинского, который оказывается переодетым иезуитом. В „Панурговом стаде“ Крестовского фигурируют в тех же предательских ролях полковник Пшединский и ксендз Кунцевич. В „Мареве“ Клюшникова действуют граф Владислав Бронский, провокатор, приветствующий крестьянские восстания и тайно пересылающий оружие в Польшу. Он литографирует для подпольных кружков Фейербаха и состоит на секретной службе у губернатора. Среди студенческой оппозиции здесь выступают товарищи Пшиндишкевич, Джемпиковский, Вшищинский. Все это карикатурные персонажи традиционного и условного порядка.

Следуя этому канону, Достоевский выводит гротескные фигуры „полячков“ на тризне по Мармеладову и намечает аналогичный образ в „Бесах“. Об этом имеется беглое указание в начале романа: „Привел было Липутин ссыльного ксендза Слоныцевского, и некоторое время его

принимали по принципу, но потом и принимать не стали". Фигура эта не получила дальнейшего развития. Но в „Карамазовых“, уже в полном согласии с традицией реакционного романа, выведены поляки Муссялович и Врублевский, засаленные проходимцы, намеренно коверкающие на польский лад русские слова. Достоевский мимоходом вносит в их характеристику легкий политический штрих. Паны отказываются поддержать тост Мити за Россию и, в виде любезности, поднимают стаканы „за Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года“. В дальнейшем они оказываются шулерами. Эпизодические фигуры, они выдержаны в характерном стиле „катковского“ романа.

Националистические тенденции реакционных романистов сказываются и в откровенном антисемитизме. В „Панурговом стаде“ выведен „губернаторский чиновник по особым поручениям, маленький черненький Шписс (вероятнее всего из могилевских жидков)“. Здесь же фигурирует и богатый студент еврейского типа, выступающий против „беложилетников-аристократов“... У Лескова в „На ножах“ действует литератор-ростовщик, иудей Тишка Кишенский. Среди героев „Некуда“ имеется Нафтула Соловейчик, выдающий себя „за озлобленного представителя непризнанной нации“. У Писемского во „Взбаломученном море“ выведен крупный делец, коммерции советник Эмануил Галкин в ермолке и шелковом сюртуке. Эта традиция памфлетического романа мимоходом сказывается у Достоевского в персонаже „жидка Лямшина“ (в „Бесах“) и получает в „Братьях Карамазовых“ заметное развитие.

Резкие националистические выпады, которыми так изобилует „Дневник писателя“, имеются и в последнем романе Достоевского (см. например места о пребывании Федора Павловича Карамазова в Одессе, о спекуляциях Грушеньки и пр.). Особенно показателен в этом отношении диалог Лизы Хохлаковой с Алешей: „Вот у меня одна книга, я читала про какой-то где-то суд, и что жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, и потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, через четыре часа. Эх скоро! Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и на него любовался...“ И на вопрос истерической девицы любимейший из героев Достоевского дает ошеломляющую экспертизу: „Алеша, правда ли, что жида на пасху детей крадут и режут?“ — „Не знаю“.

По своему обыкновению Достоевский вводит здесь в роман тему текущей публицистики. В эпоху написания „Братьев Карамазовых“ царское правительство было как раз занято очередным „ритуальным процессом“ — так называемым „Кутаисским делом“. В апреле 1878 г., как водится в таких случаях, в самые кануны еврейской пасхи исчезла из закавказского селения девочка-грузинка. Вопреки всем обстоятельствам следствия и даже медицинской экспертизе девять евреев были преданы суду по ритуальному обвинению. Правая печать оживилась для пропаганды кровавого мифа и обработки общественного мнения к предстоящему процессу. Из архивов секретных канцелярий были извлечены старинные упражнения царских чиновников в кровавых наветах.

В „Гражданине“ рядом с фельетоном Достоевского „Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова“ появляется статья „Сведения об убийствах евреями христиан для добывания крови (составлено тайным советником Скрипицыным, директором департамента иностранных исповеданий, по распоряжению министра внутренних дел графа Перовского для императора Николая I, наследника-цесаревича, вел. князей и членов гос. совета)“, а в одном из следующих номеров „Подробное изложение фактов об убийствах евреями христиан для добывания крови“. Продолжением этих публикаций в начале следующего года явилась статья „Жида-изу-

веры и их защитники. По поводу дела о новом убийстве христианской девочки для добывания крови". Как характеризовала сама редакция, это — „ряд статей, в коих изложены на основании официальных данных ужасающие читателя подробности обо всех убийствах христиан, преимущественно детей, жидами для добывания христианской крови"... („Гражданин“ 1879, № 4).

Причины такого усиленного внимания „Гражданина“ к этой теме вскоре разъяснились. В начале 1879 г. журнал Мещерского сообщал: „Мы еще не кончили статей по этому вопросу, как уже в Кутаисе назначено к слушанию новое, самое, так сказать, современное, весьма интересное дело в этом роде: несколько жидов обвиняются в убийстве малолетней христианской девочки с целью добывания христианской крови“ („Гражданин“ 1879, стр. 60).

Все это естественно вызвало широкие общественные отклики и протесты. Недаром адвокат Александров (незадолго перед тем защищавший Веру Засулич) заявил на суде, что Кутаисское дело — первый гласный процесс по обвинению евреев в ритуальных преступлениях и что обязанность судебного деятеля не только защищать подсудимых, но и способствовать разъяснению вопросов, представляющих исключительный общественный интерес.

Против выдвинутых обвинений одновременно раздалась энергичные возражения в печати. По словам самого „Гражданина“ (1879, стр. 60) „на-днях появилось решительное опровержение этих нескольких вековых, междонародных обвинений против евреев — уже не со стороны самих евреев, а со стороны г. Спасовича, известного присяжного поверенного, писателя и бывшего профессора уголовного права“. Оказывается Спасович заявил в печати: „по своему глубокому убеждению, дела, подобные настоящему, доказывают только непомерную живучесть легенд прошлого времени, как бы нелепы эти легенды ни были“. Орган Мещерского ответил знаменитому криминалисту жестокими издевательскими над его адвокатской деятельностью.

В этой тревожной и разгоряченной атмосфере, среди напряженных споров и борьбы за истину, малейшее колебание которой повлекло бы осуждение невинных и может быть неисчислимые кровавые последствия, великий писатель, к которому страстно прислушивались широкие читательские круги, поднялся и произнес свое „не знаю“. В религиозно-философском романе о „раннем человеколюбце“ он счел возможным использовать злобствующую кампанию „Гражданина“. В печатавшихся Мещерским „сведениях об убийстве евреями христиан“ автор „Карамазовых“ почерпнул материал для своего комментария к Кутаисскому процессу. В статьях „Гражданина“ в огромном количестве приводились дикие измышления о еврейских „изуверствах“ вроде таких якобы признаний: „одного ребенка я велел привязать к кресту, и он долго жил; другого велел пригвоздить, и он скоро умер“ („Гражданин“ 1878, № 2—25) и проч. Сведения эти почти буквально повторяет в романе Лиза Хохлова перед безмолвствующим Алешей.

Приходится отметить, что даже суд оказался в эту трудную минуту выше печати: обе инстанции вынесли всем обвиняемым оправдательные приговоры. В Тифлисской судебной палате прокурор даже отказался поддерживать обвинение. Но „Братья Карамазовы“, писавшиеся в этой атмосфере яростного националистического похода правой печати, отчетливо отражают это течение и совершенно недумсмысленно примыкают к нему. Внешне пассивный и по существу момента убийственный ответ Алеши Карамазова на вопрос Лизы звучит в полном согласии с кампанией официозов и поддерживает кровавый миф, наново обработанный

царскими чиновниками и правительственными публицистами в целях обоснования погромной политики царизма.

Таковы были общие тенденции романа. В традициях „Панургога стада“ и „На ножах“ строятся здесь образы, обличающие нигилизм, или возвеличивающие русскую церковность и монархическую государственность; в духе крайней политической реакции трактуются болезненные и острые темы тогдашней общественности, якобы ведущей страну к разрушению и гибели. Богоборческая философия Ивана Карамазова и вся его критика евангелия, являя высочайшие вершины интеллектуальных бунтов, не могут поколебать прочных позиций политической реакции, глашатаем которой выступает в своем последнем романе Достоевский. Своей жестокой эпопеей многогрешной, но богоспасаемой России умирающий писатель стремится дать новый решительный отпор „бесовским ратям“ очнувшейся революции. Недаром отдельные образы и эпизоды романа обсуждались до написания в кабинете Победоносцева, который с таким пристальным вниманием следил за публикацией „Карамазовых“. Основные выводы предсмертной хроники Достоевского неощутимо охвачены безотрадными поучениями его последнего друга, вкрадчиво излагавшего ему своим витийственным слогом непререкаемые каноны самодержавной программы о беспощадном повороте вспять Российской империи, расшатанной реформами и истощаемой революциями. И кажется грозные выводы синодального обер-прокурора об „омерзительном лабиринте“ российской современности выражает в паническом финале своего обвинения прокурор романа, вызывая перед слушателями образ бешено скачущей тройки, вселяющей омерзение и ужас в сторонящиеся от нее народы.

Во всяком случае не подлежит сомнению, что Достоевский занес отголоски этих бесед в своей последний роман. Осмеяние в „Карамазовых“ прогрессивной печати и общественного суда, вражда к „инверсам“ и провозглашение теократии высшей формой государственного бытия для России — вот те подводные течения романа, которые в движении и лицах, в драме и образах так выпукло отражали сущность разделяемой его автором официальной программы.

Такова была книга, которую 16 декабря 1880 г. Достоевский лично представил в Аничков дворец в собственные руки его высочества наследника. Направление романа вполне оправдывало такое высокое подношение. По своим политическим установкам это была в полном смысле книга *ad usum devrini*, особенно же того российского дофина, который через два месяца стал Александром III.

VIII

„Бесы“ писались в эпоху Парижской коммуны. „Братья Карамазовы“ создавались в накаленной атмосфере народофильского наступления, под выстрелы, взрывы и казни последних лет царствования Александра II.

Политическая программа Достоевского в последний год его жизни отражает возникшие колебания правительственного курса. С большой пристальностью следит он за событиями, готовясь снова приступить к ведению своего „Дневника писателя“. По свидетельству современников, он радовался „замирению“ (т. е. „диктатуре“ Лорис-Меликова).

В праздник 25-летия Александра II, т. е. через несколько дней после объявления нового курса, он был необыкновенно весел; он говорил „Вот увидите, начнется совсем иное“. Покушение на жизнь начальника „верховой комиссии“ его смутило. „Сохрани бог, если повернут на старую дорогу“... Он чрезвычайно интересовался, какими людьми окружает себя Лорис. „Я ему желаю всякого успеха“, повторял он.

Самый монархизм Достоевского приобретает в эту эпоху новый оттенок. Непокколебимый сторонник самодержавия и враг конституции, он в полном согласии с правительственными видами высказывается за патриархальные формы совещания с „землею“; об этом, как известно, он говорит в последнем выпуске „Дневника писателя“: „Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, и они скажут вам правду“. Но это отклонение отнюдь не было уступкой либерализму. В том же выпуске „Дневника писателя“ Достоевский с обычной неприязнью отзывается о „европейских русских“, мечтающих об „увенчании здания“, о „говорильнях“ и пр. Работая над этим последним выпуском „Дневника писателя“ за десять дней до смерти, Достоевский говорит „о земском собрании, об отношениях царя к народу, как отца к детям“, при чем конституцию он называл „господчиной“ и особенно настаивал на том, что свобода в России установится по особому, не по западному образцу — „без всяких революций, ограничений, договоров“. Сочувствие новому правительственному курсу нисколько не свидетельствовало о внутренних политических „сдвигах“ Достоевского. Диктатура Лорис-Меликова была установлена по мысли реакционнейшего наследника-цесаревича (вскоре Александр III)¹², проект „диктатора“ о привлечении к управлению страной представителей земств и городов был принят и одобрен Александром II; наконец крупнейший публицист монархии Катков горячо поддерживал все мероприятия начальника верховной комиссии. Сочувствие Достоевского к Лорису и его проекту совещания с землею нисколько не выводило „Дневник писателя“ из высочайше одобренного круга правительственных мероприятий. Так хотели при дворе, в этом направлении поддерживали правительство „Московские Ведомости“.

В 1880 г. правительственная партия вынуждена взять либеральный курс, она скрепя сердце высказывается за реформы, за увенчание здания, за привлечение населения к управлению страной. Сам Катков сочувственно приветствует мероприятия Лорис-Меликова, а на пушкинских торжествах в Москве произносит покаянную и примирительную речь с прогрессивными намеками („...все шире и шире будет становиться область, в которой люди разных мнений могут сходиться мирно и даже дружно“)¹³.

В атмосфере растущего революционного террора за конституцию высказываются великие князья, влиятельнейшие сановники, вожди охранительной печати, сам царь. Руководящие круги понимают практическую целесообразность этого правительственного маневра для успокоения общества и изоляции революционеров. Достоевский произносит свой призыв „серых зипунов“ не вразрез с высочайшими предначертаниями, а среди сочувственного хора высокопоставленных единомышленников. В полном согласии с правительственным оркестром он выражает высочайшую волю накануне ее официального изъяснения. Здесь не только нет и намек на оппозицию, но, как и во всем „Дневнике писателя“, прокламируется и пропагандируется дело власти. При этом правительственные круги даже оказались фактически левее Достоевского, шире его понимая объем и пределы народного представительства. В то время как Валуев, Меликов и даже Константин Николаевич предлагают в разных вариантах призвать к управлению выборных от земств и городов и Александр II соглашается принять один из этих вариантов, Достоевский считает вполне достаточным опросить народ на местах. В то время как правительственные проекты открывают путь интеллигенции к участию в „комиссиях“, Достоевский тщательно оговаривает устранение интеллигентов от предстоящего совещания с предоставлением в нем голоса одному крестьянству и даже его наиболее реакционным слоям.

Из всех „конституций“ 1880 г. проект Достоевского — самый робкий, умеренный и консервативный. Как ни кургузы были предложения Лориса, Константина и Валуева, они все же призывали к участию в управлении выборных представителей города и деревни, от чего тщательно предостерегает петербургскую власть „Дневник писателя“.

Революционный террор ставит в эти дни перед Достоевским опаснейшую этическую проблему о праве „предупреждать“ политические покушения. Его исключительно волнуют все террористические акты у нас и на Западе — Вера Засулич, выстрел в германского императора, выступления анархистов в Европе. Об его отношении к убийству шефа жандармов Мезенцова мы можем судить по его сочувствию к поминальной речи на эту тему московского проповедника Амвросия, в которой говорится о „невинной жертве, закланной за благо отечества“ и о ворах, „расхитивших наше лучшее достояние“. События политического дня вырастают в эти годы для Достоевского в мучительную проблему личного долга, жертвы и подвига. Суворин оставил интереснейшую запись о своей беседе с Достоевским 20 февраля 1880 г. (т. е. через две недели после халтуринского взрыва в Зимнем дворце и в самый день покушения Млодецкого на Лорис-Меликова), свидетельствующую о величайшем смятении в душе писателя. „...Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве, или обратились ли к полиции, к городовому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?“ — „Нет, не пошел бы“... „И я бы не пошел. Почему? Ведь это ужас! Это преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до вашего прихода... Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные, и затем обдумал причины, которые бы мне не позволяли это сделать. Это причины — прямо ничтожные. Просто боязнь прослыть доносчиком“... и пр. Если сравнить эти колебания Достоевского с его чрезвычайно мужественной и честной позицией на политических допросах 1849 г., придется пожалеть об упавшей политической морали великого романиста. Он словно не замечает, что „предупреждение“ неизбежно повлечет казнь нескольких революционеров („причины прямо ничтожные“). Он не чувствует, что вполне уподобляется столь ненавистному ему Петру Верховенскому, задающему на собрании у Виргинского свой коварный вопрос: „если бы каждый из нас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий...“

В таком состоянии тревоги и растерянности Достоевский вырабатывает последний вариант своей политической программы, ни в чем не меняющий ее основных положений. В своем проекте реформы (опрос правительством крестьянства на местах) Достоевский исходит из представления об особом виде патриархального монархизма с преимущественной заботой царя о крестьянах. Это одно из положений правого славянофильства, в исповедании которого Достоевский ближе всего к Третью Филиппову.

Но вообще он не доверял народу. Во время политических выступлений наших, он ужасно боялся резни, резни образованных людей народом, который явится мстителем. — „Вы не видели того, что я видел, — говорил он. — Вы не знаете, на что способен народ, когда он в ярости. Я видел страшные, страшные случаи“. Вероятно Достоевский, говоря так, вспоминал убийство своего отца крестьянами или некоторые эпизоды своей каторжной жизни.

Во всяком случае предполагаемая им „свобода“ не выходила за пределы семейственной идиллии верховной власти и населения. В своем последнем „Дневнике“ он призывал даже не к земскому собору, не к

крестьянскому съезду или сходу, а к всероссийской сельской анкете: „не нужно никаких великих подъемов и сборов: народ можно спросить по местам, по уездам, по хижинам“. Только не допускать к этому делу интеллигенцию, — „высказаться должен один только заправский мужик“¹⁴. „Правда, — продолжает Достоевский, — с мужиком проскочит кулак и мироед, но ведь и тот же мужик, и в таком великом деле даже кулак и мироед земле не изменят и правдивое слово скажут — такова уже наша народная особенность“. Вот о каком „земском представительстве“ думал в свои свободолюбивые минуты умирающий Достоевский!

Произнесенная за полгода до смерти знаменитая речь о Пушкине понималась самим автором как провозглашение партийной программы. К этому отчасти обязывало его выступление от имени Славянского общества. Мы уже видели, что в письме к Победоносцеву от 19 мая 1880 г. Достоевский признавал речь о Пушкине написанной в самом крайнем духе своих — „наших, то-есть осмелюся так выразиться, убеждений“. Почти накануне произнесения речи А. Г. Достоевская пишет мужу: „ничего бы так не желала, как торжества вашей партии, а вместе и твоего“ (из письма А. Г. Достоевской от 3 июня 1880 г.).

На приветствия А. Суворина после произнесения речи Достоевский отвечает: „А, каково? наша взяла!“ По свидетельству жены Суворина, „Алексей Сергеевич передавал это с восторгом, так как сам был всегда националистом и русским до глубины души. Я это совершенно не понимала и удивлялась, что даже у таких громадных людей бывает такое тщеславие. Но мой муж объяснил, что это вовсе не тщеславие, а торжество их взглядов, их идей. Торжество закончилось апофеозом Достоевского, и все перед ним побледнело“ (А. И. Суворина. „Воспоминания о Достоевском“). Так же воспринял речь о Пушкине и Победоносцев. С высоты своего государственного поста он приветствует Достоевского за то, что ему удалось „отодвинуть назад безумную волну, которая готовилась захлестнуть памятник Пушкина“; „радуюсь за вас и особливо за правое дело, которое вы выучили“.

Мы видим, что знаменитую пушкинскую речь 8 июня произносил представитель определенной партии. Исключительный дар изложения и свойственное Достоевскому умение „коснувшись одних струн души заставлять звучать все остальные“ совершенно скрыли от слушателей эту программную тенденцию его слова. Впрочем иные из них, как Глеб Успенский и Салтыков, отнеслись скептически к проповеди „всечеловеческой“ любви, пока Победоносцев и Суворин приветствовали победу своего единомышленника. Заключительный литературный триумф Достоевского оказался одновременно и одним из его крупнейших политических успехов¹⁵.

Сохранившиеся воспоминания о беседах с Достоевским к концу его жизни свидетельствуют о сгущающейся мрачности его политического пессимизма, затемняющего даже его обычно безошибочные художественные оценки. В последние годы Достоевский принимает для своей поэтики опаснейший и весьма спорный принцип, который, к счастью, ему не удается полностью приложить к своему творчеству, но который весьма плачевно отражается на его читательских вкусах и отзывах: „я ставлю за нимательность выше художественности“.

Великий мастер романа, до конца не знавший поражений в своем искусстве, Достоевский пережил некоторую эпоху упадка в своей литературной эстетике. Это снижение было обусловлено и политическими соображениями. Писатели и журналисты реакционного лагеря становятся его любимцами, разночинная литература с гневом отвергается. Он чрезвычайно хвалит роман Мещерского „Граф Обезьянинов на новом месте“,

считая, что эту книгу надо пропагандировать¹⁶. Бесцветного нововременского беллетриста Н. К. Лебедева-Морского, автора романов „Содом“ и „Аристократия гостиного двора“, Достоевский признавал очень большим талантом и видел в нем „своего прямого преемника в разработке известных литературных задач“. Он ценит и неоднократно цитирует в „Дневнике“ фельетоны „всем известного Незнакомца“ и лично завязывает дружеские отношения с А. С. Сувориным. Не лишено характерности, что в эту эпоху Достоевский особенно ценит Буренина, считая его и Страхова „единственными у нас серьезными и талантливыми критиками“. В противовес этому он с величайшей враждой отзывается о представителях левого направления: „Семинаристы, вот кто погубил Россию — Чернышевский, Добролюбов и т. д.“ Когда его собеседник удивился его словам, он сказал, что „когда-то был петрашевцем, но давно излечился и от души ненавидит всех революционеров“.

Так, роняя последние остатки гуманического идеализма 40-х годов, закатывалась политическая мысль Достоевского¹⁷.

IX

Можно отводить за бездоказательностью все предположения о том, какую политическую позицию занял бы Достоевский в два последующие за его смертью царствования. Авторитетное свидетельство Победоносцева впрочем решительно указывает на вероятное продолжение взятого курса. По поводу отказа А. Г. Достоевской дать Мещерскому для напечатания в „Гражданине“ неизданные стихи Достоевского Победоносцев писал ей: „Я уверен, что Федор Михайлович, если б был жив, непременно принял бы в нем [в „Гражданине“] деятельное участие и одобрил бы его направление“ (15 декабря 1882 г.). (Разрядка подлинника.)¹⁸

Необходимо во всяком случае признать, что русская правительственная жизнь конца XIX в., руководимая ближайшими друзьями и единомышленниками Достоевского, не переставала в течение целого двадцатипятилетия осуществлять принципы государственной программы, прокламированные „Дневником писателя“. Ограничение прав общественного суда, наступательная правительственная политика в национальном вопросе, охрана подрастающего поколения от социализма и атеизма—вся эта деятельность русского царизма между 1881 и 1905 гг. находится в полном согласии с политическими тезисами „Дневника“ и „Братьев Карамазовых“. Сопоставляя тексты с фактами, можно заключить, что правительство последних Романовых вело свою политическую линию в духе заветов Достоевского, образ которого и лично запомнился многим виднейшим представителям династии. Политическая пропаганда Достоевского пустила корни в русскую жизнь и принесла свои плоды.

И если современная Достоевскому власть, при всем уважении к нему, недостаточно отчетливо приобщила его к своему официальному делу, отводя ему преимущественно роль духовного наставника молодых Романовых и свободного пропагандиста монархических идей, в последующее царствование его загробное влияние явственно ощущается на общем направлении внутренней политики страны. Восемьдесятые и девяностые годы—эпоха государственного осуществления идей Достоевского под непосредственным воздействием его единомышленников — Победоносцева, Мещерского, Тертия Филиппова, Суворина, Вышнеградского, Черняева, Константина Романова, Сергея Александровича и наконец самого царя, недавно лишь получившего из авторских рук семейную хронику Карамазовых.

Мы считали существенным проследить связь писателя с правительственными кругами 70-х годов, расширяющую наше понимание одного

из его крупнейших произведений. Не менее важно точно установить и политический баланс его публицистики, ибо на Достоевского ложится часть ответственности за русскую государственную политику последующих лет. В исторической перспективе очевидно, что „Дневник писателя“ не был безобидным словесным упражнением его автора. Достоевский в 70-е годы как бы подготавливает реакционную политику конца столетия. В духе государственных идей Победоносцева он отстаивает для верховной власти принципы византийского „цезарепапизма“, восхищаясь Павлом I, облаченным в далматик первосвященника; во внешней политике он ратует за старинную традицию российской великодержавности, направленную к захвату Константинополя и проливов, и одновременно за новую завоевательную экспансию в Азии в противовес колониальному влиянию Великобритании. Во внутренних делах он не только „ставит точку реформам“, но требует обратного хода: назад к сильной власти эпохи его детства и молодости, когда на русском престоле высилась столь импонировавшая ему фигура „монарха, верившего в свой сан и в свое право“ и властвовавшего на основе уваровской триединой формулы о самодержавии, православии и народности. Именно ее воскрешает „Дневник писателя“, восполняя новую теократию принципом опроса земских в целях придания петербургской власти и византийской церковности русского народного стиля. Этот политический эклектизм, лоскутно сочетающий Петербург, Византию и русскую избу, усвоила себе эпоха Александра III¹⁹.

Таков в общих чертах эпилог Достоевского. Длительный процесс обращения к самодержавию и решительной „измены прежним убеждениям“ завершается в эпоху подношения наследнику „Бесов“, „Дневника писателя“ и „Карамазовых“, духовного воспитания великих князей и литературных чтений в залах Мраморного дворца. Этот последний „закатный“ и темнеющий облик Достоевского подлежит такому же изучению, как и другие фазы его идейной и жизненной эволюции. Не для обличения и развенчания великого романиста перед лицом нашей революционной современности необходимо такое рассмотрение последней стадии его идей, а лишь для раскрытия одной из самых глубоких драм его столь богатой мучениями биографии.

В политическом плане, как и в сфере личных переживаний, судьба Достоевского была трагичной. Жестоко пораженный воинствующим самодержавием, еле оставившим ему жизнь и беспощадно отнявшим у него молодость, он отказался от социально-утопического мирозерцания своих ранних лет и под грубым нажимом царизма принял и пережил трагедию политического отступничества. Это была кара не менее тяжкая, чем мертвый дом, но Достоевский безропотно принял ее, вырвав из своего сердца влечение к тем освободительным учениям, которые по его собственному слову он в молодости страстно принял в сердце свое. И если классические темы утопистов о золотом веке и всеобщем счастье еще звучат подчас в поздних произведениях Достоевского сквозь проповедь победоносцевских тезисов об укреплении самодержавия и сокрушении всяческой революции, — это только тоска апостата по отвергнутому мировоззрению, сообщившему в свое время столько вдохновенных устремлений его раннему творческому полету.

Вот почему в своих самых беспощадных нападках на революцию Достоевский неизменно сохраняет стремление понять и направить по новому пути „заблудившееся“ молодое поколение. Его сочувствие правдоисканию и жертвенности современной молодежи, не находящей, по мысли Достоевского, верного пути в своих моральных и умственных скитальчествах, нередко звучит в писаниях его последнего десятилетия и

полнее всего раздается в его главном антиреволюционном произведении — в „Бесах“. Именно здесь Дон-Кихот российский гегельянства 40-х годов Степан Трофимович Верховенский находит для своего суждения о Не-чаеве и нечаевцах проникновенные и очистительные слова, которые сам автор уже от своего имени повторяет в наброске предисловия к своей памфлетической эпопее²⁰. Таковы немногие страницы стареющего Достоевского, в которых неугасимый гений великого художника пытается мучительно преодолеть реакционного публициста и идеолога типа де Местра.

Но основное направление пути прочерчено теперь с неумолимой прямолинейностью. Эволюция идей завершилась кристаллизацией исключительной твердости. Несколько смутное брожение теорий и утогий и горячее увлечение социалистическими романами, когда юный Достоевский по-своему, по-художественному, отвлеченно-мечтательно и все же искренне и горячо воспринимал уроки фурьеризма, миновали навсегда. С тех пор Достоевский-художник успел пережить крутой поворот в искании романтических форм, а параллельно и двигавшей их идеологии. От Жорж-Занд и Фурье, учивших молодого Достоевского вносить в свои страницы вдохновляющий трепет социальной современности и революционных мечтаний, стареющий Достоевский обращается к Стебницкому, Крестовскому, Ключникову. Новые каноны обличительного романа придают подчас двигательную силу и сообщают волнующую актуальность его последним романтическим композициям. Но вместе с техническими приемами и композиционными завоеваниями они способствуют созданию той мрачной общественной философии, которая отбросила свои густые тени на его последние книги. Великий писатель не преодолел этих отравленных течений современной реакции и, проникнувшись ими, фатально снизил общий план своего творческого дела.

В этом не только личный трагизм его писательской судьбы, но быть может и одна из глубоких катастроф русской литературы. Стоит на мгновение представить себе, какую могучую эпопею для будущего человечества оставил бы нам мудрец и трагик Достоевский, если бы он продолжал жить социалистическими увлечениями своей молодости, чтоб понять огромные размеры этого события и весь печальный смысл этой утраты.

Но литературные судьбы сложились иначе. Гениальный романист был сломлен своей эпохой и уже не мог отважно и дерзостно пойти свободным путем Герцена, Гейне или Гюго. Мертвая хватка царизма прервала намечившийся рост вольнолюбивых мечтаний юного Достоевского, жестоко изломала его молодую судьбу, властно приковала к своему жестокому делу и вероятно одержала мрачнейшую и печальнейшую из своих побед, насильственно оторгнув эту огромную творческую силу у той литературы „грядущего обновленного мира“, к которой так жадно прильнул на заре своей деятельности молодой ученик Белинского и Спешнева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Незадолго до смерти, в начале января 1881 г. Достоевский, произносит в совете Славянского благотворительного общества „горячую речь“ о необходимости Обществу иметь свой орган „который проводил бы русскую идею“ („Полярная Звезда“ 1881, II, стр. 150—151).

² В самом „Дневнике писателя“ имеются указания на интерес к этому изданию К. П. Победоносцева: „На-днях один из самых уважаемых мною людей, мнением которого я высоко дорожу, сказал мне: „Я только что прочел статью вашу о „среде“ и о приговорах наших присяжных („Гражданин“ № 2-й). Я с вами совершенно согласен но статья ваша может произвести неприятное недоразумение“... и пр. („Дн. пис.“ 1873 г., IV).

В „Дневнике писателя“ 1876 г.: „Некоторым из друзей моих я тогда же сообщил об этом (спиритическом) сеансе; один человек, суждением которого я глубоко дорожу, выслушав, спросил меня: намерен ли я описать это в „Дневнике“? Я ответил, что еще не знаю. И вдруг он заметил: „не пишете“. Он ничего не прибавил, и я не настаивал, но я понял смысл: ему, очевидно, было бы неприятно, если б и я хоть чем-нибудь поспособствовал распространению спиритизма“ („Дн. пис.“, 1876, апр., гл. 2, III).

Таким образом Победоносцев влиял и на выбор тем „Дневника“, налагая свои запреты на те или иные вопросы или сообщая Достоевскому газетные материалы для работки в его ежемесичнике.

³ Отмечаем эту родственность в стиле бесед „у Тихона“ и у Победоносцева вне всяких хронологических связей: „Исповедь Ставрогина“ писалась лет за восемь до „Карамазовых“.

⁴ Описка А. Г. Достоевской: Мария Федоровна в о время еще не была императрицей.

⁵ В архиве А. Г. Достоевской сохранилась следующая справка: „К. П. Победоносцев состоял опекуном над малолетними Достоевскими, сыном и дочерью Ф. М. Достоевского. Как опекун, он проверял отчеты издательницы полного собрания сочинений Федора Михайловича, издаваемого его вдовой Анной Григорьевной Достоевской, и весной, при отъезде ее из Петербурга, принимал от нее на хранение квитанцию от процентных бумаг, принадлежавших изданию. Квитанции эти в запечатанном его печатью конверте Константин Петрович вкладывал в несгораемый ящик кассы св. Синода с правом получить конверт мне в любое время. Этот конверт относится к 26 мая 1885 г.— Вдова Федора Михайловича Анна Достоевская“. Справка эта приложена к конверту с надписью (рукою А. Г. Достоевской): „Тридцать две росписки Государственного Банка на различные % бумаги на сумму шестьдесят девять тысяч 500 рублей (по номинальной стоимости), принадлежащие кассе по изданию п. с. сочинений Ф. М. Достоевского, 25 мая 1885 года“. Тут же надпись К. П. Победоносцева: „Прошу сохранить до осени и возвратить мне или Анне Григорьевне Достоевской. К. Победоносцев. 26 мая 1885 г.“

⁶ „Молва“ 1881, № 31.

⁷ Оставив редактирование „Гражданина“ в апреле 1874 г., Достоевский продолжал в нем сотрудничать почти до самой смерти. Его участие сказывалось преимущественно в отделе еженедельного фельетона „Последняя страничка“, который велся коллективно самим Мещерским, Достоевским, Порейким и вероятно Пудыковичем. Один фельетон из указанной серии („Из дачных прогулок Кузьмы Пруткова“), напечатанный в „Гражданине“ 1878 г., был давно известен и неизменно включался во все посмертные собрания сочинений Достоевского. На другой фельетон Достоевского в том же отделе (о ветлянской чуме и конституции) указал редактор „Гражданина“ В. Ф. Пудыкович в „Берлинском Листке“ 1906 г., № 2; фельетон этот действительно напечатан в „Последней страничке“ „Гражданина“ 1879 г., № 2 — 3. В третьем фельетоне той же серии („Гражданин“ 1877 г., № 2) находим почти буквальные совпадения с „Дневником писателя“, 1876, дек., по вопросу об участии Достоевского в журнале „Свет“ проф. Н. П. Вагнера. Исходя из этих трех фельетонов „Последней странички“ и обращаясь ко всей серии (110 фельетонов), мы на каждом шагу находим здесь темы, вопросы и имена чрезвычайно характерные для публицистики Достоевского. Ряд фактов весьма показателен и в автобиографическом отношении. Имеются литературные и чисто стилистические совпадения (образы, диалоги, описания, цитаты, синтаксические и интонационные ходы фразы). В авторстве Достоевского относительно части фельетонов „Последней странички“ не приходится сомневаться. Это отчасти подтверждается и личной перепиской Достоевского. Так В. Ф. Пудыкович сообщает ему, что „Катков в восхищении от летних номеров „Гражданина“ и „Последнею страничкою“ тоже доволен“. Весьма существенно также выраженная Достоевским готовность сотрудничать в берлинском „Русском гражданине“ Пудыковича в 1879 г. Подробная статья об этих „неизвестных фельетонах Достоевского“ сдана нами редакции сборников „Звенья“.

⁸ Об этом признании своего писательского дела современной молодежи Достоевский писал Победоносцеву 13 сентября 1879 г.: „Мое литературное положение (я Вам никогда не говорил об этом) считаю я почти феноменальным; как человек, пишущий зауряд против европейский начал, компрометировавший себя навеки Бесами, т. е. ретроградством и обскурантизмом — как этот человек, помимо всех европействующих их журналов, газет, критиков — все-таки признан молодежью нашей, вот этою самой распатанной молодежью, нигилистичной и проч.? Мне уже это заявлено ими, из многих мест, единичными заявлениями и целыми корпорациями. Они объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим руководящим писателем. Эти заявления молодежи известны нашим деятелям литературным, разбойникам пера и мошенникам печати, и они очень этим поражены, не то дали бы мне они писать свободно. Заели бы, как собаки, да боятся и в недоумении наблюдают, что дальше выйдет“ („Красные архив“ 1923, II, 246).

Об этом же признании Достоевского молодежи Победоносцев писал 29 января 1881 г. наследнику: „Смерть его — большая потеря для России. В среде литераторов он едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отече-

ству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Теперь некому заменить его..“

⁹ Мы считаем правильным основной вывод А. Г. Цейтлина в его статье „Достоевский и революция“: „Свой творческий и жизненный путь Достоевский кончает на крайнем правом фланге тогдашнего общества.. Глубочайшим образом неверен взгляд на Достоевского как на революционера и реакционера в одно и то же время, как на писателя, глубочайшей пропастью отделенного от реакционеров 60-х годов, как на пророка современной нам революции. Авсеенку, Крестовского и Лескова с Достоевским объединяла (а не развединяла) ненависть к революции, которая только получила у последнего гораздо более острое и художественное выражение“ („Литературная газета“ 1931, № 8/107).

¹⁰ Мы отмечаем в свое время, что прототипом Фетюковича мог быть и В. Д. Спасович, о котором Достоевский неоднократно писал в „Дневнике писателя“. В настоящее время мы думаем, что на первое место здесь следует поставить Александра, имея в виду, впрочем, что множественность прототипов для отдельного художественного образа— обычное явление в творчестве Достоевского.

¹¹ А. В. Амфитеатров отметил, что в фигуре Ракитина Достоевский смешал слухи, „ходившие в петроградных кругах о прошлом Елисеева и Благосветлова“.

В одном анонимном фельетоне „Гражданина“ 1878 г. приводится выдержка из статьи А. С. Суворина в „Новом Времени“: „Если б г. Елисеев продолжал попрежнему писать такие сочинения, как „Жизнеописание святителя Григория, Германа, Варсонофия Казанских и Свяжских“ и посвящать эти сочинения архиепископам с таким обращением: „приношу сию малую лепту моего деланья. Высокоосвященнейший владыко, примите со свойственным вам снисхождением мое скромное приношение, да вашим снисхождением оборотится к большим трудам недостойноство трудящихся“. [Примечание редакции и „Нов. в рем.“: „Это подлинные слова г. Елисеева из посвящения его книги архиепископу Казанскому и Свяжскому Владимиру; г. Елисеев был тогда бакалавром Казанской духовной академии“] Если б г. Елисеев продолжал свою литературную деятельность в этом тоне и направлении, то никогда бы не сделался сотрудником ни „Современника“ ни „Отечественных Записок“... Я не знаю, когда г. Елисеев был искренним человеком, тогда ли, когда в нем кипела юношеская кровь и он писал „малые лепты“, или теперь, когда опыт жизни умудрил его и он пишет внутренние обозрения...“

Независимо от указанных здесь материалов В. С. Дороватовская-Любимова в статье „Достоевский и шестидесятники“ (М., 1928, стр. 14—16) показала, что Ракин в ряде черт списан Достоевским с публициста Г. Э. Елисеева.

Отметим, что Достоевский лично знал Елисеева. В письме к жене из Эмса 21 июля (и августа) 1876 г. он между прочим сообщает: „Здесь вчера утром на водах я встретил Елисеева (обозревателя „внутренних дел“ в Отеч. Записках); он здесь вместе с женой, лечится и сам пошел ко мне. Впрочем не думаю, чтоб я с ними сошелся: старый „отрицатель“ ничему не верит, на все вопросы и споры, и главное совершенно семинарское самодовольство свысока.“ (Ф. М. Достоевский, „Письма“ под ред. А. С. Долинина, М.-Л., 1934, III, 233). В письме от 30 июля (11 августа) отзыв гораздо резче (там же, 240).

¹² Переписка Александра III с Лорис-Меликовым свидетельствует не только о глубоком интересе будущего царя к деятельности Лорис-Меликова, но и о сочувствии его либеральным планам „диктатора“. Последний же прямо заявлял своему высокому корреспонденту: „С первого дня назначения моего на должность главного начальника верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе, как в одинаковом с вашим высочеством направлении, находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества“ (9 апр. 1880 г.). „Красный архив“ 1925, кн. I (VIII), стр. 101.

Вполне сочувственным к Лорису было и отношение целого крыла „правых“. Уже по выходе Лорис-Меликова в отставку в мае в 1881 г. Иван Аксаков в „Руси“ поместил хвалебную статью о „высокоочтимом графе“, „который оставляет по себе блестящий след“ и „много истинно полезного успел совершить в краткий период своего нахождения у дел“. Мещерский перепечатал целиком отзыв Аксакова о Лорис-Меликове в своем „Дневнике“.

¹³ „Голос“ по этому поводу писал: „Катков публично на обеде, в присутствии всех, у всех же просил прощения, молил о забвении, протянул руку, но никто не пожал этой руки“. „Тяжелое впечатление производит человек, переживающий свою казнь и думающий затрапезною речью искупить предательства двадцати лет“ („Голос“ 1880 г., № 158). Тургенев, как известно, отвернулся от протянутой ему „жаждущая“ Катковым бокала.

¹⁴ „Никто решительнее, энергичнее Достоевского не восставал на европейский либерализм русской интеллигенции,— писал 7 февраля 1881 г. Ив. Аксаков:— он в душе своей был искренним врагом всякой политической формальной свободы, которая бы могла лишь усилить власть и значение нашей европействующей интеллигенции и исказить органический саморост русского народа, своеобразность и свободу его духовного развития“.

¹⁵ Ряд интересных сообщений о впечатлении от речи о Пушкине сообщает Е. П. Леткова: „Левая молодежь „сразу встала на дыбы“ от первых же слов речи Достоевского, увидела в ней ряд „выпадов против западников“, осудила его за то, что он явился на пушкинский праздник „не как писатель Достоевский, один из славных потомков Пушкина, а как представитель Славянского благотворительного общества“. Об известном месте „Речи о Пушкине“ (о том, что современные Алеко „ударяются в социализм“ и пр.) мемуаристка отмечает: „это было сказано с тончайшей иронией“, кроме насмешки над „русским скитальцем“, его резкие выпады против западников, проповедь „смиренного“ общения с народом и личного совершенствования в христианском духе рядом с презрительным отношением к общественной нравственности определенно поставили Достоевского вместе с врагами того движения, которое владело в эту эпоху всеми симпатиями молодежи“... (Е. Леткова. „О Ф. М. Достоевском“.—„Звенья“, 1, 459—477). Сам Достоевский писал 8 июня жене о своем выступлении: „Это великая победа и ашей идеи над 25-летием заблуждений!“ („Письма Достоевского к жене“, ред. Н. Ф. Бельчикова и В. Ф. Переверзева, М.-Л., 1926, стр. 304).

¹⁶ „Граф Обьязньинов на новом месте. Фантастический этюд в пяти частях Продолжение сочинения „Один из наших Бисмарков“. Соч. кн. В. Мещерского. СПб., 1879“.

¹⁷ Приведем отрывок из малоизвестной статьи о Достоевском, основные выводы которой представляются нам верными для последнего периода жизни писателя: „Достоевский может быть и верит в существование рая, может быть и знает о возможности рая, но Достоевский не хочет рая... Проводника в рай он себе представляет не иначе, как в виде отвратительного длинноухого Шигалева из „Бесов“... Герой Достоевского не только не мечтает от избавления из ада, но над этой мечтой о счастье, о рае больше всего издевается, больше всего эту мечту не любит... Основное, главное, что дает право на жизнь всем героям Достоевщины: страдание и порок“. Учение это создано своей эпохой: „как устами Данте, по выражению Карлейля, внезапно заговорили десять молчавших столетий средневековья, так и устами Достоевского заговорило последнее столетие умирающего буржуазного, предреволюционного периода“. (А. Лейтес. „Достоевский в свете революции“. — „Зори грядущего“, Харьков, 1922, стр. 102—103).

¹⁸ Необходимо также учитывать письмо, написанное Достоевским всего за полтора года до смерти редактору „Гражданина“ В. Ф. Пуцьковичу для напечатания в возобновившемся в Берлине журнале: „Я рад возобновляющемуся „Гражданину“. Вы обещаетесь говорить в нем еще с большею твердостью, чем прежде; тем лучше“ и проч. Ссылаясь на усиленную работу по „Братьям Карамазовым“ и ухудшающееся здоровье, Достоевский „пока“ не обещает „сколько-нибудь значительного и определенного сотрудничества“. „Но наше время, — заключает он, — такое горячее и такое возбуждающее время, что, в виду какого-нибудь факта, какого-нибудь нового явления, которые вдруг поразят и о которых неотразимо захочется сказать, не отлагая, несколько слов, конечно напишу что-нибудь. Тогда прибегну к гостеприимству вашего журнала и в нем напечатать. Во всяком случае искренне желаю вам успеха.“ (Письмо от 28 июля, 9 августа 1879 г.—„Русский Гражданин“, Берлин, 1879, № 5.) Проектируя с 1 января 1879 г. издание „Гражданина“ в виде ежедневной газеты. В. Ф. Пуцькович сообщал Достоевскому, что „в случае решения можно сказать, что будут принимать участие Ф. М. Д., И. С. Акс., А. У. Порецкий, кн. В. П. Мещ.“ и т. п. (Письмо от 20 июня 1878 г.). В письмах от 31 августа 1878 и 1 мая—19 апреля 1879 г. Пуцькович просил Достоевского „обновить журнал чем-нибудь своим“, „прислать какую-либо заметку, наставление“ и проч. В 1877 г. Достоевский приглашает к себе на вечер „нашего милейшего князя“, т. е. Мещерского („Письма“ под ред. А. С. Долинина, III, 255). Все это указывает на сохраняющуюся до самого конца 70-х годов связь Достоевского с кружком „Гражданина“. Нет основания предполагать, что убийство Александра II и вступление на престол Александра III изменило бы эту политическую ориентацию Достоевского.

¹⁹ В 70-е годы национализм Достоевского становится воинствующим. Он выдвигает особый принцип „высокомерия“ в сознании собственного мирового значения для каждой великой нации. „Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так „высокомерны“ в своем самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него, каждая, хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными“ (Ф. М. Достоевский. „Письма“ под ред. А. С. Долинина. М.-Л., 1934, III, 50). Мысль эта видимо господствовала в беседе Достоевского с французским дипломатом и писателем Мельхиором де Вогюэ (впоследствии автором известной книги „Русский роман“) 17—29 января 1880 г. См. ниже примечание 7-е к 34-му письму Победоносцева.

²⁰ Об этом подробно в моей вступительной статье к „Бесам“ в издании „Academia“. Приведем этот незаданный отрывок Достоевского: „В Кириллове народная идея—сейчас же жертвовать собою для правды. Даже несчастный слепой самоубийца 4 апреля [Д. Каракозов] в то время верил в свою правду (он, говорят, потом раскаялся—слава богу), а не прятался, как Орсини, а стал лицом к лицу. Жертвовать собою и всем для правды—вот национальная черта поколения. Благослови его бог и пошли ему покойной правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду. Для того и написан роман“.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ПИСЬМА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

1

Любезнейший Федор Михайлович. Спешу послать несколько строк для Гражданина. Чем богат, тем и рад. Поспешите напечатать чтобы не остыли известия¹. Постараюсь прислать еще, если успею. Надеюсь вернуться около 20 июля². Обнимаю вас от души.

Ваш К. Победоносцев

Припомните, что я не подписываю своего имени под статьями.

21 июня
3 июля
(1873 г.)

Шелкани
на остр. Вайте

¹ Статья „Из Лондона“ появилась в № 27 „Гражданина“ от 2 июля 1873 г. за подписью*³. Ей предпослано следующее редакционное предисловие, вероятно написанное Достоевским: „Мы только что получили из Лондона от 19 июня корреспонденцию с новыми и весьма характерными подробностями о пребывании персидского шаха в столице Великобритании. Нам показались некоторые из этих подробностей особенно любопытными. Спешим сообщить их нашим читателям“. Интерес статьи заключался в сообщении о пропаганде английского духовенства против России в пользу Персии. В корреспонденции дается также отзыв о книге Рольстона „Русские народные сказки“ (Russian Folktales by W. R. S. Ralston). Корреспонденция Победоносцева датирована 19 июня (1 июля); очевидно он начал писать ее за два дня до отправки письма.

² Победоносцев вернулся в Петербург 25 июля 1873 г. Об этом в письме Достоевского к жене от 26 июля 1873 г.: „Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Все говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать и он сам ко мне придет сидеть“ и проч. („Письма Ф. М. Достоевского к жене“, пред. и примеч. Н. Ф. Бельчикова. М. - Л., 1926, стр. 85—86. В комментариях дана заметка об истории отношений Победоносцева и Достоевского (стр. 340); ср. с заметкой того же автора в „Красном архиве“ II (1923), стр. 210—211 (при публикации шести писем Достоевского к Победоносцеву).

2

Почтеннейший Федор Михайлович. Премного благодарю за доставление листов Гражданина. Сегодня получил 32-й номер, со статьей „Вестминстер аббатство“¹. Есть в ней две довольно значительные опечатки изменяющие смысл. На 872 стр., 2-я колонка, 18-я строка снизу напечатано: За незрелость, в чем и смысла нет; а у меня сказано: „Замерзельство“ — слово, употреблявшееся у нас в 18 столетии в официальных актах, когда говорилось о грубости нравов и обычаев простого „подлого“ народа. Вот почему оно у меня и в кавычках поставлено. (Да в этой же фразе сказано: здешнюю простоту церковную. Мне сдается, что [у меня что-нибудь не так сказано. Не красота ли? но это не так важно).

Другое: на стр. 873, 1-я колонка, 9-я строка снизу.

Чиновных форм. У меня сказано было: условных форм.

Не мешало бы в следующем № под IX статьей сделать оговорку об этих опечатках².

Несмотря на что* другие дела нудят, я неутерпел здесь написать вам еще 3 статейки „Листков“³, и уже пакет запечатан, да нет okazji послать.

Готовлю еще статейку, очень по-моему любопытную, о новой английской книге „Свобода, братство и равенство“⁴. Не знаю, удастся ли кончить.

Пишет сегодня Т. И. Филиппов из Москвы. Он готовит биографическую статью о покойном гр. А. П. Толстом⁵, к чему я и возбуждал его.

Он пишет, что №№ со статьями о единоверии в большом спросе в Москве, и за них платят очень дорого. „Перепечатка их, продолжает он, могла бы доставить Гражданину большое подкрепление“.

* Так в подлиннике.

Статью о Толстом он намерен был прислать вам к номеру 13 августа, но вероятно—говорит—что на номер опоздает.

Здравствуйте и благодушествуйте. Я надеюсь быть в П-бурге около 20 числа.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

Среда 8 Авг./73

Мереколь, близ Нарвы.

¹ „Русские листки из-за границы“. III. „Вестминстерское аббатство“ („Гражданин“ № 32, 6 августа 1873 г., стр. 870—873) за подписью В.

² Достоевский исполнил пожелание Победоносцева. В следующем № 33 „Гражданина“ от 13 августа 1873 г. к статье „Русские листки из-за границы“. IV. „К вопросу о воссоединении церквей“ сделано следующее примечание: „В предшествовавшей статье „Русских листков“ „Вестминстерское аббатство“ в 32 № „Гражданина“ вкрались две крупные опечатки“ (следуют исправления по письму Победоносцева).

³ Следующие „Русские листки из-за границы“; V. „Противоречия в Англиканской церкви“. VI. „Ирвингиты в Лондоне“. VII. „Деяны и унитарии в Лондоне“. VIII. „Воровской ужин“. IX. „Новая вера и новые браки“.

⁴ Имеется в виду книга Джемса Стифена под указанным заглавием („Liberty, equality, fraternity“ by James Fitzjames Stephen. Lond., 1873). Отзыв о ней Победоносцева явился в № 37 „Гражданина“ от 10 сентября 1873 г. в отделе „Критики и библиографии“ за подписью*³.

⁵ Толстой, Александр Петрович— обер-прокурор святейшего Синода с 1856 по 1862 г. затем член Государственного совета. Воспоминания Т. И. Филиппова о Толстом появились в „Гражданине“ 1874 г., № 4 от 29 января.

3

Почтеннейший Федор Михайлович. „Видите колицеми книгами писах вам мою рукою“. Сверх чаяния вчера, начитавшись газет, написал статью, которую спешу послать, и которая может несколько пополнить недостаток политич. обозрения, ибо речь идет о важнейшем событии нашего времени. Думаю, что ни в одной газете не было еще обстоятельного обозрения по этому предмету. Статья кстати: не замедлите ее напечатать¹.

Кончил еще для вас большую вещь², которую привезу с собою. Надеюсь быть в Пб. в понедельник, 20-го числа. Зайду в контору³ часов около 3 пополудни. Авось либо найду вас.

13 августа [1873 г.]

Душевно преданный

Понедельник.

Победоносцев

¹ Речь идет о статье „Борьба государства с церковью в Германии“, которая начинается словами, вполне соответствующими характеристике события в записке Победоносцева. В „Гражданине“ читаем: „Война государства с католическою церковью в Германии разгорается все сильнее и сильнее и становится одним из самых интересных и важных по последствиям политических явлений нашего времени“... Достоевский напечатал статью в ближайшем же № 34 „Гражданина“ от 20 августа 1873 г. в виде передовой; статья подписана ZZ. Статьи Победоносцева в „Гражданине“ шли за различными подписями: ZZ, **, В, В. П-ч, иногда без всякой подписи. Различье подписей объяснялось и тем, что нередки были случаи, когда в одном номере „Гражданина“ появлялась две статьи Победоносцева.

² Статья Победоносцева о книге Джемса Стифена „Свобода, равенство и братство“. Статья печаталась в трех номерах „Гражданина“ (35, 36 и 37 от 27 августа, 3 и 10 сентября) под особыми подзаголовками: I. Свобода. II. Равенство. III. Братство (за подписью **). Обзор касался также книги J. H. Kirchmann „Das Prinzip des Sittlichen“, Berlin, 1873.

³ Т. е. в редакцию „Гражданина“, Невский проспект, 77, кв. 8. Главная контора журнала находилась при книжном магазине А. Ф. Базунова.

4

Почтеннейший Федор Михайлович. Я приеду в П-бург завтра, бог даст, в четверг, к ночи. Надеюсь привезти вам статью: Испания¹, в параллель статье о Франции². Если вы считаете возможным и нужным набрать ее для следующего номера, то благо-

волите прислать за нею ко мне в [понедельник] пятницу, часов в 10 утра. В противном случае я сам вам ее доставлю не спеша.

Так как я уже окончательно переезжаю то и нет нужды пересылать мне в Мерекюль следующие №№ „Гражданина“.

Ваш К. Победоносцев.

Среда
29 августа 73

¹ Статья Победоносцева „Испания“ напечатана в № 37 „Гражданина“ от 10 сентября 1873 г. за подписью ZZ, с редакционным примечанием, очевидно написанным Достоевским: „Мы особенно рекомендуем вниманию читателей „Гражданина“ эту статью нашего почтенного сотрудника ZZ, в которой чрезвычайно ярко изображены главные существующие обстоятельства одного из самых любопытнейших и знаменательных явлений в современной истории европейского человечества. — Ред.“

² Статья „Франция (взгляд на теперешнее ее состояние)“ за подписью ZZ напечатана в № 35 „Гражданина“ от 27 августа 1873 г. Статья трактует о борьбе политических партий вокруг кандидатуры графа Шамборского на королевский престол под именем Генриха V. Об этом же сам Достоевский писал в своих „Обзорах иностранных событий“.

5

Посылаю вам, почтеннейший Федор Михайлович, дополнение к статье об И с п а н и и ¹. Его неудобно вставить в текст, но жаль упустить, и потому я полагал бы поместить его в виде подстрочного примечания к той строке, где говорится об участии агентов Интернационалки в беспорядках.

Потом в последней (III) статье о книге Стифена (Братство) в самом конце, в заключительных словах автора я пропустил и напутал. Благоволите исправить. Тут сказано: что нам делать? И затем должно стоять следующее.

„Будь тверд и мужествен, не страшись и не бойся“ (Второз. XXXI б. 7. Слова Моисея Иисусу Навину)².

У меня для текста оставлено место, ссылка сделана: но кажется прибавлено, совершенно неправильно, что это относится к переходу через Чермное море. Это потрудитесь вычеркнуть.

Следующие №№ газеты потрудитесь присылать сюда на квартиру (Больш. Конюшенная, д. Финской церкви).

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев.

Пятница
[1 сентября 1873 г.]

¹ Дополнение Победоносцева к его статье об испанских делах представляет несомненный интерес: „До 1868 г. в Испании не было слышно об Интернационалке, а в настоящую минуту Испания считается главным гнездом ее. Таким быстрым развитием нового учреждения Испания, по словам женевого корреспондента газеты „Таймс“, обязана известному русскому политическому выходцу Бакунину. Он придумал воспользоваться распространившимся в народе равнодушьем к политическим вопросам для образования союзов рабочих с целью увеличения рабочей платы и уменьшения рабочих часов. В Барселоне и Мадриде организовал он центральные комитеты из докторов, адвокатов и журналистов. Эти комитеты взяли на себя пропаганду рабочих союзов, тщательно избегая всяких политических вопросов и потому без затруднения склоняли рабочих соединиться для упомянутой практической цели. Правительство не видело ничего опасного в этой пропаганде, не касавшейся до политики, и кортесы стали преследовать союзы рабочих только в настоящее время, когда уже поздно стало им противодействовать. По сведениям, объявленными на нынешнем конгрессе Интернационалки в Женеве, успехи ее в Испании идут очень быстро...“ (Следует ряд цифр.)

Достоевский последовал полученному указанию и поместил „дополнение“ в виде подстрочного примечания к следующему месту злобствующей публицистики Победоносцева: „Как вороны на жертвину, собрались сюда же агенты Интернационалки, поднимают чернь и рабочих и устраивают, где можно, Коммуну со всеми ее ужасами...“ („Гр.“ 1873, стр. 992).

² Указанные исправления внесены в текст („Гр.“ 1873, стр. 1010).

6

Посылаю вам, почтеннейший Федор Мих., другое дополнительное примечание к статье об Испании. Его можно поместить в другую выноску, там, где помянуто о Дон Карлосе¹. Думаю, что оно не лишнее, ибо объяснит многим, не следящим за журналами, кто таков Дон Карлос.

Душевно преданный

К. Победоносцев.

Воскресенье

[3 сентября 1873 г.]

¹ Второе примечание к статье „Испания“, присланное при сопроводительной записке представляет собой биографическую справку о Дон Карлосе с изложением его прав на корону и общей характеристикой его политических идей. Примечание было помещено в соответственном месте („Гр.“ 1873, стр. 993).

7

Почтеннейший Федор Михайлович.

Посылаю вам обещанную статью в „Русские листки из-за границы“¹.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев.

14 сентября [1873 г.]

¹ Напечатано в № 39 „Гражданина“ от 24 сентября: „Русские листки из-за границы“ IX. „Новая вера и новые браки“ за подписью В.

8

Видите, почтеннейший Федор Михайлович, что я вас не забываю. Все хочу сказать б а с т а,—и продолжаю покуда могу. Посылаю вам вещь, на недостаток которой вы как-то жаловались: *Обзор важнейших узаконений*¹. Он разделен на 12 рубрик, без оглавлений.

Душевно преданный

К. П.

18 сент. [1873 г.]

¹ Статья „Обзор важнейших узаконений за летние месяцы (с 18 мая по 11 сентября)“ напечатана в № 39 „Гражданина“ от 24 сентября 1873 г. без подписи и с редакционным примечанием: „Такие обзоры мы надеемся и впредь помещать в „Гражданине“ примерно за каждую четверть года.—Р е д.“

9

Почтеннейший Федор Михайлович.

Посылаю еще статейку¹.

В сегодняшней (39 №)² я заметил, что наборщики иногда неправильно разбивают текст и помещают в ту же строку то, что в оригинале начинается новой строкою, и наоборот. От этого иногда извращается или ослабляется смысл.

Душевно преданный

К. П.

24 сент. 73

¹ „Церковь и государство в Германии“. Статья напечатана в № 40 „Гражданина“ от 1 октября 1873 г. без подписи. В оглавлении помечена обычным псевдонимом Победоносцева — ZZ.

² В № 39 „Гражданина“ две статьи Победоносцева: „Обзор важнейших узаконений“ (без подписи) и „Русские листки из-за границы“. IX. Новая вера и новые браки“ (за подписью В.).

10

Почтеннейший Федор Михайлович. Посылаю прилагаемую вещь¹. Но еще раз, и в особенности по поводу этой вещи, прошу наблюсти величайшее молчание относительно автора². Это очень для меня существенно.

Вторник

Душевно преданный

[23 октября 1873 г.]

К. П.

¹ Победоносцев направил к Достоевскому статью „Съезд юристов в Москве“ с эпиграфом: „И, бабушка, затеяла пустое...“ Она вызвана предположением юридического факультета Московского университета созвать в 1874 г. съезд русских юристов в Москве. Очевидно опасаясь нежелательных выступлений и заранее считая своим долгом дискредитировать всякое общественное начинание, Победоносцев выступает с резкой критикой проекта. В качестве бывшего профессора Московского юридического факультета Победоносцев был хорошо знаком с его личным составом, и в эту сторону он и направил свои критические стрелы. Этим конечно и объясняется его требование строжайшего анонимата. Не лишено интереса, что в своей критике факультета Победоносцев называет и своего будущего помощника по управлению Синодом и преемника на посту обер-прокурора В. К. Саблера („кафедра уголовного права занята была в течение одного года молодым доцентом Саблером; но он более года не выдержал и оставил академическую деятельность“). Победоносцев заключает, что намеченный съезд, созванный факультетом, „существующим более по имени, нежели в действительности“, сведется к „праздным речам со взаимным величанием и взаимным обольщением под покровом вярдного знамени“. „Не лучше ли обойтись без представления, которое может еще оказаться комическим?“

² 23 октября 1873 г. Достоевский сообщал Победоносцеву: „В квартире редакции живет один писарь; ему без означения разумеется вашего имени и дана ваша статья для переписки. Завтра она, переписанная чужой рукой, поступит в типографию. В типографии же вашу руку знают еще с прошлого года и именно корректорша, которая имеет в городе некоторые литерат. сношения (с От. Записками наприм.). Таким образом никто не будет знать на этот раз, что статья ваша, кроме меня и секретаря редакции“ и проч. (Ф. М. Достоевский. „Письма“, под ред. А. С. Долинина. III, 87.) Статья Победоносцева появилась в № 44 „Гражданина“ от 29 октября 1873 г. за подписью * * *.

11

Почтеннейший Федор Михайлович, сегодня, видевшись с Мещерским¹, я передал ему статью очень любопытную об автобиографии Мидля². Уведомляя вас об этом, покорнейше прошу, если возможно, не ставить ее в рубрику „Критика и библиография“—так как, по мнению моему, под эту рубрику она мало заметна будет для читателей³.

Завтра мож. быть увидимся.

Душевно преданный

Вторник

К. П.

[30 октября 1873 г.]

¹ Мещерский, Владимир Петрович (1839—1914)—основатель реакционнейшего еженедельника „Гражданин“. Сближение с Мещерским относится к последнему периоду биографии Достоевского. Ближайшие друзья, с которыми он так усленно переписывался из-за границы, А. Н. Майков и Н. Н. Страхов вероятно ввели его вскоре по его возвращении из Германии в кружок князя В. П. Мещерского, который осенью 1871 г. был занят организацией задуманного им журнала с „охранительными боевыми задачами“.—„Восприемниками [нового издания],—свидетельствовал впоследствии Мещерский,—были К. П. Победоносцев, А. Н. Майков, Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев, Н. Н. Страхов, М. О. Колялович, Б. М. Маркевич. Тогда же основались мои среды. Они назывались литературными. Но вернее их было назвать политическими, ибо главными предметами бесед и споров, главною причиною оживления была политика дня в жизни государственной и в жизни печати“.

В редакции был приглашен Г. К. Градовский. Но уже к концу первого года издания обнаружилось расхождение редактора с издателем, и осенью 1872 г. наступил редакторский кризис „Гражданина“. В этот момент Достоевский предложил Мещерскому взять на себя редактирование его органа. Предложение это было весьма сочувственно принято как издателем, так и всем его кружком.

Наиболее тесное сотрудничество установилось у Достоевского на первых порах с его непосредственным шефом по „Гражданину“. Достоевский не мог не считаться с Мещерским как с инициатором и собственником издания, близким к правительственным лицам и интересам. Но сравнительная молодость Мещерского (в момент знакомства с Достоевским ему было 32 года) и недостаточная литературная опытность нередко вызывали Достоевского на авторитетное вмешательство в разрешения возникавших редакционных проблем. Он считал необходимым отменять чересчур резкие реплики Мещерского в полемических статьях („Ответ на вопрос С.-Петербургских Ведомостей“), но в некоторых случаях проверял у Мещерского верность своих решений (напр. по поводу рассказа

„Картинки из офицерской жизни“). (См.: Ф. М. Достоевский. „Письма“, под ред. А. С. Долинина, М., 1934, 86—88, 313—316). В своих „Воспоминаниях“ Мещерский оставил следующую характеристику Достоевского: „Я не видел на своем веку более полного консерватора, не видел более убежденного и преданного своему знамени монархиста, не видел более фанатичного приверженца самодержавья, чем Достоевский... Мы все были маленькими перед его грандиозной фигурой консерватора... Достоевский был как аскет строг и как неопит фанатичен в своем консерватизме“.

Личность Мещерского получила впоследствии достаточно полную оценку со стороны близко наблюдавших его современников. А. В. Богданович отмечает в своем дневнике к концу царствования Александра III: „Все чувствуют, что ненормально ведется дело, что назначения на высшие места не выдерживают критики. В Мещерском, в его „Гражданине“ видят силу, все знают, что за грязная личность этот князь, все волнуются, что нет человека открыть глаза царю, который принимает его и беседует с ним“. С. Ю. Витте в своих воспоминаниях сообщает, что Кривошеин был назначен министром путей сообщения при поддержке редактора „Гражданина“ В. П. Мещерского, как видимо и Плеве. По свидетельству Витте отношения „Мещерского к монархам и власть имущим имеют одну цель: получить денежные субсидии на его журнал „Гражданин“, субсидии, на которые князь Мещерский живет вместе со своими молодыми людьми, а с другой стороны, для того, чтобы наиболее любимых молодых людей возможно более награждать за счет казны“ (Витте. „Воспоминания“, т. II, стр. 370).

² Статья называлась: „Картина высшего воспитания. Автобиография Дж.-Стюарта Милля“ (J.-St. Mill. Autobiography. Lond., 1873). Статья появилась в № 55 „Гражданина“ 1873 г. от 5 ноября за подписью В.

³ Просьбу Победоносцева Достоевский исполнил: он не включил статьи в отдел „Критики и библиографии“, а поместил ее на видном месте, сейчас же после передовой статьи.

12

Достопочтеннейший Федор Михайлович.

От всей души поздравляю вас с праздником и желаю, чтобы эти строки застали вас в добром здоровьи.

Опасаясь, что вы на меня сердитесь, и вот почему спешу изъяснить вам дело.

На праздник я уезжаю обыкновенно в монастырь. Вернувшись оттуда 25 числа нашел я у себя записку Мещерского, наскоро написанную им перед отъездом, где он умоляет дополнить его Петерб. обозрение подробностями о приезде Эдинбургского принца¹. За эту записку я посердился на Мещерского, как он меня обременяет делом, которого я не умею и не хочу делать. Да и подробностей этих я не знаю и не собираю—совсем не мое дело еще писать об них. Кроме того мне и некогда.

Между тем сегодня принесли мне из типографии корректуру², с тем чтобы я прислал ее обратно вечером—очень-де нужно. Случилось это в мое отсутствие, и совсем не было мне приятно, потому что я не хочу иметь никаких отношений к типографии. Отослать корректуру обратно было не с кем, а вечером какой-то пьяненький служитель пришел взять ее и пошел за разрешением к вам. Воображаю, что вас он потревожил заботою, но прошу вас, почтеннейший Федор Михайлович, не поставить ее мне на счет.

Здравствуйте и радуйтесь.

Душевно уважающий и преданный

28 дек. вечер
[1873 г.]

К. Победоносцев

¹ Об этом в № 52 „Гражданина“ от 29 декабря заметки и сообщения в отделах „Хроника за две недели“ и „Петербургское обозрение“.

² Корректурa статьи „Подлежит ли земство по закону ответственности за непринятие мер против голода“ за подписью В. П.-ч.

13

Достопочтеннейший Федор Михайлович.

Очень досадно было бы¹, что вы были вчера у меня и не застали, тем более досадно, что в эти часы я по большей части дома и только вчера случилось, что дома не ободал. Досадно, что упустил случай посидеть с вами и побеседовать, чего уже давно не бывало.

А сегодня поздравляю вас с успехом, потому что едва нашел (в 4 часа) номер вашего Дневника²: почти везде отвечали—все листы разобраны, и мы послали за новой провизией.

Как-раз сегодня же вышла и моя книжка: Исторические исследования и статьи³, которую завтра вам доставляю.

До свиданья.

Душевно уважающий и преданный

К. Победоносцев

31 января 1876

¹ Так в подлиннике.

² Январский выпуск „Дневника писателя“ был составлен особенно разнообразно: здесь и „Мальчик у Христа на елке“, и „О молитве великого Гете“, и о „будущем романе“ „Подросток“, и о колонии малолетних преступников, и важный автобиографический отрывок „Фельдгегер“, и проч.

³ Книга сохранилась в библиотеке Достоевского: „Исторические исследования: статьи“ К. Победоносцева, д. чл. восп. Общ. Ист. и Древн. Росс. СПб., 1877. Об этой книге Достоевский писал 11 января 1876 г. В. С. Соловьеву: „Голос“ (воскресенье 11-ое января) публикует (в объявлениях) о том, что печатается книга „Исторические исследования и статьи К. П. Победоносцева“. Вот о чем помяните непременно. Это должно быть нечто чрезвычайно серьезное, прекрасное и любопытное очень. Я жду чего нибудь очень важного от этой книги. Это огромный ум“ („Письма“ под ред. А. С. Долина, М.-Л., 1934, III, 202).

В библиотеке Достоевского имелось еще две книги Победоносцева: „Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе в тяжелой неволе у турок с австрийским посольством 1591“. Перевод с чешского. СПб., 1877. — Фома Кемпийский „О подражании Христу“. 4 книги. Новый перевод с латинского К. Победоносцева, с предисловием и с примечаниями переводчика. СПб., 1869.

14

Почтеннейший Федор Михайлович. Хотел непременно повидаться с вами перед отъездом за границу, но сил моих нет от жару, и потому на письме желаю вам добра: лета с полным обновлением сил.

Между тем, хочу сообщить к вашему сведению любопытные и ужасные черты судьбы наших несчастных эмигрантов, Герцена и К⁰. Посмотрите — кто из них не умалишенный, и доктор Крупов¹ как плачевно оправдывает свою теорию!

Вы слышали, конечно, достаточно о жене Огарева, что это ведьма, а не женщина. Герцен всю жизнь терпеть ее не мог, не мог видеть ее без отвращения и говорил о ней не иначе как: *c'est une vipère*. Между тем, со своею второю женой он жил, как кошка с собакой, и не знаю как случилось, посреди этого домашнего ада, сошелся ненавистною ему женой Огарева. Она — неизвестно как — стала его любовницей, и переставая возбуждать в нем нравственное отвращение. Последним ударом ему было сумасшествие обожаемой им дочери от первого брака Натальи.

Наконец, вторая жена его умерла. М-ше Огарева тотчас переехала к нему и водворилась с ним. Тут начался у них пушій ад, и мученье усложнилось еще тем, что с ним была дочь, прижитая от Огаревой, такая же ехидная, как и мать, — дочь и мать ненавидели друг друга и грызлись с утра до вечера. Конечно, дочь с детства воспитывалась в полном материализме и безверии.

Эта-то дочь отравилась недавно, как вы читали, я думаю, в газетных смутных известиях. Любопытны обстоятельства. Она намочила вату хлороформом, обвязала себе этим лицо и легла на кровать. Так она умерла. Перед смертью написала она следующую записку, которую рассказывал здесь дословно И. С. Тургенев. Вот (почти-что так, сколько я помню) в чем она заключается.

Je m'en vais entreprendre un long voyage. Si cela ne réussit pas, qu'on se rassemble pour fêter ma resurrection avec du Cliquot. Si cela réussit, je prie qu'on ne me laisse enterrer que tout à fait morte puisque'il est très desagréable de se reveiller dans un cercueil sous terre. Ce n'est pas chique!²

Последнее словечко очень выразительно — не правда ли?

В довершение всей этой трагикомедии — вот история об Огареве, из того же источника. Он жил в Женеве, равнодушный ко всему. Самый главный интерес составляла для него кухарка его англичанка, ибо ему казалось, что никто кроме ее не готовит ему вкусного обеда и что он может есть с приятностью только ее кушанье. Но этой кухарке стало невтерпёж жить у него и, наконец, она объявила ему, что она должна уехать на родину. Огарев пришел в невообразимое отчаяние и чтоб избавиться от грозившего бедствия, решился уехать с ней на родину ее в Гриничь. Там он и живет у нее на хлебах, в обществе лавочников и рабочих, не зная ни слова по-английски.

Сообщаю вам весь этот материал, любезный Федор Михайлович, и уезжаю. До свидания.

Душевно преданный

К. Победоносцев

3 июня 1876

Последний ваш номер очень удовлетворил меня. Не смущайтесь, если вас ругать станут³. Надо не кланяться идолам, а повергать их во прах.

¹ Герой ранней повести Герцена „Записки доктора Крупова“, считающий, что человечество — сплошное сборище сумасшедших. Тургенев и Победоносцев довольно верно запомнили и передали текст предсмертной записки Лизы Герцен. В настоящее время он опубликован полностью (к сожалению в переводе) в „Архиве Огаревых“, ред. М. О. Гершензона. Гиз, 1930, стр. 214.

² Достоевский в „Дневнике писателя“ дал следующий перевод французской записки: „Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресение из мертвых с бокалами Клико. А если удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедясь, что я мертвая, потому что совсем неприятно проснуться в гробу под землей. Очень даже не шикарно выйдет!“

В своем письме от 3 июня 1876 г. Победоносцев сообщает Достоевскому сведения о тяжелой семейной катастрофе в кругу Герценов-Огаревых в целях опубликования этого материала в „Дневнике писателя“. В настоящее время, когда изданы письма, освещающие роман Лизы Герцен с Шарлем Летурно и связь Огарева с Мэри Сэтерленд, реляция Победоносцева представляется особенно недостойной. Глубоко волнующие своим жизненным драматизмом человеческие документы из огаревских архивов вскрывают до конца холодную расчетливость крупного государственного деятеля, небрежного оглаской в печати интимных дел своих политических противников. Достоевский так и понял полученное им письмо. В октябрьском выпуске „Дневника писателя“ за 1876 г., в главе „Два самоубийства“, он привел цитату из письма Победоносцева и текст французской записки, сославшись при этом на одного „уважаемого корреспондента“. Правда, он не назвал ни одного имени и совершенно обошел историю Огарева (своего бывшего женевского приятеля, оказавшего ему некоторые услуги), но об остальном сообщил в очень прозрачных обозначениях. Эпизоду смерти Лизы Герцен придано соответственное освещение: самоубийца — дочь одного слишком известного русского эмигранта, родившаяся за границей, русская по крови, но почти уже совсем не русская по „воспитанию“... „Тут слышится душа, именно возмущавшаяся против „прямолинейности“ явлений, не вынесшая этой прямолинейности, сообщавшейся ей в доме отца еще с детства“, и проч. Фактическая сторона письма Победоносцева в ряде мест не соответствовала действительности.

³ „Дневник писателя“ 1876 г., май (дозволен цензурою 30 июня). Слова Победоносцева относятся очевидно к характеристике, данной Достоевским адвокату Утину, защитнику Каировой („условно-либеральная гуманность“ и проч.).

15

Достопочтеннейший Федор Михайлович.

Сегодня просил я кого следовало о Марье Остроумовой¹ и имею надежду, не дадут ли ей рублей сто в пособие. Когда что узнаю верно, непременно вас уведомить.

Душевно уважающий и преданный

18 окт. 1876

К. Победоносцев

¹ Марья Остроумова — проживавшая в Старой Руссе вдова священника, о выдаче денежного пособия которой Достоевский видимо хлопотал у К. П. Победоносцева. См. № 18.

Многоуважаемый Федор Михайлович. Не знаю, доставляете ли вы свой „Дневник писателя“ наследнику цесаревичу? Если нет, то не дурно было бы, когда б вы ему посылали. Я знаю, что вчера, в бытность его у братьев, ему говорено было про некоторые статьи и рекомендовано обратить на них внимание¹.

Душевно преданный

К. Победоносцев

Вы можете послать вышедшие листы просто на имя великого князя с почтой; а если желаете доставить с толкованием², то благоволите прислать ко мне и я отошлю их к нему с письменным объяснением, что это от вас представляется.

Суббота.

13 ноября 1876

¹ Редакция этой записки дает основание предположить, что „рекомендация“ исходила от самого Александра II; указания „в бытность его [наследника] у братьев“ (т. е. у великих князей Сергея и Павла) и обороты „говорено“ и „рекомендовано“ как будто указывают на такой именно источник.

О внимании Александра II к Достоевскому свидетельствует видимо и письмо посланного к А. Г. Достоевской от 25 июля 1873 г.:

„На острове Вайте [Победоносцев] читал мое Преступление и наказание (в 1-й раз в жизни) по рекомендации одного лица слишком известного тебе одного моего почитателя, которого сопровождал в Англию. Следственно дела еще не совсем очень плохи. Пожалуйста не болтай, голубчик Анечка“.

Победоносцев находился в свите Александра II во время его поездки за границу летом 1873 г.

Правительство Александра II доставило Достоевскому немало тяжелых неприятностей. Оно держало его почти до самой смерти под секретным надзором, следило за его связями за границей и наконец совершенно незаконным закрытием его журнала в сущности разорило его. Но при этом Александр II видимо демонстрировал иногда интерес к Достоевскому. Воспитанник Жуковского и Сперанского, оценивший „Записки охотника“, он считал подчас нужным делать милостивые жесты в сторону литературы. К тому же еще Николай I видимо по придворным подсказам сделал какой-то демонстративный жест культурного внимания к прошумевшим „Бедным людям“. Следует думать, что известные строки в эпиграмматическом послании Тургенева и Некрасова к молодому Достоевскому: „Тебя хвалит император, уважает Лейхтенберг“ не лишены какой-то фактической основы. Впрочем вскоре после этих похвал состоялась высочайшая резолюция о Достоевском: на четыре года (на каторгу), а потом рядовым. Достоевский впоследствии полагал, что этой конфирмацией, отменявшей смертный приговор генерал-аудиториата, царь „пожалел в нем молодость и талант“. Но соображение это едва ли правильно в виду общего характера меры, примененной к осужденным петрашевцам: участь Достоевского после царской конфирмации оказалась сравнительно далеко не самой легкой. Меньше всего Николай I считался с талантом молодого автора, на долгие годы прервав его литературную деятельность.

После смерти Достоевского Александр II оказывает ряд „милостей“ его семье.

² Достоевский счел нужным преподнести „Дневник писателя“ „с толкованием“ и представил его при сопроводительном письме. См. ниже (стр. 159) примечание к „Известию дворцовой конторы“.

Почтеннейший Федор Михайлович, вот справка, если хотите, я могу написать Губернатору. К. П.

Впрочем вероятно теперь деньги уже выданы.

Понедельник

[27 декабря 1876 г.]

Приписка Победоносцева внизу следующей официальной справки: „Всемиловитейше пожалованные в единовременное пособие вдове Священника Остроумовой 100 рублей препровождены к Новгородскому Губернатору при отношении Статс-Секретаря у Принятия Прошений от 21-го декабря 1876 г. за № 10715, для выдачи просительнице, по месту ее жительства в г. Старой Русе“.

Вот, любезнейший Федор Михайлович, когда вы были у меня, то сетовали, что январский № Дневника выйдет у вас не в меру слабый, а вышло наоборот — весь в

силе,¹ и я, только что прочитав его, спешу благодарить вас за прекрасные статьи — все хороши, особенно, что вы рассуждаете о штунде, да и о Фоме Данилове². Здравствуйте и радуйтесь.

Душевно преданный
К. Победоносцев

1 февр. 77

¹ Январский выпуск „Дневника писателя“ 1877 г. состоял из следующих статей: Глава первая. I. Три идеи. II. Миражи, штунда и редстокисты. III. Фома Данилов, замученный русский герой. Глава вторая. I. Примирительная мечта вне науки. II. Мы в

Многоуважаемый Федор
Иванович! Ужасно,
готовилась к Вам свой
„Дневник писателя“
на свидание Цесаревичу?
Если нет, то к счастью
было бы когда бы к Вам Ессы
появился. Я знаю что
всего, в будущем Вы
успешнее, еще поговорю
Вам про некоторые
статьи и рекомендую
Вам обратить на них
внимание.

Душевно преданный
К. Победоносцев

Ваше короткое письмо бы

ПИСЬМО КОНСТАНТИНА РОМАНОВА К ДОСТОЕВСКОМУ
Публичная библиотека им. Ленина, Москва

Европе лишь стрючкие. III. Русская сатира. „Новь“, „Последние песни“. Старые воспоминания. IV. Именинник.

² Фома Данилов, по справке самого Достоевского — „унтер-офицер 2-го Туркестанского стрелкового батальона, захваченный в плен кипчаками и варварски умерщвленный ими после многочисленных и утонченнейших истязаний 21 ноября 1875 года в Маргелане за то, что не хотел перейти к ним на службу и в магометанство“. Достоевский вспомнил его в „Братьях Карамазовых“ в главе „Контроверза“ (ч. I, кн. III, гл. VII).

19

Почтеннейший Федор Михайлович. Зная вашу заботливость, я уже беспокоюсь отчего не выходит до сих пор Дневник? Здоровы ли, здесь ли вы, и все ли у вас благополучно? Если это письмо дойдет до вас, напишите мне словечка два по адресу: в Ораниенбаум во Дворце¹.

Душевно преданный
К. Победоносцев

и какой ваш деревенский адрес?

6 июля 1877

¹ В начале июля 1877 г. Достоевскому пришлось оставить деревню, где он отдыхал (имение „Малый Прикол“ Курской губ.), и „ехать в Петербург, чтобы редактировать и выпустить в свет летний двойной № 2 „Дневника писателя“ за май—июнь“ („Воспоминания А. Г. Достоевской“, 225—226). В Петербурге его ждало немало хлопот по типографии, цензурному комитету, чтению корректур и проч. Достоевский приехал в Петербург 5 июля в 11 час. утра, а на другой день получил письмо Победоносцева из Ораниенбаума. В письме к жене от 7 июля Достоевский сообщает: „Вчера вечером получил письмо от Победоносцева. Пишет наугад, беспокоясь за меня и не зная где я, на прежний адрес; не выходит дескать Дневник, не сделалось ли чего с вами? Сам он в Ораниенбауме, живет во дворце. Напишу ему, но вряд ли сам поеду — некогда“.

Письмо Достоевского к Победоносцеву за июль 1877 г. неизвестно.

20

Добрейший Федор Михайлович. Вот уже вторая неделя, как я сижу дома, простудившись, с тяжелой головою. Если вы здоровы, и есть досуг, не зайдете ли на днях вечером побеседовать, — чего давно уже не бывало.

Душевно преданный
К. Победоносцев

28 февр. 1878

Петербург.

21

Достопочтеннейший Федор Михайлович.

Вам понравилась московская речь Преосв. Амвросия. Думаю, что понравится и другая, недавно сказанная им в Московской Семинарии¹.

Душевно преданный
К. Победоносцев

30 ноября 78

¹ Амвросий (Алексей Иосифович Ключарев) (1821—1901) — церковный писатель и проповедник, редактор журнала „Душеполезное чтение“, руководитель издания „Вера и разум“. Выступая на общественно-политические темы, Амвросий яростно боролся с „вольномудством“ (свобода совести, свобода печати, женское образование и пр.). Некоторые его проповеди печатались в „Московских Ведомостях“.

Речи свои Амвросий произносил на всевозможные „темы дня“: по случаю заключения мира с Турцией, убийства шефа жандармов Мезенцева и харьковского губернатора Кропоткина, покушения на Александра II, смерти Юрия Самарина, различных манифестов и пр. „Московская речь“, о которой пишет Победоносцев — проповедь Амвросия по поводу убийства в Петербурге шефа жандармов Мезенцева, произнесенная 12 сентября 1878 г. По основным положениям она действительно близка воззрениям Достоевского в эту эпоху: „спасительная сила церкви“ (превосходство христианства перед всеми человеческими учениями и превосходство православия перед всеми другими исповеданиями); духовно-нравственное воспитание в противовес новейшим педагогическим теориям „европейских руководителей“; духовный опыт „святой Руси“, противопоставленный учениям „наших космополитов, ненавистников родной земли“; исконно русская религиозная философия, которую „мы не заметили: мы искали в Европе последнего слова философии и зато видели, как пред нами проходили поколения шеллингистов, гегелистов, реалистов, материалистов, социалистов...“ („Проповеди Амвросия, епископа Дмитровского, викария московского за последние годы служения его в Москве“ (1873—1882). М., 1883, стр. 136—140). Вторая проповедь, которая по мнению Победоносцева понравится Достоевскому, — это „Речь воспитанникам московской духовной

семинарии", произнесенная 8 ноября 1878 г. В ней развиваются положения предыдущей речи (высокие цели церкви и борьба ее „с духовными врагами человечества“, возможность примирения „веры со здоровыми научными познаниями“, восстановление в народе русском „утраченной цельности“ и пр.).

22

Почтеннейший Федор Михайлович. Рекомендую вам прочесть фельетон в прилагаемом № Современ. Известий¹. В нем метко выражена основательная мысль и подмечено явление слишком обыкновенное в нашем обществе.

Кстати. Помня, что вы иногда заходили ко мне по субботам вечерами, скажу на всякий случай, что завтра я должен провести целый вечер в утомительном заседании.

До свидания.

Ваш К. Победоносцев

Пятница
12 янв. 79

¹ „Современные Известия“—московская ежедневная газета правого направления (издавалась И. П. Гиляровым-Платоновым с 1 декабря 1867 г.) с подзаголовком „политические, общественные, церковные, ученые, литературные и художественные [известия]“. Фельетон, рекомендованный Победоносцевым,—вероятно из № 9 „Современных Известий“ от 10 января 1879 г. под заглавием „С того света“. В фельетоне описывается случай, происшедший под новой год в ресторане „Эрмитаж“, где двое юнкеров не выказывали достаточного почтения к обедавшему там „герою Дубасову, взорвавшему на Дунае в последнюю войну турецкий броненосец“. В шовинистическом тоне фельетонист возмущается „Митрофанушками“, не понимающими, что „подвиги таких героев, как Дубасов, Скобелев и др., должны служить руководством и примером для каждого честного русского солдата“... Это вероятно и есть „основательная мысль“, вызвавшая одобрение Победоносцева.

23

Многоуважаемый

Федор Михайлович.

На случай, когда бы вам нужно было видеться с Катковым¹, спешу вас уведомить, что он здесь на несколько дней и остановился у зятя своего кн. Шаховского на площадке Большого театра, № 6, дом Варгина.

Душевно преданный

К. Победоносцев

14 фев. 79

¹ Катков, Михаил Никифорович—реакционный публицист, редактор „Московских Ведомостей“ и „Русского Вестника“, сыгравший заметную роль в литературной биографии Достоевского. Свои большие романы (за исключением „Подростка“) Достоевский печатал в „Русском Вестнике“. В 70-е годы он был пристрастным читателем „Московских Ведомостей“. Иные из передовиц Каткова оставляли заметные следы на его художественном творчестве. Неумолимый обличитель нигилизма, гневный обвинитель Нечаева и Бакунина, воинствующий националист, готовый всюду видеть следы „польской интриги“, непримиримый враг интеллигенции („как только начнет действовать наша интеллигенция—мы падём“) Катков многому научил Достоевского-политика. В ряде спорных государственных вопросов романист примыкал к выводам московского публициста и нередко отражал в своих высказываниях директивные тезисы катковских статей. Под конец жизни он видимо разделял возмущение Каткова судом присяжных (после дела Веры Засулич) и вполне солидаризировался с его нападками на самую идею русского общественного суда. В отличие от многих представителей петербургской администрации Достоевский в полном согласии с „Московскими Ведомостями“ в последний год своей жизни приветствовал начинания Лорис-Меликова в направлении общественного „замирения“. Газета Каткова, как и „Русский Вестник“, по основным вопросам переключалась с петербургским „Гражданином“.

24

Любезнейший Федор Михайлович. Сейчас был у меня о. архимандрит Симеон и привез, для передачи вам, выписанные им из книг подробности монашеского погребения¹, о которых он при свидании запомнил объяснить вам.

Душевно преданный

К. Победоносцев

24 фев. 1879

¹ Выписки эти очевидно послужили Достоевскому для описания погребения старца Зосимы в главе „Тлетворный дух“ („Братья Карамазовы“, ч. III, кн. VII, гл. I). В первых же строках своего описания Достоевский цитирует „Большой Требник“, выписки из которого очевидно и были ему присланы Победоносцевым 24 февраля 1879 г. Глава „Тлетворный дух“ появилась в сентябрьской книжке „Русского Вестника“ 1879 г. Сопоставление этих дат дает возможность датировать работу Достоевского над 7-ю книгой своего романа: весна—лето 1879 г.

25

Почтеннейший Федор Михайлович. Вчера, по уходе вашем, я написал и послал потребное письмо Градоначальнику.

В понедельник надеюсь встретиться с вами за обедом: Арсеньев пишет мне, что у них на этот день предположение, и я сообщил им ваш адрес.

Душевно преданный
К. Победоносцев

3 марта 1879

26

Христос Воскрес. Обнимаю вас, любезнейший Федор Михайлович, и сердечно благодарю за память. Жалею, что не видал вас, а только ваши карточки. Я сегодня лишь вернулся из Сергиевской Пустыни, где доволен был и мирен целую неделю. В 3 часа поехал к вечерне в Исакиев. Собор—а между тем явились ваши карточки. Посылаю вам статьи из вчерашних Моск. Вед.¹

Душевно преданный
К. Победоносцев

[2 апреля]

Пасха 1879

¹ „Вчерашние Моск. Вед.“—№ 81 от 31 марта 1879 г., так как по случаю пасхи „следующий № Московских Ведомостей“ (согласно объявлению на 1-й стр. № 81) выйдет в четверг 5 апреля“. Статьи, упомянутые Победоносцевым,—помещенные на 4 и 5 страницах фельетоны и корреспонденции. В одной из них—„В мире курьезов“, газета возмущается „научной ревностью не по разуму петербургских врачей“, объявивших о чуме в России (темой этой интересовался Достоевский и затронул ее в „Гражданине“), и полемизирует с Градовским по поводу его последних статей в „Голосе“; особенное место фельетонист уделяет ироническому описанию чествования И. С. Тургенева в Петербурге и Москве преимущественно учащейся молодежи. Тургеневу же посвящена и вторая статья „С берегов Невы“, в которой автор возмущается „ребячески жалкой“ политической агитацией, предметом которой послужил Тургенев. Автор упоминает о публичном вечере, где самым лестным для них образом были приветствованы два писателя—Тургенев и Достоевский: „оказывается произошло недоразумение: „мы, рукоплещая и г. Тургеневу и г. Достоевскому, способствовали чествованию единственно г. Тургенева и возве даже не в его качестве талантливой балетристы, а в звании не то „политического“, не то „общественного“, но во всяком случае „западного“ человека, „профессиональные идеалы которого всем нам дороги и святы“. Потеха же и только!“ И пр. Автор распространяется в дальнейшем о Тургеневе как „представителе западного конституционализма в России“.

27

Любезнейший Федор Михайлович. Припоминаю, что около 15 апреля вы собираетесь переезжать в Старую Руссу¹. Не надеюсь до отъезда увидеться с вами, так как за неделю в доме у меня я ни с кем не вижу. От души желаю вам счастливого пути—уезжайте скорее—там будет вам тише жить и работать. В настоящую пору бежал бы из Питера в пустыню. Клянюсь супруге вашей и желаю вернуться благополучно и здорово в лучшую пору². От души обнимаю вас.

Душевно преданный
К. Победоносцев

11 апр. 1879

¹ Достоевский выехал в 1879 г. в Старую Руссу только в мае.

² Панический тон последних строк объясняется покушением на царя А. К. Соловьева 2 апреля 1879 г. На это видимо намекает сообщение: „За болезнью в доме у меня я ни с кем не вижу“.

Сердечно благодарю вас, любезнейший Федор Михайлович, за то, что вы скоро меня вспомнили и написали мне, а меня простите за то, что не ответил вам вскоре. Это совершенно противно обыкновению моему и сердечному желанию, и весьма редко со мною случается; а на этот раз произошло вследствие того, что у французов называется *force majeure*. Поверите ли, что целый месяц и больше того я не в состоянии был писать, и самые письма, мною получаемые, лежали у меня дня по три нераспечатанными: до того голова была занята с утра до ночи множеством забот и множеством лиц, с которыми приходилось непрерывно видеться. Только теперь опминаюсь от всей этой суеты. Впрочем работал я для доброго дела. Надобно было устраивать отправление 600 ссыльно-каторжных из Одессы на остров Сахалин. Мне хотелось устроить это дело так, чтобы скорбный этот путь стал по возможности путем утешения и чтобы вместо школы разврата, соединенной с этапным хождением, устроилась бы по возможности школа духовного назидания и порядка. Слава богу, обстановка вышла самая благоприятная. Прекрасный священник, всей душою преданный делу,—другой, простой человек с горячею душой, благочестивый мещанин миссионер, с громадным запасом книг и т. под., доктор-старичок, человеколюбец, и два чиновника—люди вполне достойные и одушевленные,—командир судна толковый, распорядительный, с душою. Вы поверите, с какою заботою я следил за всем этим снарядом. Наконец 7 Июня корабль отплыл, напутствованный в Одессе архиереем Платоном, который сам приехал проводить арестантов и сказал им трогательные поучения,—а в числе их есть люди, повинные в 40 убийствах.—Экспедиция эта, первая в своем роде, прошла уже Красное море, и теперь должно быть на пути к Сингапуру. Вчера я получил первые любопытнейшие письма из Порт-Саида и, читая их, приходил в умиление. Благослави боже! Нас стращали беспорядками в пути; но вот в течение 2 недель—все не нахвалятся поведением арестантов. Представьте себе только картину—утро и вечер, посреди океана—вперед священник и с ним 500 каторжных (ибо 100 масульман в числе их) поют хором молитву. На богослужении каторжные же поют по нотам. Тотчас по выходе из Босфора признано возможным снять с них кандалы, и мне описывают радость по этому случаю. Священник неотступно при них—им позволено работать, их выпускают гулять на палубу и проч. Дай бог благополучного конца этому интересному плаванью, а я радуюсь, что заботы мои и моих сотрудников оказываются до сих пор непропащими!

Да, любезнейший Федор Михайлович, жизнь наша так искривлена, так завалена и опутана, что в ней трудно бывает отыскать простые человеческие черты. И во времена Спасителя человек, повидимому, глубоко вдумывавшийся в жизнь и помышлявший о долге, ставил вопрос, мучивший его душу и представлявшийся ему неразрешимым: кто есть ближний мой? А как он прост для простой не книжной души, и как просто решил его Спаситель. И мы все ходим по свету и мучим себя вопросом: что мне делать? И этот вопрос сбивает всех с толку—он же, конечно, увлекает и массу молодежи, выросшей посреди книжных миазмов—на путь лжи и беззакония. Да и не они одни—все мы, слывущие интеллигенцией, путаемся в нем, словно леший обошел нас, а между тем возле нас лежит большой, царский путь правды. И вдруг иногда приходит минута, что мы видим этот путь, ступаем на него, и идем по нем легко и свободно, в е с е л ы м и ногами, и жизнь вдруг становится ясною. Это только тогда и бывает, когда является простое отношение одной души к другой душе страдающей, нуждающейся и обремененной, когда является перед нами дело любви в самой простой форме блистающей неотразимой истиной без хитрости и заблуждения: „лучшего напиться, жаждающего напоить, нагого одеть и т. п.“. Все это, как давно мы знали, еще из прописей, из начатков христианского учения—как все это старо, и как все это свежо и ново!

На этом основании строится все наше здание. Тут же и единственный, элементарный источник веры. Какое безумие спрашивать: докажи мне веру твою. Надо сказать: покажи мне веру твою. Она является не в отвлеченной формуле, а в живом образе живого человека и живого дела—в образе божием, еже есть Адам человек—в паки человек, т. е. Христос сын божий. Вера, любовь, надежда—школа разделяет на три категории понятий, и это есть обольщение школы, ибо разбивать то нельзя, что в существе своем едино. Бог явился Илии пророку не в вихре и в буре, а в гласе хлада тонка, в тихом веянии ветра.

О нынешних событиях и положении дел не стану много говорить—вы сами видите и чувствуете, а мне больно, больно и тяжело. Видя многое, что другие не видят, в людях и в делах, я не могу одушевляться надеждою, ибо для меня вопрос ставится просто: на репейнике не могут расти гроздия, на крапиве не вырастут смоквы. Живой человеческой силы, которая могла бы двинуть события, не слышно, и явственнее чем когда-либо ощущается, что дела наши в руке карающего и милующего бога. Часто с волнением в душе перечитываю 10 главу послания к евреям и страшный 31 стих¹. Все так перепуталось и перемешалось в понятиях человеческих и в воле человеческой, что всякая аргументация стала пуста и бесплодна. Журнальные статьи, особливо в Пбурге, мне омерзительны. Нити не отыщешь, чтобы выйти из лабиринта, покуда нельзя будет сказать: бысть человек послан от бога,— тот что станет на гумне и будет веять пшеницу —

Сегодня газеты принесли известие великой важности. Во Франции принята 7 статья закона об обучении. Голос ликует, но от этого ликования страшно. Ведь это значит, что закон государственный отрицает право церкви—учить и признает неспособными и десятки тысяч людей, занимавшихся обучением не по профессии, не за деньги, но ради утверждения веры и по долгу церковного звания. Это—приказ самого революционного свойства²: и подумаешь, что у нас наши журналы требуют того же самого, и наши власти пожалуй вскоре вдохновятся тою же идеей.

Обнимаю вас от души, любезнейший Федор Михайлович, и кланяюсь супруге вашей. Жена моя просит передать вам её поклон. Надеюсь, что и вы сами, и все у вас здоровы. Я прожиаю в Петергофе, Разводная улица, № 4, но езжу почти ежедневно в Петербург. Жду теперь появления книжки Рус. вестника, чтобы знать окончание разговоров братьев Карамазовых о вере. Это очень сильная глава—но зачем вы так написали детские истязания!

Ваш от души

К. Победоносцев

9 июня 1879.
Петергоф.

¹ Послание к евреям апостола Павла—один из отделов „Нового завета“. В 10-й главе говорится о страшном суде и „ярози огня“ для тех, кто, получивши познание истины“ произвольно грешит; 31-й стих: „Страшно впасть в руки бога живого!“

² В № 178 „Голоса“ от 29 июня 1879 г. в специальной передовой статье отмечено, что „подавляющим большинством голосов французская палата депутатов приняла проект закона о народном образовании, устраняющий участие в школьном деле католического духовенства... В общей сложности министерство Ваддингтона-Лепэна и, главным образом, министр народного просвещения г. Жюль Ферри, обещало блистательную победу. Спротивление, противопоставленное их проекту, имело необыкновенно грозный характер. Иезуиты, понимая грозящую им опасность, сумели соединить в рядах коалиционной оппозиции 7-й статье проекта самые разнообразные элементы французского общества, начиная с сельского населения и кончая светскими женщинами... и все это не помогло!“ Газета отмечает в заключении, что „во Франции клерикалы доживают последние дни своего могущества“. Неудивительно, что закон этот произвел на будущего насадителя епархиальных школ в России впечатление революционного акта.

Любезнейший и добрейший Федор Михайлович. Спасибо вам за доброе письмо ваше из Эмса¹. Не зная об отъезде вашем за границу, я удивился, когда нашел в Питере вашу карточку², и если бы знал ваш адрес, то уговорил бы вернуть ко мне в Петергоф, где мы на досуге побеседовали бы с вами.

Вижу, что вам скучно и тошно в Эмсе, и понимаю. Но что делать, когда лечиться надобно, и должно. А что будет от лечения, в том бог волен. Только не раздражайте себя мыслию о смерти, в том смысле, как вы пишете. Посудите вы сами, когда жизнь исполнена такой нравственной тяготы, и когда смерть висит над человеком, стоит ли болезненно вглядываться в эту мысль. А что вы пишете о детях: что с ними станется?, на это скажу вам — а почему вы знаете, что с ними станется, когда вы будете живы? Кто из нас, сколько ни заботься, может прибавить себе росту на один локоть? И от чего вы уберезете их, если бог не уберезет? Будут терпеть? Но и при вас разве нет терпения? И вы сами разве не терпели? И всякому человеку разве не положено терпеть? Предоставьте их богу, и себя не смущайте. Мир во зле лежит и полон злых людей, но есть и добрые — их бог посылает в нужную минуту. Не говорю — к чему заботиться, чего опасаться? Но говорю — смерти из-за того не стоит трепетать, что малые дети останутся. И мать у них есть, мать попечительная, а впрочем бог всем отец и все ведает, что неведомо никому. И так не п е ц ы т е с я н а у т р е е. Может, бог даст, еще и не мало проживем, и господь знает, на добро ли или на худо себе и другим. Господь весть. Впрочем мрачное настроение наше зависит часто от нездоровья и вы, бог даст, когда поправитесь, яснее будет на душе ³. Я про себя скажу, что у меня на душе нелегко: меня крепко гнетет и давит все то, что я вижу и слышу в доступном мне кругу и во всей мимотекущей жизни. Притом многое, что знаешь и чувствуешь, приходится таить в себе и не поверять людям, чтобы не нарушить в них оставшееся верование в правду людей и событий. Великое дело вера — и в делах человеческих. Мы сами иной раз не подозреваем, какую силу отнимаем у людей, легкомысленно передавая им свои впечатления и сомнения.

Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге „Карамазовых“. Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книжки Р. В. — Ваш „Великий инквизитор“ произвел на меня сильное впечатление. Мало что я читал столь сильное. Только я ждал — откуда будет отпор, возражение и разъяснение — но еще не дождался. Вы пишете, что $\frac{1}{10}$ доли не выполнили против задуманного; но эта вещь стоит того, чтобы заняться ею в целом приеме, пополнить и переделать что нужно ⁴. К сожалению полное и цельности немало вредит то, что роман и пишется и выдается частями. Если бы можно было вам же, написавши все, — все вместе обозреть и проверить, во сколько раз вы были бы довольнее. Когда художнику не удалась его статуя, или он не доволен, весь металл идет опять в горнило. Впрочем и то сказать, что всякий художник творит по-своему, и вы, если бы выжидали, может быть никогда и не решились бы выпустить свое произведение. Желаю вам тихих дней, тихого настроения, чтобы мысль зрела и округлялась в тишине. Всякий день имеет судьбу свою; и есть дни, когда колос вдруг спел и вдруг наливается.

Приятель наш Мещерский выпустил еще произведение в ответ современным вопросам „в улику времени“ ⁵. Не видал еще, что это такое, но вижу, какая поднялась руготня в журналах. Эта руготня скорее служит рекомендацией в изв. смысле, — но я не сомневаюсь, что и сюда пущена нашим приятелем какая-нибудь ложка дегтю. Кроме того, мне крепко не нравится его манера — печатать разгонисто маленькую книжку, выпускать ее с рекламой и брать дорогие деньги. Это пахнет лавочкой.

От злосчастного Пудыковича ⁶ не чаю ничего прочного. Все у него рассыпается, как дым — и не будет от него ничего, потому что он подлинно не в состоянии работать. Странное его объявление об издании Гражданина в Берлине я встретил здесь в единственной газете — в Московских епархиальных ведомостях ⁷! Мысль эта сама по себе весьма мне нравится, и на этой почве можно бы создать нечто весьма солидное — только не Пудыковичу. Увы! Он погибнет как Сэвтон, вздумавший покататься по небу в Фебовой колеснице. Жаль мне его по человечеству — и мой ему совет всегда был — бросить журнальное дело, которое не по плечу ему, и работать какую-нибудь маленькую работу.

Обнимаю вас от всей души, любезнейший Федор Михайлович! Христос с вами!

Ваш К. Победоносцев

¹ Письмо из Эмса от 9/21 августа 1879 г.

² Достоевский сообщил Победоносцеву о своем прощальном визите: „Думал хоть минуту лично повидать вас проездом в Эмс (из Старой Руссы через Петербург), был у вас (в доме Финской церкви) и не застал, а швейцар сказал мне, что вы очень часто приезжаете. Очень пожалел, потому что от вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался“ („Красный архив“ 1923, II, 244).

³ Этот отрывок письма Победоносцева вызван следующим сообщением Достоевского:

„Я здесь лежу и непрерывно думаю о том, что уже, разумеется, я скоро умру, ну через год или через два, и что же станется с тремя золотыми для меня головками после меня? Впрочем, я здесь и вообще в самом мрачном расположении духа. Узкое ущелье, положим, живописное, как ландшафт, но которое я уже посещаю 4-е лето, и в котором каждый камень ненавижу, потому что трудно себе и представить, сколько тоски вынес я здесь в эти 4 раза приезде. Нынешний же приезд самый ужасный: многотысячная толпа всякого сброду со всей Европы (русских мало, и все какие-то неизвестные из окраин России) на самом тесном пространстве (ущелье), не с кем ни одного слова сказать, и главное—все чужое, все совсем чужое—это невыносимо. И так вплоть до нашего сентября, т. е. целых 5 недель. И заметьте: буквально на половину жидов“ („Красный архив“ 1923, II, 244).

⁴ В предыдущих письмах Достоевский держал Победоносцева в курсе своих работ над „Братьями Карамазовыми“. 19 мая 1879 г. он сообщал своему корреспонденту:

„Эта книга в романе у меня кульминационная, называется „Pro и contra“, а смысл книги: богохульство и опровержение богохульства. Богохульство-то вот это закончено и отослано, а опровержение пошло лишь на Июньскую книгу. Богохульство это взял, как сам чувствовал и попиал сильнее, т. е. так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодежи, т. е. научное и философское опровержение бытия божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во все прошлое столетие и в первую половину нынешнего), зато отрицается изо всех сил создание божие, мир божий и смысл его. Вот в этом только современная цивилизация и находит ахинею. Таким образом, льщу себя надеждою, что даже и в такой отвлеченной теме не изменил реализму. Опровержение сего (не прямо, т. е. не от лица к лицу) явится в последнем слове умирающего старца. Меня многие критики укоряли, что я вообще в романах моих беру будто бы не те темы, не реальные и проч. Я, напротив, не знаю ничего реальнее именно этих вот тем...“ („Красный архив“, 1923 II, 242).

В письме от 9/21 августа 1879 г. из Эмса Достоевский писал о следующей части романа:

„Это 6-я книга романа и называется „Русский Инок“ (№ 3. Биографические сведения из жизни старца Зосимы и некоторые его поучения). Жду ругательств от критиков; сам же хоть и знаю, что $\frac{1}{10}$ доли не выполнил из того, что хотел совершить, но все же обратите на этот отрывок ваше внимание, многоуважаемый и дорогой Константин Петрович, ибо очень хотелось бы знать мнение ваше. Я писал эту книгу для немногих и считаю кульминационной точкой моей работы“ („Красный архив“ 1923, 245).

⁵ Роман В. П. Мещерского „В улику времени“. СПб., 1879 (2-е изд. в 1880 г.)

⁶ Место это вызвано следующим сообщением Достоевского в письме от 24 августа:

„В Берлине встретил Пуцдыковича. Ему нет-нет, а кто-нибудь и поможет; уверял меня богом, что через три дня выдаст обещанный № Гражданина в Берлине, и до сих пор не выдает. Думаю, что и не выдаст вовсе. Заметил одну в нем черту: это лентяй и работать не в состоянии. Я, вы знаете, до самого последнего времени брал в нем участие, но теперь он привел меня в отчаяние. И все-то он сваливает на людей“. Доктор прав В. Ф. Пуцдыкович был секретарем „Гражданина“ в 1873 г., а после ухода Достоевского с редакторского поста стал ответственным редактором журнала (см. сб. „Творчество Достоевского“, Од., 1921, стр. 81, ст. Ю. Г. Оксман, „Ф. М. Достоевский в редакции „Гражданина“). В 1879—1881 гг. Пуцдыкович издавал в Берлине журнал „Русский гражданин“, в первом выпуске которого помещено „Письмо к редактору“ Ф. М. Достоевского. В 1879 г. Достоевский принимает близкое участие в его (Пуцдыковича) судьбе и материальных делах и делает попытку примирить П-ча с Катковым и устроить его в „Московских Ведомостях“ („Письма к жене“, ред. Н. Ф. Бельчикова и В. Ф. Переверзева, М.-Л., 1926, стр. 338). Л. Ф. Пуцдыкович оставил о Достоевском несколько мемориальных статей: „О Ф. М. Достоевском (из воспоминаний о нем)“, „Новое Время“ 1902, № 9292 (перепечатано в „Литературном Вестнике“ 1902, II и в сборнике Ч.-Ветринского „Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках“. М., 1912, 159—160; изд. 2-е, М., 1923, ч. I, 152—153)—Воспоминания о Ф. М. Достоевском. „Берлинский Листок“ 1903, V—VI (перепечатано в „Новом Времени“ 1903, № 9638)—Предказание Ф. М. Достоевского о конституции и революции (из моих воспоминаний). „Берлинский Листок“ 1906, II—III. Ср.: „Новое Время“ 1904, № 10325 „О письме В. Ф. Пуцдыковича в „Берлинском листке“ о Достоевском. „Московские Ведомости“ 1910, №№ 22 и 130. Письма Достоевского к В. Ф. Пуцдыковичу см. в „Письмах“ под ред. А. С. Долинина, Л.-М., 1934, III, 47, 137 и в „Московском сборнике“ под ред. С. Шарапова, М., 1887, стр. 8—15.

Довольно многочисленные письма Пудыковича к Достоевскому хранятся в Институте русской литературы в Ленинграде.

7 В № 31 „Московских епархиальных ведомостей“ от 20 июня 1879 г. помещено следующее объявление: „Гражданин“ журнал литературный политический и т. д., возобновлен с июля 1879 г. Выходит в преобразованном и обновленном виде (книжками) вместо Пегербурга в Берлине и рассылается немедленно по выпуске каждого № во все места России. Все прежние подписчики будут удовлетворены. Редакция прежняя. Ей положительно обещано участие некоторых знаменитых первоклассных русских писателей, о чем будет опубликовано. Направление же, если в чем-либо изменится, то разве с смысле еще большей твердости и решительности против принятого. Совершающиеся ныне в нашем отечестве вопиющие события, о необходимости предотвращения коих „Гражданин“ в течение своего семилетнего существования и прямо и косвенно, почти одиноко, но громко говорил, теперь могут служить для всякого, у него есть хоть сколько-нибудь беспристрастия, явным доказательством зрелости, основательности и современности направления этого журнала...“ („Моск. еп. вед.“ 1879, № 31, стр. 258).

30

Посылаю вам, многоуважаемый Федор Михайлович, московскую статейку о брошюре Цитовича.

Завтра, в понедельник, жду вас к нам кушать, по вашему обещанию, в 5 часов.

Душевно преданный

Воскресенье
[1879]¹

К. Победоносцев

¹ Датируем 1879 годом, так как две брошюры П. Цитовича, вызвавшие внимание к нему реакционных кругов, вышли в этом году: 1) „Что делали в романе „Что делать?“ Хрестоматия „Нового Слова“, I. Одесса, 1879. 2) „Разрушение эстетики“. Хрестоматия „Нового Слова“, II. Одесса, 1879.

Обе брошюры имелись в библиотеке Достоевского. Об авторе их Достоевский писал: „Говорят, что Цитович будет издавать скоро политическую газету у нас здесь в Петербурге, ежедневную, большую. Это бы хорошо, если сумеет взяться за дело; но издавать брошюры одно дело, а газету—другое“ (письмо В. Ф. Пудыковичу, СПб., 21 января 1880 г.). П. П. Цитович—с 1872 г. профессор гражданского права в Новороссийском университете. С 1880 г. — служащий Сената и редактор официозной газеты „Берег“.

31

Только что послал к вам письмо свое¹, любезнейший Федор Михайлович, как получил из Берлина злосчастный 5 № Гражданина². Как не стыдно Пудыковичу издавать в таком виде свой первый выпуск и еще с таким преторством и угрозами. Ведь это похоже на лягушку, раздувающуюся в быка. Тут у него ничего нет, кроме каких-то бумаг из сорного ящика. И на что он рассчитывает. Если на одного себя, то расчет плохой, он не в состоянии работать. Мне это грустно потому, что фирма будет окончательно погублена, а между тем за границею можно было бы печатать многое удобнее, нежели здесь. И ежели он рассчитывает на сотрудников из России, то этим уже первый № отобьет у многих охоту. Не лучше ли было бы подождать и издать нечто более солидное. И не явный ли это признак неспособности, когда человек для начала не сумел составить ничего лучше. Жаль мне и самого Пудыковича. Лучше пусть спасает себя и бежит в горы.

А как много я хорошо можно бы писать теперь; но для этого надо снять с себя истасканный грязный плащ журнальной полемики: так все измельчало, так все опошлилось в ее приемах: похоже на мальчишек, которые, выглядывая из-за угла, ругают прохожих и бросают в них камнями.

И так стали нелепы и незрелы ходячие мнения, что кажется небольшой мудрости стоило бы разбивать их спокойно *sine ira et studio*. — Все, кто выставляет еще себя серьезными учителями в журналах, так опошлелись. Вы видели фельетон Градовского³ к студентам. Профессор не нашел лучшего наставления, как сказать студентам: вы должны быть, вы будете нашей интеллигенцией. А что такое интеллигенция — спросите-ка его самого, и их—что они пойдут гордиться. И так, чтобы вывести из одного

тумана, напускается другой. Слепец слепца ведет и оба в яму впадут. — Или напр. вчерашний фельетон философа Г. Маркова о женских курсах! ⁴

Но на всю эту работу людей нет, и конечно не соберет их бедный Пуцыкович!

А что вы пишете о жидках, то совершенно справедливо. Они все заполонили, все подточили, однако за них дух века сего. Они в корню революционно-социального движения и царевубийства, они владеют периодическою печатью, у них в руках денежный рынок, к ним попадает в денежное рабство масса народная, они управляют и началами нынешней науки, стремящейся стать вне христианства. И за всем тем—чуть поднимется вопрос об них, подымается хор голосов за евреев во имя якобы дивилизации и терпимости, т. е. равнодушия к вере. Как в Румынии и Сербии, так и у нас—никто не смеет слова сказать о том, что евреи все заполонили. Вот уже и наша печать становится еврейскою. Русская Правда, Москва, пожалуй Голос—все еврейские органы, ⁵ да еще завелись и специальные журналы: Еврей и Вестник Евреев и Библиотека Еврейская ⁶.

Обнимаю вас, любезнейший Федор Михайлович. Здравствуйте.

Ваш К. Победоносцев

19 авг. 1879

Петергоф.

¹ Письмо Победоносцева от 16 августа 1879 г.

² „Русский Гражданин“, журнал политический и литературный, № 5, 31 июля 1879 г. Год VIII. Берлин, 1879. Редактор-издатель В. Ф. Пуцыкович. Содержание:—Снова к делу.—О „Русском Гражданине“.—Письмо к редактору Ф. М. Достоевского—Россия, Германия и Франция. В. Ф. Пуцыковича.—Новые странники на Руси.—На людях и смерть красна.—О добровольном флоте.—По поводу недавних событий.—Последняя страничка.

В передовой статье журнал ополчается на те „неслыханные политические безобразия“, „которые имели место в главнейших городах России за последнее время в среде так называемой „русской интеллигенции“. Не на страницах ли нашего журнала в течение его семилетнего существования (т. е. „Гражданина“ В. П. Мещерского, 1873—1879) еженедельно твердилось, разъяснялось на все лады.. что мы после идем быстрыми шагами к революции. Не наш ли журнал и не его ли известные сотрудники, в том числе и некоторые знаменитые писатели,—в течение этого времени.. был ежедневно предметом низких глумлений“ и проч. В дальнейших статьях безобразные надругательства над казенными политическими (Соловьевым, Бильчанским, Брантнером, Осинским и антисемитские издевательства над проф. Хвольсоном по поводу его выступлений в связи с ритуальным кутаисским процессом. Номер представляет интерес лишь по связи с именем Достоевского (в передовице, как мы видели, уже упоминались „знаменитые писатели“ из сотрудников петербургского „Гражданина“); в корреспонденции сообщается: „вы спрашиваете, кажется с некоторым сомнением, какие знаменитые, первоклассные писатели обещали, как это нами было опубликовано, прислать нам свои статьи.. Имя одного из них, Ф. М. Достоевского, появившееся в этом выпуске, служит вам достоящим пока ответом“. В журнале действительно помещено „Письмо к редактору Ф. М. Достоевского“ с приветствием „возобновляющемуся Гражданину“ и обещанием при случае сотрудничать в нем (см. выше в 18 примечании к статье).

Этот берлинский выпуск „Русского Гражданина“ вызвал весьма резкую оценку в „Голосе“, отметившем, что старый „Гражданин“ Мещерского в Берлине для пущего опозорения русского имени титулуется „Русский Гражданин“, при чем „выходя в Берлине, считает себя в праве клеветать на русский народ и русское общество, не стесняясь уже никакими соображениями“ („Голос“ от 19 августа 1879 г., № 228).

О письмах Победоносцева от 16 августа 1879 г. и от 19 августа 1879 г. Достоевский писал ему из Эмса 24 августа/13 сентября 1879: „Получил здесь ваши оба письма и сердечно вам благодарен за них, особенно за первое, где вы говорите о моем душевном состоянии. Вы совершенно, глубоко справедливы и мысли ваши меня только подкрепили. Но я душою больной и мнительный. Сидя здесь, в самом полном и скорбном уединении, поневоле захандрил. Но, однако, спрошу: можно ли оставаться в наше время спокойным? Посмотрите, сами же вы указываете во 2-м письме вашем (а что такое письмо?) на все те невыносимые факты, которые совершаются; я вот занят теперь романом (а окончу его лишь в будущем году!), а между тем измучен желанием продолжать бы Дневник, ибо есть, действительно имею, что сказать—и именно как вы бы желали—без бесплодной, общекедейной полемики, а твердым небоющимся словом“ („Красный архив“, 1923, I, 245).

⁵ Термин „еврейский орган“ является в данном случае для Победоносцева синонимом „либерального“, „прогрессивного“, „левого“ издания. Ни один из указанных органов не издавался редактором-евреем и не обслуживал специальных национальных интересов. „Русская Правда, газета политическая, общественная и литературная“ издавалась и редактировалась в 1878 г. в Петербурге Дмитрием Константиновичем Гирсом; „Голос“ — А. А. Краевским.

⁶ „Вестник русских евреев“ — еженедельная газета, издававшаяся в Петербурге в 1871—1873 гг. под редакцией Е. П. Карповича, О. Нотовича и др. В момент письма Победоносцева издание это давно прекратило существование. „Еврейская библиотека“ — историко-литературные сборники под редакцией А. Е. Ландау, в которых участвовали Г. И. Богров, П. И. Вейнберг, В. Стасов, Д. Минаев, Л. Леванда, И. Оршанский и другие видные литературные силы. „Русский еврей“ — еженедельная газета, издававшаяся в Петербурге в 1879—1884 гг. под редакцией Л. Бермана, при близком участии Л. Леванды.

⁷ Градовский, Александр Дмитриевич (1841—1889) — видный профессор-государствовед и журналист, состоявший постоянным сотрудником „Голоса“ и „Русской Речи“. В следующем 1880 г. Достоевский чрезвычайно резко полемизировал с А. Д. Градовским по поводу речи о Пушкине. Победоносцев имеет в виду статью „Задача русской молодежи“ („Голос“, от 1 августа 1879 г., № 211), в которой автор предостерегает студентов от „хождения в народ“: „Вы можете принести пользу народу только оставаясь самими собою, т. е. частью русской интеллигенции, постепенно увеличивая число образованных, разумных и нравственных русских людей“ и проч. На замечания Победоносцева о „фельетоне Градовского“ Достоевский в письме от 24 августа/13 сентября 1879 г. из Эмса писал: „Я слишком понимаю, почему Градовский, приветствующий студентов как интеллигенцию, имел своими последними статьями такой огромный успех у наших еврейцев: в том-то и дело, что он вне лекарства всем современным ужасам нашей неурядицы видит в той же Европе, в одной Европе“ („Красный архив“, 1923, II, 245).

⁸ Евгений Марков. „Горе от ума. По поводу высших женских курсов“. „Голос“ 18 августа 1879 г., № 227 (окончание). Начало статьи в № 224 от 15 августа. На замечание о Маркове Достоевский отвечал: „Здесь я читаю мерзейший „Голос“. — Господи, как это глупо, как это омерзительно лениво и квятично окаменело на одной точке! Верите ли, что злость у меня иногда пережидается в решительный смех, как например при чтении статей 11-летнего мыслителя Евг. Маркова о женском вопросе. Это уж глупость до последней откровенности“ (письмо от 24 августа/13 сентября 1879 г., „Красный архив“ 1923, II, 246).

32

Любезнейший друг Федор Михайлович.

Я еще не благодарил вас за ваше милое письмо, полученное мною еще 21 мая. Не причтите это к моему равнодушию. Поистине я занят делами и заботами всякого рода. Вы собирались вскоре ехать в Москву: узнав, что праздник отложен, я поспешил телеграфировать вам о том заблаговременно, но видно моя телеграмма уже не застала вас в Старой Руссе¹. Затем, на конце московских праздников я сам проехал к Троицыну дню через Москву в Лавру, был потом в Ярославле и в Москве: потом, вернувшись, ездил еще раз в Кострому; в начале июля переехал в Ораниенбаум, откуда езжу несколько раз в неделю на целые дни в Питер, а сюда мне привозят охапками дела ежедневно. Теперь сильно опасаясь, что письмо не застанет вас в Старой Руссе, ибо припоминаю, что вы собирались ехать еще в Эмс. Итак, пишу вам на всякий случай, и буде получу ответ из Старой Руссы, то напишу пространнее.

А если вы в Старой Руссе, то прибегаю к дружбе вашей за следующим делом.

Недавно слушалась в Синоде просьба некоего священника Алексея Степановича Надеждина² о сложении с него духовного сана. Все об нем свидетельствует, что он хороший человек и священник, но болезнь вынуждает его оставить свой сан, хотя он не знает, чем будет жить. Просьба его удовлетворена, но мне было желательно лично видеть его, посмотреть, что он за человек и из-за чего снимает священство. Я послал искать его и оказалось, что он в Старой Руссе на углу Пятницкой и Георгиевской улицы, в доме свящ. Румянцева³. Итак, если вы в Старой Руссе и имеете досуг и силы, не найдете ли времячку посмотреть этого человека и уведомить меня о вашем впечатлении.

Порадовался я душевно, что вы исполнили свое желание, о котором писали мне, и исполнили с таким успехом, отодвинуть назад безумную волну, которая готовилась

захлестнуть памятник Пушкина. Радуюсь за вас, и особенно за правое дело, которое вы выручили⁴.

Оканчиваю покуда, обнимаю вас от души и жду весточки от вас.

Душевно преданный

К. Победоносцев

Петербург.
22 июля 1880

¹ 22 мая 1880 г. умерла императрица Мария Александровна, жена Александра II. Как-раз в этот день Достоевский выехал из Старой Руссы в Москву на пушкинские празднества и только после Новгорода узнал от пассажиров о событии. На другой день в Твери прочел в газетах, что „государь велел отложить открытие памятника“. Но смерть императрицы прошла наредкость незамеченной для русского общества и даже для самого правительства. П. А. Валуев отметил в своем дневнике под 22 мая: „до сего дня едва ли какая-либо венценосная жена умерла так бесшумно, так бессознательно и случайно, так одиноко“ (П. А. Валуев. „Дневник“. П., 1919, стр. 97—99). 26 мая тело было перевезено в Петропавловский собор, а 28 состоялось погребение. Но уже 26 мая стало известно, что открытие памятника назначено на 4 июня; состоялось же оно 6 июня; 7-го и 8-го происходили торжественные заседания Общества любителей российской словесности: на втором из них произнес свою речь Достоевский.

² Фамилия написана не вполне разборчиво и с пропуском одной буквы. Устанавливаем по письму от 2 августа 1880 г.

³ Священник Иоани Румянцев, настоятель Старо-Русской Георгиевской церкви, был другом Достоевских. На даче Румянцева семья писателя жила летом 1872 г.

⁴ В письме от 19 мая 1880 г. из Старой Руссы Достоевский писал, что в Москве на пушкинских торжествах „некая клика“ опасалась „ретроградных слов“, которые могли бы быть иными сказаны“... В противовес этой „кличке“ Достоевский решил говорить „в самом крайнем духе“ своих и Победоносцева убеждений.

33

Сердечно благодарю вас, любезнейший Федор Михайлович, за скорый ваш ответ на письмо мое, сомнительно искавшее вас в Старой Руссе. Особенно же, за скорое исполнение моей просьбы и за снимок с физиономии свящ. Надеждина¹. После того сам он, проведая от кого-то, что я иду его видеть, сам сюда приехал, был у меня и успокоился, узнав, что я разыскивал его из участия к нему же и из желанья сохранить его, буде возможно, для церковного служения. Однако, вижу, что он непреклонен в своем решении, конечно, по причинам весьма уважительным. А когда он отдохнет, сняв рясу, подумаем, куда можно будет с пользой употребить его.

О каком вижу великое стадо пастырей, не имущих пастыря, лежащих в притворе и ждущих движения воды и явления ангела. Сколько сбитых с пути и на этом поприще, на котором, казалось бы, нравственная задача жизни и деятельности намечена проще и явственнее, чем где-либо, а поле для нее очерчено определительнее. Теперь ежедневно, со всех концов России стекаются ко мне интимные письма духовных и светских лиц, с воплями и с указаниями, что, по их мнению, нужно. И верите ли, — всякое-то почти письмо есть патологическое явление, указывающее на такую путаницу в понятиях, на такой разлад между сердцем и мыслью, на такое раздвоение центральной идеи! И сейчас лежит передо мною послание одного харьковского сельского священника, показывающее человека с горячим сердцем и скорбною мыслью, все наполненное однако фразами, которые сами облачают свой источник (чтение журналов и газет) и противоречиями запутавшейся мысли. В конце концов он умоляет созвать всероссийский земский собор, воображая, что из этого нового смешения языков может возникнуть потерянная истина. Чего еще искать ее, когда она всем нам—и ему тоже, давным давно дана и открыта!

А что бы ему вместо всей этой радеи написать мне, что он сам на своем поле хотел и старался делать, что успел, в чем обманулся и как обо всем этом судит! —

Куда как много говорят (больше с чужого голоса), куда как много напускают на себя,—и куда как мало делают все! В этом-то и состоит сугубая ложь, нас развещающая.

Лучшие наши чувства—любовь и негодование—способны превратиться в ложь в лучших из нас, и подобно демону, превращающему свой вид в ангела света, заводят нас дальше и дальше, на кривые пути. Так засыхает и истощается в нас основное чувство природы — радость, без которой невозможно возвышение духа истинное, невозможна и истинная деятельность. Место ее занимает—желчное раздражение.

Но довольно об этом. Как я радуюсь полученному от вас известию о скором выпуске Дневника². В добрый час и благослови вас боже! Лишь бы ваша мысль стояла в вас самих ясно и твердо, в вере, а не в колебании,—тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах—еже есть журналы и газеты наши. Пусть их блядословят сколько угодно: ваша речь найдет себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок.

Сейчас только получил 7-ю книжку Р. вест. с продолжением Карамазовых³. Перед тем читал последнюю часть вашу, помнится в апрельской книжке, дорогою, едуци из Москвы в Ярославль (история с детьми)⁴. Она удовлетворила меня вполне, без всякого расщепления: очень, очень хорошо. В первую же минуту досуга возьмусь за следующую⁵. Все ваше я непременно читаю, любезнейший Федор Михайлович.

В эту минуту Влад. Соловьев⁶ недалеко отсюда, в Петергофе, куда приехал на несколько дней из пустыньки с гр. Толстою⁷ и с Ю. Ф. Абазой⁸. Сегодня, кажется, они уезжают обратно.

Радуюсь, что вам понравилась речь моя⁹. Я сердечно любил покойную императрицу и хотел сказать слово об ней не на журнальных столбцах, которые опротивели мне ложью, а на чистом месте, простым душам, способным любить и верить. Для этого главным образом и поехал я в Ярославль, к девицам, выходявшим из училища.

Обнимаю вас от души. Сам я подлинно в котле киплю с утра до ночи.

Супруге вашей мой душевный поклон, и моя жена вам усердно кланяется.

Душевно преданный

2 августа 1880
Ораниенбаум

К. Победоносцев

¹ Достоевский старательно выполнил поручение Победоносцева в его письме от 22 июня и дал в своем ответе от 25 июля 1880 г. выразительный портрет священника Алексея Надеждина; сам он впрочем считал свою характеристику торопливым наброском: „посылаю вам скороспелую, не ретушеванную фотографию“ („Красный архив“ 1923, II, 250). Но Победоносцев вполне оценил полученный очерк.

² „Дневник писателя“. Единственный выпуск за 1880 год (речь о Пушкине).

³ В „Русском Вестнике“ 1880 г., июль, помещена одиннадцатая книга части четвертой „Брат Иван Федорович“, гл. I—V.

⁴ В апрельском номере была напечатана вся десятая книга части четвертой „Мальчики“. Затем следовал двухмесячный перерыв в печатании романа.

⁵ Следующая часть „Братьев Карамазовых“ — часть IV, кн. XI „Брат Иван Федорович“ начался печатанием (первые пять глав) в „Русском Вестнике“ 1880 г., июль.

⁶ К 70-м годам относится дружба Достоевского с философом Владимиром Соловьевым, общий облик которого по преданию отразился на образе Алеши Карамазова. Следует думать, что влияние Соловьева сказалось на философских страницах „Братьев Карамазовых“ параллельно влиянию Победоносцева в государственно-публицистических высказываниях романа. Летом 1878 г. перед работой над своим последним произведением Достоевский ездил в сопровождении Вл. Соловьева в Оптину Пустынь (см. об этом „Воспоминания“ А. Г. Достоевской, 232—233). В 1917 г. нам пришлось слышать от А. Г. Достоевской, что „когда Вл. Соловьев в 1878 г. читал в Соляном городке лекции о богочеловечестве, Федор Михайлович не пропускал ни одной из этих лекций“.

⁷ Графиня С. А. Толстая, вдова поэта, продолжая традиции мужа, собирала у себя выдающихся представителей литературы и умных дам, способных оценить их по достоинству. Тут бывали Е. А. Нарышкина, княгиня М. А. Барятинская, княгиня В. С. Ливен, Е. В. Сабурова, графиня Паен, словом — весь тогдашний умственный цвет петербургских салонов. В то время в Петербурге выделался кружок не совсем добрых, но зато очень начитанных, почти умных женщин, немного кокетничавших своим умственным превосходством, сделавшихся чем-то вроде женского Олимпа. В поклонниках у этого Олимпа недостатка не было, хотя поклонялись ему на чисто интеллектуальной почве. В салоне С. А. Толстой бывали Гончаров, Достоевский, Тургенев, Вл. Соловьев, Соллогуб. „Вечера графини немного походили на священнодействие. Литературные кумиры

принимали благовоный дым кадильниц и, как подобает куриру, сами говаривали очень мало... Гончаров был поразительно молчалив, а Достоевский мог просидеть целый вечер в такой мертвой неподвижности, что положительно напоминал курильщика опиума с крайнего востока" (К. Головин. „Мои воспоминания“, т. I, 321—322).

Известный исследователь русского романа, в то время секретарь французского посольства в Петербурге виконт Мельхиор де Вогиюэ неоднократно встречался с Достоевским в салоне С. А. Толстой, который напоминал парижскому дипломату гостинье Сен-Жерменского предместья. Он отмечает в своем дневнике 1880 г. „спор с Достоевским“. „Любопытный образчик русского одержимого,—записывает он,—считающего себя более глубоким, чем вся Европа, потому что он более смутен. Смесь „медведя“ и „ежа“. Самообольщение, позволяющее предвидеть, до каких пределов дойдет славянская мысль в ее ближайшем большом движении. „Мы обладаем гением всех народов и сверх того русским гением,—утверждает Достоевский,— вот почему мы можем понять вас, а вы не в состоянии нас постигнуть“... (Е. М. De Vogüé. „Journal“. Paris—Saint-Petersbourg, 1877—1883. P., 1932, стр. 164). Дочь писателя свидетельствует, что „в аристократическом салоне графини С. А. Толстой, в котором собирался цвет столичного общества и который удостаивали своим посещением августейшие особы, Достоевский горячо развивал свою излюбленную теорию о „всечеловечности“ Пушкина и мировой роли России“. Здесь Достоевский читал также главы из „Братьев Карамазовых“. В архиве Достоевского сохранилась пригласительная записка от С. А. Толстой 1878 г.

⁸ Абаза, Юлия Федоровна, жена начальника Главного управления по делам печати Николая Саввича Абаза (1837—1901); именно он был цензором последнего выпуска „Дневника писателя“ и ему было поручено сообщить 30 января 1881 г. А. Г. Достоевской о назначенной ей пенсии в 2000 руб. Жена его принадлежала к кругу С. А. Толстой, с которым в эти годы сблизился Достоевский: „У гр. С. А. Толстой Федор Михайлович встречался со многими дамами из великосветского общества: с гр. А. А. Толстой (родственницей гр. Л. Толстого), с Е. А. Нарышкиной, гр. А. Е. Комаровской, с Ю. Ф. Абаза, с княг. Волконской, Е. Ф. Ваняльской, певицей Лавровской (кн. Цертелевой) и др. Все эти дамы относились чрезвычайно дружелюбно к Федору Михайловичу; некоторые из них были искренними поклонниками его таланта, и Федор Михайлович, так часто раздражаемый в мужском обществе литературными и политическими спорами, очень ценил всегда сдержанную и деликатную женскую беседу“ (А. Г. Достоевская. „Воспоминания“, 276). В архиве Достоевского сохранился ряд пригласительных записок к нему Ю. Ф. Абаза на вечера, детские праздники, концерты (с участием Рубинштейна) и пр.

⁹ В письме от 25 июля 1880 г. Достоевский писал Победоносцеву: „За вашу драгоценную деятельностью слежу по газетам. Великолепную речь вашу воспитанницам читал в „Моск. Ведомостях“ („Красный Архив“ 1923, II, 250).

34

Спасибо вам, любезнейший друг Федор Михайлович, за вышедший сегодня № Дневника¹. Я тотчас же прочел его весь, едуци обратно из П-бурга. Тут есть страницы из лучших, писанных вами. Спасибо вам за то, что сказали русскую правду. Сказанное вами без сомнения произведет впечатление на многих. Г. Градовский² будет пожалуй отписываться,—его и подобных ему обезьян не урезонишь, ибо они потеряли уже ключ к народной душе: как внушить любовь семейную сыну, который спрашивает отца: докажи мне, почему я обязан любить тебя?

Желаю этому листку самого обширного распространения; а Дневник вам непременно надобно издавать в следующем году: к этому вы нравственно обязаны³.

Взгляните на статью Леонтьева по поводу вашей речи в 169 № Варшавского Дневника⁴. Если у вас нет, я пришлю вам этот №.

Думал, не здесь ли вы сами по случаю выпуска этого листка; послал спросить, но на квартире сказали, что вы будете назад лишь в сентябре.

Обнимаю вас от души—Христос с вами.

Ваш К. Победоносцев

12 авг. 1880

Ораниенбаум

¹ „Дневник писателя“. Единственный выпуск за 1880 г. Август. В выпуске была напечатана речь о Пушкине, вступительное объявление к ней и полемика с А. Д. Градовским. Выпуск в том же году вышел вторым изданием. Об этом выпуске Достоевский летом 1880 г. сообщил Победоносцеву.

„Кроме „Карамазовых“ издаю на днях в Петербурге один № Дневника Писателя — единственный № на этот год. В нем — моя речь в Москве, предисловие к ней, уже в Старой Руссе написанное, и наконец ответ критикам, главное Градовскому. Но это не ответ критикам, а мое profession de foi на все будущее. Здесь уже высказываюсь окончательно и непоколебимо, вещи называю своими именами. Думаю, что на меня поднимут все камни. Не разъясняю вам далее, выйдет в самом начале августа, 5-го числа или даже раньше, но просил бы вас очень, глубокоуважаемый друг, не побрезгать прочесть этот „Дневник“ и сказать мне ваше мнение. То что написано там — для меня роковое. С будущего года намереваюсь „Дневник Писателя“ возобновить и теперь являюсь тем, каким хочу быть в возобновляемом „Дневнике“.

² Градовский, Александр Дмитриевич — см. примечание 3-е к письму 31-му.

³ На первой странице выпуска имелась сноска: „Издание „Дневника писателя“ надеюсь возобновить в будущем 1881 году, если позволит мое здоровье“. Достоевский действительно приступил к изданию „Дневника писателя“ в 1881 г., но смерть оборвала его на первом выпуске, вышедшем в свет в день похорон Достоевского (вскоре вышло второе издание в траурной рамке). „Вчера он должен был выпустить 1 номер своего „Дневника“ и совсем приготовил, и вчера же в день его выноса, появился этот номер, — писал 1 февраля 1881 г. Победоносцев наследнику. — В нем есть прекрасные страницы с самого начала“.

⁴ Статья Константина Леонтьева „О всемирной любви. По поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике“ представляла собою один из интереснейших отзвуков на знаменитую речь о Пушкине. Статья Леонтьева была напечатана в „Варшавском Дневнике“, №№ 162, 169, 173 (29 июля, 7 и 12 августа). Во многом К. Н. Леонтьев отнесся критически к выступлению Достоевского, решившись заявить в атмосфере общего восторга, что „в этой речи значительная часть мыслей не особенно нова и не принадлежит исключительно г. Достоевскому. О русском „смирении, терпении, любви“ говорили многие. Все это не ново: ново же было в речи г. Ф. Достоевского приложение этого полу-христианского, полу-утилитарного, всепримирительного стремления к многообразному и демонически-пышному гению Пушкина“. Тут же Леонтьев замечает: „Но, признаюсь, я многого очень многого в этой идее постичь не могу... Это всеобщее примирение, даже и в теории, со многим само по себе так непримиримо... Во-первых, я постичь не могу, за что можно любить современного европейца... Во-вторых, любить и любить — разница... Как любить? Есть любовь — милосердие, и есть любовь восхищение; есть любовь моральная, и любовь эстетическая“. Победоносцев указал Достоевскому на вторую статью Леонтьева в „Варшавском Дневнике“ от 7 августа (№ 169). „Благодарю за присылку Варшавского Дневника“, — отвечал Достоевский в письме от 16 августа 1880 г. — Леонтьев в конце концов немного еретик — заметили вы это?.. Впрочем... в его суждениях много любопытного“ („Красный архив“ 1923, II, 251). Незадолго перед тем Леонтьев опубликовал статью на близкую Достоевскому тему — „об обращении Царьграда в центр великорусской жизни“, где со свойственным ему своеобразием трактовал основную тему славянофильской публицистики.

35

Любезнейший Федор Михайлович.

Вы заходили ко мне вчера — очень жалею, что не видел вас. Поутру весьма трудно меня видеть. Но прошу вас вспомните прежний завет наш о субботе, с 9 часов вечера: тут я почти всегда дома.

30 окт. 1880.

Душевно преданный
К. Победоносцев

36

Любезнейший Федор Михайлович. Пожалел очень увидев сегодня утром вчерашнюю вашу карточку — тем более, что сам недавно ждал вас в субботу. Случай вышел особенный. Вчера я страшно устал, нехорошо себе почувствовал и лег спать в 8 часу вечера: жена распорядилась сказать, чтобы никого не принимали; и вам сказали, что меня нет. На-днях надеюсь увидеться.

2 ноября 1880

Душевно преданный
К. Победоносцев

Благодарю от всей души, любезнейший Федор Михайлович, за приятный подарок. Теперь, когда Карамазовы вышли отдельной книгой¹, я бы посоветовал вам представить ее цесаревичу: я знаю, что он ожидал выхода целой книги, чтобы начать чтение, ибо не любит читать по кусочкам. Когда-нибудь в один из приемных дней (вторник, четверг, суббота) пройдите прямо в Аничков дворец к 12-ти часам, взойдите наверх и скажите, чтоб доложили об вас. Я уверен, что цесаревич очень охотно вас примет, а вслед затем доложите и у цесаревны.

Завтра вечером у вас труд не малый. Дай бог вам здоровья.

Душевно преданный
К. Победоносцев.

9 декабря 1880

¹ „Братья Карамазовы“ были закончены в ноябре 1880 г. 8 ноября Достоевский послал в редакцию „Русского Вестника“ последнюю часть рукописи — „Эпилог“ (см. Соч. Достоевского. ГИЗ, X, 440). Очевидно одновременно с работой над окончанием романа шла подготовка его отдельного издания, которое вышло в свет в самом начале декабря (с пометой 1881 года). Появление последней части в журнале („Русский Вестник“ 1880 г., ноябрь) почти совпало с выходом отдельного издания: „Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом“ в двух томах.

Не смущайтесь, любезнейший Федор Михайлович,— спокойно ждите переплета. Можно пойти и на следующей неделе. Предупредите меня накануне, а я предупрежу Вел. князя, что вы будете¹.

Душевно преданный
К. Победоносцев

9 дек. [1880 г.]

¹ Очевидно ответ на сообщение Достоевского о его желании поднести наследнику экземпляр „Карамазовых“ в переплете. Через несколько дней—15 декабря—Достоевский сообщил Победоносцеву о том, что он готов к представлению. (См. след. записку.)

Почтеннейший Федор Михайлович. Я предупредил письменно Великого Князя, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков Дворец чтобы представиться Ему и Цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтобы об вас доложили, и что Цесаревич предупрежден мною. А затем, когда выйдете от него, извольте спросить камердинера Цесаревны, чтобы Ей доложили об вас. Дело это просто делается¹.

Душевно преданный
К. Победоносцев.

15 дек. [1880]

¹ О приеме Достоевского в Аничковом дворце 16 декабря 1880 г. см. выше стр. 92.

Любезнейший Федор Михайлович.

Посылаю вам обещанные 2 книги¹—с закладками на тех страницах, на кои обращаю ваше внимание.

Одну книгу—2-й том о семейных правах,² прошу мне возвратить, ибо все издание разошлось, и экземпляров у меня не осталось.

Другую—3-ю часть о договорах³ прошу оставить у себя и принять от меня на память.

Душевно преданный
К. Победоносцев

15 дек. 1880

¹ Известное исследование К. П. Победоносцева „Курс гражданского права“ (1-е издание в 1868—1879 гг., 2-е в 1873—1875 гг.).

Вот как характеризует это исследование один из апологетов Победоносцева: „Теоретическая сторона курса не встретила похвал и одобрений от представителей нашей юридической науки, но практический характер книги сделал ее одним из трех устоев, которыми держится наша цивилистика: это 10-й том свода законов, „История русского законодательства“ Неволлина и „Курс“ К. П. Победоносцева. Отдельные части его весьма неравны достоинством; но трудно решить, можно ли ставить в вину автору, а не состоянию законодательства слабые стороны книги.. теоретическая сторона книги не то, что слаба, а скорее не нужна в ней. Курс К. П. Победоносцева помимо 10-го тома—архивный межевой план...“ и проч. (Б. В. Никольский. „Литературная деятельность К. П. Победоносцева“. П., 1896, стр. 17).

² „Курс гражданского права. Сочинение К. Победоносцева, почетного члена университетов московского и с.-петербургского. Вторая часть.—Права семейственные, наследственные и завещательные. П., 1871“. Возможно, что Достоевскому понадобился этот том в связи с процессом о наследстве, оставшемся после его тетки А. Ф. Куманиной, закончившемся уже после смерти писателя.

³ То же. Третья часть. Договоры и обязательства.

II. ПИСЬМА Т. И. ФИЛИППОВА¹

1. ПИСЬМО Т. И. ФИЛИППОВА К А. Н. МАЙКОВУ

Голубчик Аполлон Николаевич!

Минуты не нашел я, чтобы тебе ответить; да и теперь ответ будет очень неполный, по недостаточной ясности вопроса. Не увидимся ли сегодня у Корнилова?² Там поговорим. Дело может идти о Прокофье Лубкине (времен Анны Ив.), о Даниле, кажется Тимофееве и Кондратии Селиванове³. Я во всяком случае к услугам Федора Михайловича, который и подозреть не может, до какой меры доходит мое уважение к его „Преступлению и наказанию“ и вообще к живущему в нем духу. Он один из нынешних романистов имеет право на название глубокого писателя. О! если бы ему было больше досугу для окончательной художественной отделки. Что бы могло выйти из Ставрогина.

20 нояб. 1871

Твой Т. Филиппов

На верхнем поле 1-й страницы письма приписка Майкова: „Сейчас получил от Филиппова это письмо и препровождаю к вам. Ответ разнится с Кельсиевым⁴ (2 нрзб.) б о л ь ш ы х [?] г о л у б е й.

У Корнилова же сегодня я не буду.

P. S. Извините, что я к вам не еду. Истинно говорю, на этот раз совершенно недосужно.

А. М.

¹ Из приведенного выше письма Т. И. Филиппова к А. Н. Майкову видно, что вскоре после своего приезда из-за границы, в ноябре 1871 г., Достоевский через своего друга Аполлона Майкова обращается за консультацией и справкой к этому знатоку церковной истории. Т. И. Филиппов был видный служащий Контроля и Синода (чиновник особых поручений по вопросам восточных православных церквей), ставший впоследствии товарищем государственного контролера (с 1878 г.), а затем и государственным контролером (с 1889 г.). В свое время он был одним из виднейших участников кружка молодого „Москвитянина“, сильно влияя на Аполлона Григорьева, Островского, Погодина и Писемского своим учением о возвращении России к допетровскому строю и быту, „ко дням Котошихина“ с патриаршеством и соборами. Теория эта произвела сильное впечатление на Достоевского в эпоху „почвенничества“ (вероятно через посредство Аполлона Григорьева) и навсегда сохранила над ним свое влияние. Впоследствии Т. И. Филиппов основал „Русскую Беседу“, в которой принимали участие Хомяков, Киреевский, Аксаков и Самарин.

Т. И. Филиппов был одним из видных членов редакции „Гражданина“, т. е. довольно сплоченной группы публицистов, работавших совместно, взаимно влияя друг на друга и фактически сотрудничая в разрешении важнейших вопросов. Сохранившиеся письма

главных сотрудников журнала дают представление об этом своеобразном коллективе реакционных мыслителей, сообща разрабатывающих программу и состав своего полуправительственного органа. В частности Т. И. Филиппов живо интересуется всеми вуждами журнала, сам принимает меры к организации его успеха, подбирает сотрудников, одобряет руководителей и даже в ряде вопросов выступает как авторитетнейший эксперт, редактор и отчасти цензор.

² Корнилов, Иван Петрович (1811—1901)—видный государственный чиновник по ведомству просвещения.

Достоевский в последние годы часто общался с И. П. Корниловым „у которого,—по свидетельству А. Г. Достоевской,—встречал много ученых лиц, занимавших высокое официальное положение“. Корнилов был членом совета Министерства народного просвещения; он пользовался известностью как собиратель старорусских и славянских рукописей и книг. Состоя в 60-х годах попечителем Виленского учебного округа, Корнилов оказал сильнейшее содействие памфлетисту-антисемиту Я. А. Брафману, напечатанному в то время в „Виленском Вестнике“ статью „Взгляды еврея, принявшего православие, на реформу в быте еврейского народа в России“. Под влиянием Корнилова тогдашний товарищ министра народного просвещения И. Д. Деянов признал Брафмана особенно полезным правительству в делах о евреях. Он был назначен преподавателем Минской духовной семинарии, избран в действительные члены Императорского географического общества, назначен цензором еврейских и польских книг при Главном управлении по делам печати. Эта блестящая карьера объясняется сильнейшей аргументацией, сообщавшейся всему антисемитскому движению в России искусными измышлениями Брафмана о том, что евреи составляют якобы государство в государстве, угрожая этим общим законам и порядку империи. Написанная Брафманом в целях разоблачения „таумудической республики“ „Книга Кагала“ (она имелась в библиотеке Достоевского) представляла собою сборник постановлений минского кагала XVIII в. в крайне извращенном виде и ложном освещении. На напечатание этого кодекса антисемитизма И. П. Корнилов и выдал Брафману от управления Виленского учебного округа 2500 рублей. Для характеристики воззрений Корнилова примечательно, что впоследствии им был издан особый памятный сборник в честь М. Н. Муравьева-Виленского.

³ Селиванов, Кондратий — основатель скопческой секты во 2-й половине XVIII в., крестьянин Орловской губернии, признанный его последователями „богом над богами, царем над царями, пророком над пророками“. Два других имени (Лубкин и Тимофеев) относятся вероятно также к истории раскола.

⁴ Кельсиев, Василий Иванович (1835—1872)—писатель-эмигрант, издававший при „Колоколе“ Герцена „Общее вече“, посвященное расколу как политическому явлению. В 1867 г. вернулся в Россию, отказавшись от революционной деятельности и посвятив себя литературной работе. По мнению А. С. Долиннина, Кельсиев мог послужить Достоевскому прототипом для образа Шатова в „Бесах“.

2. ПИСЬМА Т. И. ФИЛИППОВА К Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

1

• Многоуважаемый Федор Михайлович!

К понедельнику нельзя успеть с отчетом о заседании 28 марта, а нужно бы (и непременно нужно) заявить о следующем:

1) Заседание 28 марта обещало быть самым занимательным из всех трех, посвященных обсуждению вопроса о нуждах единоверия: ибо на этом заседании должны были наконец встретиться лицом к лицу разногласные воззрения Нильского¹ и Филиппова.

2) О том, как желал Ф-в такой встречи, свидетельствует то, что Н-ий не был членом Об-ва, когда Ф-в приготовил для чтения свое рассуждение; но Ф-в, зная, что он идет против многих мнений Н-го, упрямил Совет пригласить Н-го в заседание гостем, дабы выслушать по избранному Ф-м предмету возражение самого лучшего знатока дела. Этим объясняется и присутствие Н-го в предыдущем заседании.

3) Это явно показывает, что у Ф-ва на душе было разъяснение вопроса, столь необходимое ради совестей многих миллионов душ русского народа. А это разъяснение требовало близкой встречи противников, грудь с грудью, ибо в печати легче говорить абсурды, в надежде, что не скоро разберутся, кто прав, кто виноват.

4) Прений этих с нетерпением ожидали и члены Об-ва, и вдруг Н-ий не приезжает. Причины никто не знает. О. Янышев² говорил, что он слышал о болезни Н-го и о том, что он три дня не был в академии. Вот и все известия, которые мы успели собрать о причине отсутствия г. Н-го.

5) Конечно, причину эту мы узнаем. Но дела уже не воротить: ученой встречи Н-го с Ф-ым, лицом к лицу, в присутствии живых свидетелей спора, уже не будет. И за тем вопросу помогут еще более затемниться.

6) Жаль за О-во, которому предстояло оказать услугу делу. Конечно, и обнаружение того, что было произнесено участниками беседы в трех заседаниях Об-ва, будет иметь немаловажное значение; но печатные объяснения получили бы высшую цену и иной смысл, если бы в них изобразилась личная встреча противников.

7) Вместо Н-го не возражал, а говорил г. Чельцов³, который ходил вокруг да около, мялся и заикался, вопреки своему обычаю. Но с него нельзя и взыскать: так как он в этом деле человек совершенно чужой и, как оказалось, совершенно несведущий.

Вот что, если вы успеете связать, хорошо было бы приготовить к понеделнику⁴, а к 9-му апреля мы подумаем, что сказать.

Ваш Т. Филиппов

30 марта [1873]

NB Если можно пришлите корректуру.

¹ И. Ф. Нильский—профессор Петербургской духовной академии по кафедре русского раскола.

² О. Янышев—ректор Петербургской духовной академии, знакомый Достоевскому с 1865 г., когда последний проигрался в Висбадене и обратился за денежной помощью к священнику висбаденской православной церкви И. Л. Янышеву; два письма Достоевского к Янышеву по поводу уплаты долга см. в „Письмах“ под ред. А. С. Долиннива, III, 424, 434; сведения о Янышеве там же, 581. Достоевский был очень высокого мнения о Янышеве и дал о нем восторженный отзыв в письме к А. Н. Майкову от 18 февраля—1 марта 1868 г., называя его „Висбаденским священником“. И. Л. Янышев произнес на погребении Достоевского 1 февраля 1881 г. проповедь, напечатанную в его сборнике „Слова и речи“, II, 1896, стр. 263—265.

³ Чельцов—профессор церковной истории в Петербургской духовной академии, редактор журнала „Христианское чтение“.

⁴ Следуя этим указаниям Т. И. Филиппова, Достоевский написал статью „Заседание общества любителей духовного просвещения 28 марта“, которая появилась в № 14 „Гражданина“ от 2 апреля 1878 г. за подписью: Ф. Д. Статья перепечатана нами в „Забытых и неизвестных страницах Достоевского“. Собр. соч. (изд. „Просвещение“), 1918, XXII, стр. 216—223. Ср.: Достоевский, Соч., ГИЗ, XIII, 434.

2

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Однажды навсегда прошу вас утром, после 11-ти часов, никогда ко мне не приезжать: ибо тут начинается моя служба. Раньше вы приехать не можете, ибо сами встаете поздно. Остается обеденное время, в которое мы с женою всегда рады будем вас у себя видеть (жену мою врасплох, насчет куска, застать трудно), и затем вечера, насчет которых требуется всякий раз входить в переговоры. Ответ Нильскому я набросал и послал в редакцию; если вы там сегодня были, то он уже у вас. Если же не у вас, то завтра вы там его найдете, и если расположены завтра вечером быть у Мещерского то не пожалуете ли к нам кушать, к 5-ти часам? Жена вам будет очень рада. После обеда мы напишем вместе оба внушения: я ужасно люблю такого рода вещи вдвоем писать. Как-то дружнее дело идет; притом же друг дружку всегда можно остеречь как от излишка, так и от вялости тона. И то и другое не годится: medio tutissimus ibis. Жду вас.

Преданный вам от души Т. Филиппов

24 апр. [1873]

3

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Статью¹ я przygotowую к утру Пятницы; была бы и раньше да „Гражданина“ мне достали только в Среду утром, так что мне невозможно было приняться за продолжение, не повторив в уме всего, что написано в предыдущем номере. Прикажете, кому следует, чтобы впредь сего не было.

М. П. Погодин² пишет после разговора с моей женой. „Его (Гр-на) надо поддержать. Соберитесь все, господа, кто принимает к сердцу, т. е. кому противны нынешние оргия.

Я написал было в редакцию прежнюю отречение от участия, выведенный из терпения их неисправностью. Но теперь возьму свое слово назад и рад, попрежнему, работать, лишь бы дело шло хорошо. Скажите это Достоевскому. Каково его здоровье? Работы его мало видно“.

Вот Вам и еще сотрудник! Напишите к нему через несколько дней, когда поправитесь. Еще надобно клич кликнуть. Поеду я в Москву, еще кого-нибудь добуду. Может быть и средства явятся на 1874 г. Надобно только перенести время испытания, которое всем, того за с л у ж и в а ю щ и м, посылается в жизни. Сиющие слезами радостно пожнут. — Необходимы временные жертвы, и трудом, и самолюбием, и разными счетами: дабы нам не явиться недостойными знамени, под которое мы стали.

Душевно преданный Т. Филиппов

6 июня 1873 г.

Р. S. Я сегодня же пишу к Погодину и благодарю его за вас.

¹ Большая статья Т. И. Филиппова „Петербургское общество любителей духовного просвещения“ печаталась без подписи в семи номерах „Гражданина“ с 21 мая по 2 июля 1873 г. (№№ 21—27).

² Погодин, Михаил Петрович (1800—1875)—известный историк, публицист охранительного толка. Сотрудничал в „Гражданине“. Достоевский с большим сочувствием назвал его имя в первой же главе своего „Дневника писателя“.

4

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Я уехал из Лыскова гораздо ранее предполагаемого срока, по случаю болезненных припадков, которым подвергалась там жена почти ежедневно, и ныне живу (с 14 июля) на Девичьем Поле¹ у М. П. Погодина. Из Нижегородской губернии написать вам ничего не мог, ибо был всецело занят здоровьем жены и заботами о скорейшем выезде из тлетворного Лыскова. В самый день отъезда оттуда получил письмо от Киреева следующего содержания (чтый да разумеет!): „Пишу к вам под к р а й н е тяжелым впечатлением, по поводу дел, quorum pars magna fui (sti), конечно, совершенно невольно. Ваша речь „о нуждах православия (единоверия)“ была искрой, которая произвела пожар в нашем юном обществе; пожар, который, того и гляди, его уничтожит“. „Дело вот в чем: в „Гр-не“ появились статьи, опровергающие в журнале гласно, „вне, избы“ в самом беспощадном и—sit venia verbo—непарламентарном и не объективном духе доводы ваших оппонентов в среде Об-ва „в избе“. Некоторые члены нашего Об-ва (академия и лица, с нею связанные) затрудняются вести полемику: так как она не ограничивается уже исключительно вопросом „о нуждах единоверия“, а распространяется и на такие, отчасти субъективные, общие вопросы, как напр. на потерю традиций православия нашими академиями, на низкопоклонничество нашего ученого сословия и т. д.“.

„И вы и Дост-ский, состоя членами Об-ва, конечно не обязаны скрывать того, что говорится в Об-ве; но статьи „Гр-на“ доказывают очень осязательно, что наше бедное Об-во—царство, разделившееся само на себя, и что оно будет недолговечно“.

„Статьи“ „Гр-на“ не подписаны; но так как Д-ский член Об-ва, то очевидно, что за неумолимую резкость высказываемых в них суждений о разных лицах (наших же сочленах) нравственную ответственность несет Дост-ий. Отвечать на эти статьи с такою же резкостью (о сути дела, т. е. собственно о вопросе богословском, я не говорю) ваши ех-оппоненты могли бы, конечно, в других журналах; но эта полемика могла бы иметь результатом уже не научные вопросы, а совершенно посторонние целям нашего общества, и конечно только еще более произвело бы смуты: ибо были бы написаны ab irato“.

„Нельзя ли уговорить Дост-го напечатать в „Гр-не“ несколько слов в примирительном духе (NB тут, конечно, дело идет не о научной стороне вопроса, ибо в разработках научных вопросов, конечно, не может быть сделано никаких уступок)?“.

„Надеюсь, милый Т. И — ч, что вы не будете пенять на меня за это письмо; я бы, конечно, не решился его написать к человеку, которого бы я не уважал глубоко и которому не сочувствовал бы искренне. Надеюсь, что вы объясните мою откровенность именно в этом смысле“.

ПИСЬМО ТЕРТИЯ ФИЛИПОВА
К ДОСТОЕВСКОМУ
Публичная библиотека им. Ленина,
Москва

Многоуважаемый Федор Михайлович!
Посылаю вам перевод переписки Синода с
своим королевством и королевскими министрами,
небольшое предисловие к ней доставлю завтра,
а теперь пока пусть набирают.
Искренне преданный вам
Т. Филиппов

27 Сент.
1873г.

Р. С. Корректуру прикажите доставить мне.

Я ответил на это: 1) что статьи мои и что всякая ответственность за них (нравственная и другая) должна пасть на меня исключительно; 2) что если из-за этих статей академия захотела оставить Об-во, то я постараюсь их предупредить и своим выходом доставлю им возможность сохранить звание членов Об-ва; 3) что если какие-либо личные обращения в моих статьях заслуживают порицательной или вразумляющей оговорки: то пусть он составит проект подобной оговорки и пришлет его мне, дабы я мог посудить, могу ли я предложить вам напечатание этой оговорки" и т. д. В этих трех пунктах вся сущность моего ответа. Если к вам последует какое-либо от Киреева прямое обращение, мимо меня, то надеюсь, многоуважаемый Федор Михайлович, что вы не напечатаете ничего, не ознакомив меня предварительно с содержанием присланного к вам. Пишу это на всякий случай; на деле же трудно ожидать, чтобы это Киреев себе дозволил. Главнейшая моя забота во всем этом деле та, чтобы вас не коснулась ни самомаleastшая неприятность. Как вы поживаете? Не думаю чтобы слишком хорошо. Лето в Питере—чорт.

Душевно преданный вам Т. Филиппов

Москва, Девичье поле, дом Погодина ¹
18 июля 1873

¹ Дом, приобретенный М. П. Погодиным на Девичьем поле в 1836 г. в усадьбе Щербатовых, превратился с годами в известное „древлехранилище“. Дом сохранился до сих пор на „Погодинке“ за университетскими клиниками. Здесь помимо Т. И. Филиппова жила Фет, Гоголь и многие другие.

5

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Посылаю вам перевод переписки Синода еллинского королевства с церковным министерством; небольшое предисловие к ней доставлю завтра, а теперь пока пусть набирают. ¹

27 сент.
[1873 г.]

Искренне преданный вам

Т. Филиппов

Р. С. Корректуру прикажите доставить мне.

¹ Статья „Насилие, оказанное афинскому синоду министерством церковных дел“ по поводу возникшей в Афинах борьбы между церковной и светской властью была помещена в № 40 „Гражданина“ от 1 октября 1873 г. без подписи.

6

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Не советую отчеркнутое красным карандашом печатать в том виде, в каком оно составлено ¹. „Бессовестность фанариотов“ и тому подобные выражения во 1-х слишком избиты, в 2-х идут далее должного предела. Я бы полагал изменить изложение так: указать на закрытие консистории, гимназии и семинарии и на заточение Пелагича ², как на дело Турок, присовокупив, что Босняки во всех этих делах не только не встретили сочувствия и помощи от своих владык, родом Греков, но замечалось с их стороны даже нечто противное. И один — мол из митр — в Дионисий ³, изгнанный народом, опять возвращен в Боснию, хотя и на другую епархию.

Под этим можно сделать выноску от редакции, что Патриархии для Боснии необходимо сделать немедленные уступки, в смысле обновления их архиерейского персонала туземцами ⁴.

Иное изложение, резкое и обобщающее, даже и в том случае, если бы корреспондент был точен и строг (чего ведь мы не знаем), было бы рискованным и не ко времени: теперь пора страданий, а не торжества для фанар[иото]в.

Душевно преданный Вам

20 окт. [1873]

Т. Филиппов

¹ Речь идет о корреспонденции „Градишко в Боснии“, появившейся в № 41 „Гражданина“ от 8 октября 1873 г. Редакция выполнила все указания Т. И. Филиппова: забракотанное им место отсутствует, статья в довольно сдержанном тоне излагает факты преследования православных турками в Градишском округе в виду их племенной и религиозной симпатии к Боснии и Сербии (закрытие школ, библиотек и проч.).

² Пелагич — архимандрит в Банялуке (Босния), открывший в этом городе духовную семинарию, вскоре закрытую Сафет-пашою, который подверг Пелагича ссылке и заточению.

³ Дионисий — митрополит, изгнанный народом из Боснии, враг Пелагича, снова назначенный в 1873 г. турецким правительством в Зворницкую епархию (Босния).

⁴ В указанном месте сделана следующая сноска: „Не можем не заметить здесь от себя, что вселенская патриархия, в видах справедливости, отеческого призвания своего и здоровой политики, должна бы немедленно сделать теперь боснякам всевозможные уступки в смысле обновления их архиерейского персонала туземцами, иначе дело ожесточится и дойдет опять до той точки, как и с болгарами, когда уже поздно будет делать уступки. — Р е д.“

7

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Позвольте побеспокоить вас вопросом об оттисках речи архимандрита Григория в 40-й день по кончине гр. Толстого ¹. Я просил приготовить их триста: когда они могут быть готовы? Из Москвы меня уже об этом спрашивают. Если бы оказалось, что кн. Мещерский не сделал распоряжения, то потрудитесь приказать набрать вновь и доставить счет мне; только усерднейше вас прошу поторопиться.

Искренне преданный вам

21 окт. 1873 г.

Т. Филиппов.

¹ „Слово, сказанное архимандритом Григорьем (Паламою) в Московском Донском монастыре в 40-й день по кончине гр. А. П. Толстого“ напечатано в № 42 „Гражданина“ от 15 октября 1873 г. В архиве Достоевского сохранилось письмо к нему архимандрита Григория Паламы от 7 марта 1872 г.

8

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Посылаю вам для этого №, т. е., для 28 января (день рождения покойного графа Толстого), пока только описание двух панихид и слово архим. Неофита; за сим в четверг или пятницу вечером вы получите от меня мои воспоминания о графе, которые пойдут после речи Неофита¹. Нужды нет, что она невысокой пробы; архимандрит мало знал покойного и потому по необходимости впадал в loci topici. Не знаю, как удастся мне; если бы было поболее досуга, то можно было бы сказать очень много важного à propos „Гражданину“. Очень важно поместить все это в нынешнем номере; а почему, скажу при свидании. Если нужно объяснить, напишите, я прибегу.

22 янв. 1874 г.

Ваш Т. Филиппов

¹ Описание двух панихид появилось в № 4 „Гражданина“ от 29 января 1874 г. под общим заголовком „О гр. А. П. Толстом“, после чего следовало „Слово в память гр. А. П. Толстого, произнесенное архимандритом Неофитом Пагидою в Петерб. греч. церкви 20 янв. 1874 г.“ Затем следовало „Воспоминание“ Т. И. Филиппова.

9

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Посылаю вам два первых листа воспоминания о гр. Толстом¹. Еще должно быть таких около четырех, из коих по крайней мере два будут у вас завтра до 11-ти часов, а остальные в субботу в такое же время (т. е. около 11-ти утра). Было бы очень желательно поместить все в одном номере. Прошу очень не забыть прислать мне корректуру не сверстанную: ибо могут быть дополнения и исправления.

24 янв. [1874 г.]

Душевно преданный вам
Т. Филиппов.

¹ „Воспоминание о графе Александре Петровиче Толстом“ за подписью Т. Филиппова напечатано в № 4 „Гражданина“ с указанием „окончание будет“. Но окончания не последовало.

10

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Если возможно распорядитесь так, чтобы корректура не сверстанная всего, что я написал о гр. Т-м, была прислана мне завтра утром, не позднее 11-ти часов. Я имею крайнюю нужду прочесть все это с начала до конца, дабы по возможности сделать рассказ цельным и полным, без прорех, которых в нем как кажется не мало. Что вам покажется или слабым или не совсем ловким, отчеркните карандашиком, а в записочке объясните, дабы я мог иное подправить, а иное совсем выкинуть, или чем-нибудь заменить.

25 янв. 1874

Ваш Т. Филиппов

11

Многоуважаемый Федор Михайлович!

Я давно послал вам два листа продолжения, с тем, чтобы иметь возможность получить корректуру всей на этот № назначенной статьи завтра утром, часам к 11-ти: ибо я сам статьею недоволен и имею нужду прочесть ее в целом для дополнений и изменений. А мне сейчас прислали из типографии корректуру прежних моих двух листов и при сем записочку: будет ли продолжение в этом номере? Не замедлил ли ваш рассыльный? Сделайте милость, помогите мне в моем намерении привести статью в возможно лучший вид.

25 янв. [1874 г.]

Ваш Т. Филиппов

Дорогой и высокоуважаемый
Федор Михайлович!

Сейчас кончил Карамазовых¹ и не нахожу слов, равных чувству моей признательности за испытанное мною наслаждение и полученную душою моею пользу. Очень желал бы лично повторить слова моей благодарности, если вы позволите мне прийти к вам, назначив для сего день и час².

4 дек. [1880 г.]

Ваш Т. Филиппов

¹ Следует предположить, что Т. И. Филиппов закончил чтение „Братьев Карамазовых“ по журналу (роман закончился печатанием в ноябрьской книжке „Русского Вестника“ 1880 г.). Вышедшее почти одновременно отдельное издание романа было доставлено К. П. Победоносцеву 9 декабря.

² Достоевский отвечал Филиппову в тот же день: „4 декабря 1880. Дорогой и высокоуважаемый Тертий Иванович, вашими строками вы меня ошастливили. Меня так теперь все травят в журналах, а Карамазовых вероятно до того примутся повсеместно ругать (за бога), что такие отзывы, как ваш и другие, приходящие ко мне по почте (почти непрерывно) и, наконец, симпатии молодежи, в последнее время особенно высказываемые шумно и коллективно, решительно воскрешают и ободряют дух. Я теперь несколько болен и обречен доктором пока на сидение, а то бы непременно сам пришел к вам. Дома же я обыкновенно почти всегда от 3 до 4-ех даже до 5 пополудни. Вечером с 10 часов, хотя не всегда, но теперь с вечерами дня два-три буду наверное дома. Посещение ваше сделает мне высокую честь и огромное удовольствие. Ваш весь Ф. Достоевский“ („Звезда“ 1929, № 6, стр. 198).

III. ИЗВЕЩЕНИЕ ДВОРЦОВОЙ КОНТОРЫ¹

Двора

Его Императорского Высочества

Государя

Наследника Цесаревича

по ведению гофмаршала

Контора

19 Ноября 1876 года

№ 1570

С.-Петербург.

Свое согласие на получение периодического издания Вашего под заглавием „Дневник Писателя“.

Г. Издателю ежемесячного
издания „Дневник Писателя“
Федору Достоевскому. —

По повелению Государя Наследника Цесаревича, в ответ на поданное Вами на Имя Его Императорского Высочества письмо, от 16 текущего Ноября, имею честь уведомить Вас, Милостивый Государь, что его Высочество соблагволил изъявить милостивое

Гофмаршал Зиновьев

И. Д. Управляющего Конторою

адъютант Его Высочества

Полковник (подпись).

¹ Получив совет Победоносцева поднести наследнику „Дневник писателя“, Достоевский через два-три дня, 16 ноября, обращается с письмом на имя вел. князя, прося о разрешении представить ему выпуск своего издания (Ф. М. Достоевский. „Письма“ под ред. А. С. Долинина, М.-Л., 1934, III, 251). На письмо это контора „Двора его императорского высочества“ ответила через три дня — 19 ноября — приведенным отношением.

IV. ПИСЬМА Д. С. АРСЕНЬЕВА¹

1

Среда 15 марта [1878 г.]

Многоуважаемый Федор Михайлович.

Рассчитывая на ваше любезное обещанье, Великие Князья Серге² и Павел³ Александровичи приглашают вас пожаловать к ним обедать в пятницу 16-го марта, в 6 час. по полудни. Надеюсь, что здоровье ваше позволит вам пожаловать к их Высочествам и сердечно того желаю.

Так много прошло времени со дня моего с вами знакомства;—после разговора с вами я еще более и убедился, что всего лучше устроить так, чтобы знакомство В-х князей с вами не казалось им сделанным по Родительскому совету или воспитательскому приказанию, а исходило от собственного желания—и вот на внушение оного, посредством (повидимому) случайных разговоров, прошло довольно времени;—во время же масляницы и 1-й недели поста (говенье) я опасался, что за впечатлениями других порядков, не сделалось бы впечатление от 1-ой встречи с вами—менее сильными—и вот почему только теперь прихожу просить вас о исполнении обещания.—Если вы желали бы со мною еще переговорить до обеда, то я мог бы завтра к вам заехать. Чтобы избавить вас от затруднений отыскивать помещение В. Князей в мало знакомом вам лабиринте Зимнего дворца, позвольте мы пришлем за вами карету в пятницу в 5½ час. пополудни. За обедом же будут только В. К. Сергей и Павел Александровичи и Константин Константинович с воспитателем (во всем мне симпатизирующим), К. Н. Бестужев и я.—Прошу вас, достопочтенный Федор Михайлович, принять уверение в моем глубоком почтении и преданности.

Д. Арсеньев

¹ В начале 1878 г. Достоевского, по свидетельству его жены, „посетил Дмитрий Сергеевич Арсеньев, воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровичей. Арсеньев высказал желание познакомить своих воспитанников с известным писателем, произведениями которого они интересуются. Он добавил, что является от имени государя, которому желалось бы, чтобы Федор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных великих князей“. Д. С. Арсеньев (1832—1915) был адмиралом, с 1882 г. директором Морского училища. В примечаниях к „Воспоминаниям о деле Веры Засулич“ А. Ф. Кони, воспитатель вел. кн. Сергея Александровича Д. С. Арсеньев обширно разъяснен биографией Константиновича Арсеньева, редактора „Вестника Европы“ (А. Ф. Кони. „Воспоминания о деле Веры Засулич“, изд. „Academia“, 1933 г., стр. 508).

² Сергей Александрович (1857—1905)—четвертый сын Александра II, с 1891 г. московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа,—одна из мрачнейших фигур в беспросветной среде последних Романовых. Печальнейшую известность доставили ему характерные моменты его правления—Ходынка, выселение 20 тыс. евреев из Москвы, зубатовщина, жестокая борьба со студенчеством. 4 февраля 1905 г. он был убит всером Каляевым.

Ряд характерных свидетельств о Сергее Александровиче имеется в „Дневнике“ известной генеральши А. В. Богданович. По поводу назначения великого князя в Москву автор дневника передает толки петербургских кругов о том, что „назначение неудачное, что это глупость, за которую придется платиться, т. к. вел. князь ничего не смыслил в деле управления, что заведутся „интриги“ и проч. (134). „Новое Время“ чуть-чуть не подверглось каре—запрещению розничной продажи,—поместив в иллюстрационном прибавлении к газете жизнеописание вел. кн. Сергея Александровича и старый рассказ Бальзака, герой которого влюбился в леопардику. Усмотрели в этом намеки на вел. князя, вкусы которого не секрет никому“ (136). „Рассказов о всех безобразиях великого князя очень много... В Москве все им возмущены“ (144). По поводу знаменитого дебюта Николая II с фразой о „бессмысленных мечтаниях“ автор дневника сообщает: „говорят, что слово „бессмысленные“ было прибавлено царем по совету вел. кн. Сергея Александровича. Это на него похоже“ (190). „... когда царь приказал произвести следствие по ходынкскому делу, то сразу выяснилось, что в кн. Сергей виноват“ (203). „...На всех улицах ночью были наклеены листы, на которых было напечатано, что он (Сергей Александрович)—„Ходынский царь“, и проч.

³ Павел Александрович—младший сын Александра II (род. в 1880 г.). Впоследствии состоял „покровителем всех поощрительных конно-заводских учреждений в России“.

2

19 марта [1878 г.]

Многоуважаемый Федор Михайлович.

В. К. Сергей Александрович поручает мне просить у вас извинить его, если обед должен быть отложен, завтра он должен со всем семейством обедать у наследника. Сергей Александрович просит вас сказать мне, что вам удобнее вторник или среда, и он надеется, что во вторник или среду он наконец будет иметь давно желанное удовольствие вас видеть у Себя.

Простите, что наделали вам столько беспокойства: в виду доброго дела извините вас почитающего и преданного вам

Д. Арсеньева

3

Понедельник
20 марта

Многоуважаемый Федор Михайлович.

Хотя вам вторник и менее удобен, но В. К. Сергей Александрович просит вас пожертвовать на этот раз Вторником и пожаловать к нему завтра кушать в 6 часов и карета будет у вас своевременно.

Потому посягаем на Вторник, что вероятно в среду будет опять семейный обед, от которого не в обычае у них отказываться,—а откладывать Великому Князю не хотелось далее удовольствия с вами повидаться.—Прошу вас приезжайте завтра.

Вам преданный

пок. слуга

Д. Арсеньев

4

23 апреля Воскресенье [1878 г.]

Многоуважаемый Федор Михайлович.

По окончании всех „суето торжественных забот“ святой недели, великие князья возвращаются с завтрашнего дня к своей обычной жизни и хотят этим воспользоваться, чтобы повидаться с вами; они просят вас пожаловать к ним кушать завтра в понедельник в шесть часов; если вас не стеснит приехать в 5^{1/2}, вы меня очень одолжите, ибо желал бы поговорить с вами наедине до великих князей. Мне бы хотелось просить вас коснуться роли, которую они бы могли иметь среди нынешнего состояния общества, той пользы, которую бы они должны приносить—и о том, как бы естественнее к этому подойти, мне бы хотелось поговорить с вами.

От всей души желаю, чтобы ваше здоровье и дела дозволили вам быть у их высочеств.

Вас глубоко уважающий

Д. Арсеньев

5

3 марта [1879 г.]

Многоуважаемый Федор Михайлович.

В. Князь Сергей Александрович очень просит вас пожаловать к нему откушать в Понедельник 5-го Марта в 6 часов пополудни. Великий Князь сохраняет отрадное воспоминание о прежних свиданиях с вами. С тех пор он ознакомился с „Мертвым домом“, „Преступлением и наказанием“ и 1-й частью семейства Карамазовых—на два года старше—и еще сознательнее и пламеннее желает пользоваться беседою вашей и надеется, что вы исполните его желание.

Позвольте надеяться, что вы придете на зов юного великого князя—дай бог, чтобы здоровье ваше и занятия—вам это дозволили. Жду этого дня, как истинного праздника.

Вас почитающий

покорный слуга

Д. Арсеньев

На этом обеде будет К. П. Победоносцев, которого вы знаете, и юный великий князь Константин Константинович, особенно дружный с Сергеем Александровичем

V. ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА РОМАНОВА (К. Р.)¹

1

Спб. 15/III 1879

Многоуважаемый Федор Михайлович, я буду очень рад и благодарен вам если вы не откажетесь провести у меня вечер завтра 16-го марта начиная с 9 ч. вы встретите знакомых вам людей, которым как и мне вы доставите большое удовольствие своим присутствием.

Преданный вам

Константин

¹ Константин Константинович, известный впоследствии как поэт, подписывавший свои произведения инициалами К. Р., и президент Академии Наук (с 1889 г.), в то время еще не пользовался литературной известностью. В момент знакомства с Достоевским это был совсем молодой человек, еще не достигший совершеннолетия. „С молодым великим князем.—сообщала Анна Григорьевна,—у мужа, несмотря на разницу лет, установились вполне дружеские отношения, и он часто приглашал мужа к себе побеседовать глаз-на-глаз или созывал избранное общество и просил мужа прочесть, по своему выбору, что-либо из его нового произведения. Так, раза два-три Федору Михайловичу случилось читать у великого князя в присутствии супруги наследника цесаревича, ее высочества в. к. Марии Федоровны, Марии Максимилиановны Баденской и других особ императорской семьи“. Опубликованные в настоящее время дневники Константина Романова свидетельствуют, что автор „Царя иудейского“ горевал в 1905—1906 гг. о вялости действий войск по усмирению восстаний, возмущался ходатайством академиков о помиловании приговоренного к смерти директора музея в Чите, негодовал, как смел „мерзавец Петрункевич требовать амнистии политическим“ и мечтал послать в Варшаву нового Муравьева-Виленского. Но в 1880 г., когда он привлекал Достоевского к участию в своем литературном салоне, он еще считался „будущим поэтом“ и ни в чем не успел проявить себя. По его мысли в Мраморном дворце и происходили авторские чтения „Братьев Карамазовых“.

2

Среда [1880 г.]

Многоуважаемый Федор Михайлович, буду очень рад Вас видеть завтра 22-го в 9^{1/2} ч. вечера. Прошу вас не стесняться отказом, если вам этот день сколько-нибудь неудобен.

Ваш Константин

3

Понедельник 25 февраля [1880 г.]

Многоуважаемый
Федор Михайлович,

если вы желаете доставить мне истинное удовольствие, приходите завтра, вечером в 9 ч. (с парадного подъезда). Вы встретите многих своих знакомых — Юлию Федоровну Абаза,¹ графиню Комаровскую² и других.

Душевно преданный вам

Константин

¹ Абаза, Ю. Ф. См. 8-е примечание к 33-му письму Победоносцева.

² Гр. Анна Комаровская — фрейлина в. кн. Александры Иосифовны (матери К. Р.). В архиве Достоевского сохранились две пригласительные записки к нему А. Комаровской.

4

Пятница [1880 г.]

Многоуважаемый Федор Михайлович, очень прошу вас не отказаться провести у нас вечер завтра, как в прошлый раз. Будет принцесса Евгения Максимилиановна, ей очень хочется с вами познакомиться. Будет и в. к. Сергей Александрович. Приезжайте в начале десятого часа. Простите, что так поздно уведомляю вас и утешьте утвердительным ответом.

Ваш Константин

5

22 апреля [1880 г.]

Христос воскрес, многоуважаемый Федор Михайлович. Очень бы хотелось вас повидать на Святой, да и не мне одному. Открою вам заговор против вас: желал бы, чтоб вы пали его жертвой. В четверг вечером будут у меня: Евгения Максимилиановна, сестра ее — принцесса баденская Марья Максимилиановна и Сергей Александрович. Они меня убедительно просили уговорить вас не отказаться провести с нами вечер, как видите, в самом тесном кружке и на этот раз лично у меня в моих комнатах, в 9 часов.

Очень прошу вас, многоуважаемый Федор Михайлович, доставьте мне это удовольствие.

Искренне преданный вам

Константин

Воскресенье 4 мая [1880 г.]

Любезный Федор Михайлович, позвольте снова посягнуть на вашу свободу и попросить вас приехать ко мне в четверг вечером в 9 час.

Дело в том, что в прошлое воскресенье на концерте в пользу Георгиевской общины ваше чтение ¹ особенно понравилось государыне цесаревне ² и ей захотелось поближе с вами познакомиться. Она будет у меня в четверг 8 мая; если вы не откажетесь прочесть что-нибудь из ваших сочинений, разумеется по собственному вашему выбору, мы будем вам крайне благодарны. Мы проведем вечер в самом тесном кружке. Кроме Сергея будут Евгения и Мария Максимилиановны и г-жа Шереметева (дочь покойной в. к. Марии Николаевны).

Надеюсь, ничто не помешает вам своим присутствием доставить всем нам истинное удовольствие.

Душевно ваш

Константин

¹ В воскресенье 27 апреля Достоевский выступал на литературном вечере с чтением отрывка из последней части „Братьев Карамазовых“ (книга „Мальчики“): „Эффект, без преувеличения и похвалы могу сказать, был чрезвычайно сильный“ (письмо к Н. А. Любимову 29 апреля 1880 г.; „Былое“, XV, 121 и сл.; Воспоминания Александра — „Русская Старина“, 1892).

² Т. е. Марии Федоровне, жене будущего Александра III.